

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

FREECONOMY.RU

ЖУРНАЛ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ЭФФЕКТ ПЛАТО:

РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

**THE PLATEAU EFFECT:
RISKS AND PROSPECTS
FOR THE GLOBAL ECONOMY**

стр. 12

ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ: РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

**A WINDOW OF OPPORTUNITY:
RUSSIA IN A MULTIPOLAR WORLD**

стр. 66

СТРУКТУРА БУДУЩЕГО МИРОУСТРОЙСТВА:

ОТ ГЕГЕМОНИИ К МНОГОПОЛЯРНОСТИ

**THE STRUCTURE OF THE FUTURE WORLD ORDER:
FROM HEGEMONY TO MULTIPOLARITY**

стр. 32

ТЕХНОЛОГИИ БЕЗ ХАЙПА: ИННОВАЦИИ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНЯТ МИР

**TECHNOLOGY BEYOND THE HYPE:
INNOVATIONS THAT WILL CHANGE THE WORLD**

стр. 94

стр. 48
ИНТЕРВЬЮ
ДЭВИДА ЛЭЙНА
ЧЛЕНА БРИТАНСКОЙ АКАДЕМИИ
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
О ПЕРЕЗАГРУЗКЕ МИРОВОГО
ПОРЯДКА
INTERVIEW WITH DAVID LANE
Fellow of the Academy
of Social Sciences
on the Reset
of the Global Order

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ПЕРСПЕКТИВ НООПЕРЕХОДА

**ECONOMIC ARCHITECTURE AMIDST GLOBAL TRANSFORMATIONS
AND PROSPECTS FOR THE NOO-TRANSITION**

Подписка на издания

ПОДПИСКА НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ВЕО РОССИИ

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки podpiska.pochta.ru

Журнал «Вольная экономика»

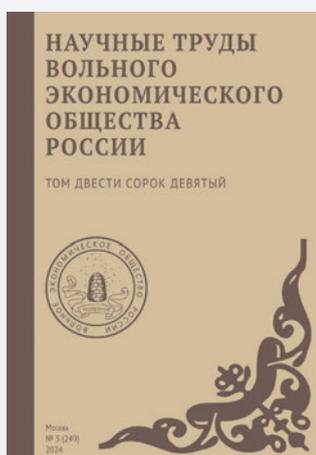
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПА008

Научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей.

Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учеными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте <http://freeconomy.ru>

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные

научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский

индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Тома Научных трудов размещены на сайте ВЭО России www.veorus.ru/труды-вэо/

Subscribe

SUBSCRIBE TO FREE ECONOMY (FREEECONOMY.RU)

Free Economy and proceedings of the Free Economic Society of Russia are available by subscription at any Russian Federation post office or online at www.podpiska.pochta.ru

Free Economy's index

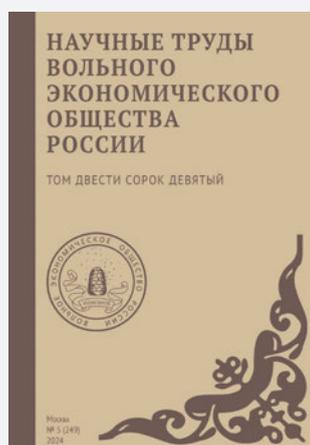
IN THE CATALOG OF THE RUSSIAN PRESS IS ПА008

A special place in the media space. An authoritative magazine for authoritative people who make decisions in the economic sphere.

**Interviews, news and analytics published in print version of the magazine
as well as numerous additional materials are available at**

www.freeeconomy.ru

SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

The index of The Proceedings of the Free Economic Society of Russia in the Catalog of the Russian Press is ПР999

Since 2003, The Proceedings of the Free Economic Society of Russia have been included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications tasked with publishing main scientific results of candidate's and doctoral dissertations.

Articles published in the proceedings are represented within the Russian science citation index (RSCI) system and the science electronic library, www.elibrary.ru (SEL).

Works published in the proceedings are granted with the international identifier DOI, are indexed in international data bases; CrossRef, CyberLeninka, GoogleAcademy.

The issues of the proceedings are available on the site of the VEO of Russia (www.veorus.ru/труды-вэо/)

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Главный редактор

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич

Президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Журнал «Вольная экономика» издается с 2017 года под патронажем Международного комитета ВЭО России

Шеф-редактор Татьяна Иванова
Редактор Татьяна Астафьева
Дизайнер Алексей Зиновьев

Фото: пресс-служба ВЭО России, авторские
Иллюстрации: сгенерированы с помощью ИИ, если не указано иное

Издатель и редакция

Общероссийская общественная организация «Вольное экономическое общество России»
Адрес: Москва, ул. Тверская, д. 22В

Редакционный директор
Маргарита Ратникова

Пресс-директор Ольга Савина
Директор по развитию Анна Бобина

Телефон: +7 (495) 609-07-60
Электронная почта: INFO@VEORUS.RU
№ 38 (апрель — июнь 2026)

Свидетельство о регистрации СМИ в Роскомнадзоре — ПИ № ФС 77-76033 от 24.06.2019

Учредитель С.Д. Бодрунов
Подписано в печать 06.03.2026

Выход в свет 20.03.2026

Заказ № 8

Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа Гранд»

152900, Ярославская область, г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, 57
www.mediagrandprint.ru

0+

Свободная цена

Над выпуском работали:

Татьяна Астафьева, Валентина Осипова, Маргарита Римская, Александр Кобзев

Редакционный совет журнала «Вольная экономика»

ГЛАЗЬЕВ
Сергей Юрьевич

Вице-президент ВЭО России, государственный секретарь Союзного государства, академик РАН, д.э.н., профессор

МИТИН
Сергей Герасимович

Вице-президент ВЭО России, председатель Комиссии по культурному наследию Российского военно-исторического общества, член Союза писателей России, д.э.н., профессор

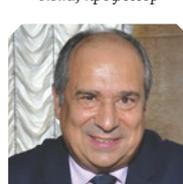
ШОХИН
Александр Николаевич

Член Президиума ВЭО России, президент Российского союза промышленников и предпринимателей, д.э.н., профессор

КЛЕПАЧ
Андрей Николаевич

Член Правления ВЭО России, главный экономист ВЭБ.РФ, к.э.н.

НЕКИПЕЛОВ
Александр Дмитриевич

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН, д.э.н., профессор

ЭСКИНДАРОВ
Михаил Абдурахманович

Вице-президент ВЭО России, президент, научный руководитель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор

ЛОБАНОВ
Иван Васильевич

Ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

ОКРЕПИЛОВ
Владимир Валентинович

Член Правления ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, научный руководитель Института проблем региональной экономики Российской академии наук, академик РАН, д.э.н., профессор

ЯКУТИН
Юрий Васильевич

Действительный член Сената ВЭО России, председатель Совета директоров, научный руководитель АО Издательский дом «Экономическая газета», генеральный директор АО ИД «Экономика и жизнь», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор

МИЛОВИДОВ
Владимир Дмитриевич

Член Правления ВЭО России, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, д.э.н., член-корреспондент РАН

ШИРОВ
Александр Александрович

Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

INFORMATION ON THE JOURNAL

FREE ECONOMY

Chief Editor

Sergei Dmitrievich Bodrunov,
President of the VEO of Russia,
director of the S.Yu. Witte Institute of New
Industrial Development,
Correspondent Member of the RAS,
Doctor of Economics,
Professor

The Free Economy Journal,
from 2017

The magazine is published under
the patronage of the International Committee
of the VEO of Russia

Managing editor: Tatyana Ivanova
Editor: Tatiana Astafieva
Designer: Alexey Zinoviyev

Photos: VEO of Russia, author's,
Illustrations: AI-generated,
if not stated otherwise

Publisher and editorial board

All-Russian non-government organization
Free Economic Society of Russia.

Address: 22B Tverskaya Street, Moscow

Editorial Director Margarita Ratnikova

Press Director Olga Savina

Development Director Anna Bobina

Telephone: +7(495) 609-07-60

Email: Info@VEORUS.RU

No. 38 (April – June 2026)

Mass media registration certificate
in Roskonnadzor – PI № FS 77-76033
from 24.06.2019

Founder: S.D. Bodrunov

Signed off for printing: 06.03.2026

Released: 20.03.2026

Order № 8 Print run: 3000

Printed at «Grand Prix» LLC

152900, Rybinsk, 57, Ordzhonikidze str.

www.mediagrandprint.ru

0+

Free price

Worked on the current issue:

**Tatiana Astafieva, Valentina Osipova,
Margarita Rimskaya, Aleksandr Kobzev**

Editorial Board

Sergey Glazyev

Vice-President of the VEO of Russia, State
Secretary of the Union State, Academician
of the Russian Academy of Sciences, Doctor
of Economic Sciences, Professor.

Sergey Mitin

Vice-President of the VEO of Russia,
Chairman of the Commission on Cultural
Heritage of the Russian Military Historical
Society, Member of the Union of Writers
of Russia, Doctor of Economic Sciences,
Professor.

Alexander Shokhin

Member of the Presidium of the VEO of
Russia, President of the Russian Union
of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP),
Doctor of Economic Sciences, Professor.

Andrey Klepach

Member of the Board of the VEO of Russia,
Chief Economist at VEB, RF, Candidate
of Economic Sciences.

Alexander Nekipelov

Vice-President of the VEO of Russia, Director
of the Moscow School of Economics at
Lomonosov Moscow State University,
Academician of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor.

Mikhail Eskindarov

Vice-President of the VEO of Russia,
President and Scientific Director
of the Financial University under
the Government of the Russian Federation,
Academician of the Russian Academy
of Education, Honored Scientist
of the Russian Federation, Doctor
of Economic Sciences, Professor.

Ivan Lobanov

Rector of the Plekhanov Russian University
of Economics, Candidate of Juridical
Sciences, Associate Professor.

Vladimir Okrepilov

Member of the Board of the VEO of Russia,
President of the St. Petersburg Regional
Public Organization of the VEO of Russia,
Scientific Director of the Institute for
Regional Economic Problems of the Russian
Academy of Sciences, Academician
of the Russian Academy of Sciences, Doctor
of Economic Sciences, Professor.

Yuri Yakutin

Full Member of the Senate of the VEO
of Russia, Chairman of the Board
of Directors and Scientific Director
of the "Ekonomicheskaya Gazeta"
Publishing House, Director General
of the "Economics and Life" Publishing
House, Scientific Editor of the Russian
Classical Library "Economics and
Spirituality", Honored Scientist
of the Russian Federation, Doctor
of Economic Sciences, Professor.

Vladimir Milovidov

Member of the Board of the VEO of Russia,
Deputy Director for Science at the Primakov
National Research Institute of World
Economy and International Relations
(IMEMO) of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences.

Alexander Shirov

Member of the Presidium of the VEO of
Russia, Director of the Institute of Economic
Forecasting of the Russian Academy
of Sciences, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Doctor
of Economic Sciences, Professor.

НООПЕРЕХОД: КАК НЕ ОСТАТЬСЯ НА ОБОЧИНЕ ТРАЕКТОРИИ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ?

Уважаемые читатели!

Новый номер нашего журнала — о выборе. О том выборе, который стоит и перед человечеством, и перед Россией. И, как это не покажется удивительным, — перед каждым из нас. Потому что он, вообще-то, о нас.

О чем речь? О том, что наше сообщество встало перед выбором дальнейшей траектории развития — как в глобальном масштабе, так и национальном. И, безусловно, результат этого выбора коснется каждого.

Этот выбор сложен — он обусловлен смыслом и самого предмета выбора, и жесткостью различий «меню» вариантов. С одной стороны — привычная, но уж больно иррациональная платформа неолиберальной экономики с ее неоправданным (при нынешних постоянно возрастающих возможностях НТП все более полно удовлетворять общественные потребности) ростом неравенства, социальной дисгармонии и возгонкой негативных тенденций в отношениях человека и окружающего природного мира, с другой — весьма привлекательные перспективы новой модели отношений между странами и народами, выдвигаемой лидерами БРИКС, реализация которой при огромном сопротивлении «старого мира» весьма сложна, а то и — по мнению немало числа скептиков — проблематична (и, как показывает жизнь, небесконфликтна). При этом дорога и в том, и в другом направлениях далеко не безоблачная прогулка.

Вот уж действительно — ситуация «сказочная»: налево пойдешь — коня потеряешь, направо — голову рискуешь сложить... Но и стоять на месте не получится. Мы вступили в новую эпоху, эпоху перехода в новое состояние цивилизации — во всех аспектах: в технологиях и технологическом укладе, в социальных институтах, в управлении общественными процессами. И — хотим мы этого или нет — мы уже идем (нет, мчимся!) по этой трассе.

Куда свернуть, чтобы не «свернуть шею» и благополучно перейти к стабильной и выверенной жизни? Где цели и базовые «вехи» этой траектории? Они — в ценностях. Исповедуемые каждой стратегией ценности создают прочную основу принятия решений при выборе «поворота» в рамках перехода к новому мироустройству.

Мы — за ноопереход, осмысленный, осознанный и управляемый переход по траектории, определяемой общечеловеческими гуманистическими ценностями. Идеино он близок к модели, альтернативной современной социально-экономической практике. И, казалось бы, кто бы возражал: все хотят жить в мире и ладу, быть сытыми, здоровыми, образованными.

Однако все не так просто. Как указывал Дж. Оруэлл в «Скотном дворе», даже в сообществе, где «все равны», есть те, кто «равнее других». И далеко не все из «более равных» готовы эту парадигму отношений менять. А «мировое большинство» не хочет (да и не может) уже больше терпеть жить в «скотских» условиях.

Проблема эта по ходу цивилизационного движения все более обостряется. В последнее время она стала предметом ожесточенных споров.

Не случайно Вольное экономическое общество России уделяет этой теме много внимания: на наших дискуссионных площадках вопросы выбора пути развития звучат все чаще и острее. Мир меняется стремительно, и скорость этих изменений не просто нарастает — она ускоряется, образно говоря, по экспоненте. Технологии, еще вчера казавшиеся фантастикой, сегодня становятся обыденностью, а завтра могут оказаться морально устаревшими. Привычные «центры силы», теряя эту самую «силу и утрачивая монополию на определение «правил игры», ужесточают «силовые приемы», а международное право все чаще уступает место жесткому прагматизму и откровенному нигилизму.

В таких условиях естественно задуматься: способна ли Россия не просто «удержаться на плаву», но занять достойное место в формирующемся многополярном мире?

Ответ во многом зависит от того, насколько точно мы понимаем природу происходящей трансформации и насколько адекватно реагируем на ее «изгибы».

Одна из сквозных тем этого номера — ускорение научно-технического прогресса как главный драйвер нооперехода.

Мы неоднократно писали о том, что цивилизация стоит на пороге качественного скачка, когда знание становится главным источником развития. И здесь важно не отстать,

иначе неизбежен откат к обочине траектории мирового прогресса.

Проблема, однако, в том, что ускорение НТП несет с собой не только возможности, но и серьезные угрозы. Мы подробно разбираем их в этом номере: замедление инвестиций в промышленность при росте информационной насыщенности производства (парадокс, не правда ли?), рост цифрового неравенства между странами, формирование технологических «пузырей». Кстати, о пузырях — это отдельная, на наш взгляд, весьма поучительная тема. Миллиарды вкладываются в проекты, обреченные так и остаться хайпом. Не все футуристичные технологии получают массовое внедрение. Помните бум «технологий виртуальной реальности» лет десять назад? Многие из этих технологий оказались переоценены, прогнозные сроки их «зрелости» были завышены, а компании, инвестировавшие в них, столкнулись с убытками.

Как отличить прорывную технологию от пузыря? Какие методы оценки перспективности существуют? Этой теме посвящен отдельный материал, где мы рассматриваем, в частности, знаменитую кривую Gartner Hype Cycle и разбираем конкретные примеры как удачных, так и провальных прогнозов. И, что особенно важно, пытаемся понять, на какие технологии делается ставка сегодня и почему.

Но технологии — лишь часть большой картины.

Другая ее часть, не менее важная, — трансформация мирового порядка. И здесь происходят процессы не менее

драматичные. Эпоха «американской гегемонии», судя по всему, уходит в прошлое. Мир движется к многополярности, и этот переход — очевидный провозвестник глобального нооперехода — обусловлен целым комплексом причин: от роста глобального долга и торговых конфликтов до климатических рисков и демографических проблем. По итогам мировой презентации доклада ООН (в России ее проводило ВЭО России) мы публикуем развернутый анализ этих рисков.

Многополярный мир — цель, к которой стремятся многие страны, включая Россию. Но как ее достичь? Какие плюсы несет такая модель мирового устройства и какие риски? В каких областях может обостриться соперничество? Мы, обсуждая с экспертами возможности и вызовы новой архитектуры мира, публикуем обширное интервью с Дэвидом Лэйном, почетным профессором социологии Кембриджского университета, который делится своим видением причин трансформации мирового порядка и условий перехода к гармоничному социально-экономическому развитию.

Отдельный материал посвящен форсайт-прогнозу: какое будущее ждет Россию в многополярном мире? Дилеммы здесь непростые. Станем ли мы одним из лидеров такого мироустройства или придется присоединиться к формирующимся новым полюсам?

Тогда в качестве кого? Какие возможности открывает перед нами новый мировой порядок, какие угрозы порождает? Попросту говоря, нам предстоит ответить на вопрос: готовы ли мы к тому, чтобы «играть» по новым правилам, или будем продолжать жить в навязанной нам в 90-е годы модели, пусть и модернизированной, и цепляться за старые схемы?

Все эти глобальные процессы — и технологические сдвиги, и переформатирование мирового порядка — неизбежно приводят к главному: как повысить эффективность российской экономики? К тому, о чем говорим давно. Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика» — не просто красивая формулировка, это императив, продиктованный самой природой нооперехода. В этом номере мы разбираемся с экспертами, какие решения позволят реализовать цели этого проекта и перейти к новому качеству российской экономики, сделать ее более эффективной в долгосрочной перспективе.

Думаю, что практический ответ лежит в той же плоскости, о которой мы писали в предыдущих номерах и которую неоднократно обсуждали на площадках ВЭО России: приоритизация индустриального развития, структурные реформы, государственно-частное партнерство, реальная поддержка малого и среднего предпринимательства. Но теперь к этому добавляется еще одно измерение — способность страны, ее экономики и социальных институтов быстро и адекватно адаптироваться к изменениям, отличать прорывные решения от модных «заманух», выстраивать стратегические союзы в многополярном мире. Если мы не сумеем или не решимся применить все эти фундаментальные и давно назревшие меры, остальные факторы позитивного эффекта могут и не дать.

Человечество стоит на распутье, у развилки — мы повторяем эту мысль из номера в номер неспроста: она становится все актуальнее. И перед нами — выбор. Уже жесткий, который не отложить: либо движение к «разумизации» развития, к нооэкономике, либо реализация негативного сценария, вплоть до (не приведи Господь!) глобальных драматических проблем.

Выбор — за нами. И от того, что решим, о чем договоримся, что предложим, что предпримем, может зависеть не только место России в новом мировом порядке, но и сама возможность гармоничного развития страны.

Материалы этого номера, надеемся, помогут лучше понять суть происходящей трансформации. А главное — увидеть те точки приложения усилий, те «повороты траектории», где Россия может не только догнать, но и обойти конкурентов. Окно возможностей открыто, но не бесконечно долго.

Скромная задача нашего журнала — как раз в том, чтобы эти возможности помочь разглядеть, обсудить, превратить в конкретные решения.

Нам вместе будет о чем поговорить.

Сергей Бодрунов
Президент Вольного
экономического общества России,
член-корреспондент РАН

NOO-TRANSITION:

HOW TO KEEP UP WITH THE GLOBAL DEVELOPMENT TRAJECTORY?

Dear Reader!

The latest issue of our journal delves into a profound question of choice, the one that stands before both humanity and Russia. As astonishing as it may sound, this choice now lies with each of us personally, for it touches our very lives.

What is at stake? Our society stands at a crossroads, confronting a choice that will determine its development trajectory both on a global scale and within the nation. Undoubtedly, the outcomes will touch the lives of each and every one of us.

The choice is complicated. It is shaped by both the deeper meaning of the choice itself and the stark contrast between the options on the “menu.” On one side lies the familiar, yet highly irrational, framework of neoliberal economics with its unjustified growth of inequality, social disharmony, and the escalation of negative trends in human-environment relations, despite the ever-expanding possibilities of scientific and technological progress to meet societal needs. On the other side are the promising prospects of a new model of international relations, championed by BRICS leaders, an approach that, faced with formidable resistance from the “old world,” is extremely challenging to implement, and according to many skeptics, problematic (and, as history shows, not without conflicts). Meanwhile, the path in either direction promises to be far from a cakewalk.

Indeed, this is truly a “fairy-tale” situation: take a step to the left, and you risk losing your horse; turn to the right, and you might get your head blown off... But standing still is no longer an option. We have entered a new era of transition into a radically different civilization in every aspect: technology and the technological order, social institutions, and the management of societal processes. Whether we like it or not, we are already walking down this path, or even racing along it at full speed!

Where should we turn so as to safely move towards a stable and well-balanced life and not to “break our neck”? Where are the goals and the fundamental milestones on this trajectory? They are rooted in values. The core values professed by each strategy form a solid foundation for decision-making when choosing the “turn” in the transition towards a new world order.

We advocate for a thoughtful, conscious, and managed noo-transition, a transition guided by universal humanist values. Ideologically, it aligns with an alternative model to the current socio-economic practices. And who would oppose it? After all, every person strives to live in peace and harmony, to be well-fed, healthy, and educated.

However, all is not as simple as we would like. In *Animal Farm*, George Orwell famously wrote that even in a community where “all animals are equal,” there are some who are “more equal than others.” Not everyone among the “more equal” is ready to change this paradigm. Meanwhile, the “world majority” no longer wishes—and, in fact, cannot—continue living in inhumane conditions.

This problem has become increasingly acute amid the ongoing movement of civilization. Recently, it has sparked intense debates and fierce controversies.

It is no coincidence that the Free Economic Society of Russia devotes significant attention to this issue: during our discussions, questions about the path of development are heard more and more frequently, and with greater urgency. The world is changing rapidly, and the speed of these changes is not merely increasing, but accelerating exponentially. Technologies that yesterday seemed fantastical are today becoming commonplace, and tomorrow they may become morally outdated. The traditional “centers of power,” losing their “influence and monopoly over defining the “rules of the game,” are tightening their grip through more forceful measures. Meanwhile, international law increasingly yields to hard pragmatism and blatant nihilism.

In such circumstances, it is natural to ask: is Russia capable not just of “staying afloat,” but also of securing a worthy place in the emerging multipolar world?

The answer largely depends on how accurately we comprehend the nature of this ongoing transformation and how aptly we respond to its “twists and turns.”

One of the recurring themes of this issue is the acceleration of scientific and technological progress as the main driver of the noo-transition.

We have repeatedly written that civilization stands on the verge of a qualitative leap, where knowledge becomes the primary source of development. In this context, it is crucial not to fall behind, otherwise, an inevitable regression to the sidelines of global progress awaits us.

However, the problem is that the rapid acceleration of scientific and technological advances brings not only opportunities but also serious threats. We explore these in detail in this issue:

the slowdown of investments in industry amid the growing information saturation of production (a paradox, isn't it?), the rise of digital inequality between countries, and the formation of technological “bubbles.” Speaking of bubbles, we believe this is a separate, and instructive, topic. Billions are invested in projects doomed to remain mere hype. Not all futuristic technologies are adopted on a large scale. Do you remember the “virtual reality” boom of about ten years ago? Many of those technologies were overestimated, their projected “maturity” was exaggerated, and companies that invested in them faced significant losses.

How can one distinguish a breakthrough technology from a bubble? What methods are available to evaluate its prospects? This topic is the focus of a dedicated section, where we analyze, in particular, the famous Gartner Hype Cycle and examine specific examples, both successful and failed forecasts. Importantly, we also strive to understand: which technologies are being prioritized today and why.

But technologies are just one piece in the larger whole.

Another, no less important part, is the transformation of the global order. Dramatic processes are unfolding here as well. The era of “American hegemony” seems to be dwindling. The world is moving towards multipolarity, and this transition, an obvious harbinger of a global noo-transition, is driven by a complex set of reasons: from the rise of global debt and trade conflicts to climate risks and demographic challenges. Following the global presentation of the UN report (conducted by the VEO of Russia in Russia), we publish an in-depth analysis of these risks.

A multipolar world is a goal that many countries, including Russia, are striving for. But how can it be achieved? What are the benefits of such a global structure and what risks does it entail? In which areas might competition intensify? As we discuss with

experts the opportunities and challenges of this new world architecture, we publish an extensive interview with David Lane, Emeritus Professor of Sociology at the University of Cambridge. He shares his insights on the reasons behind the transformation of the global order and the conditions necessary for a transition toward harmonious social and economic development.

A separate section is dedicated to foresight: what does the future hold for Russia in a multipolar world? The dilemmas there are complex. Will we become one of the leaders shaping this new world order, or will we have to join the emerging new poles?

If so, what role will we play? What opportunities does the new global order open up for us, and what threats does it pose? Simply put, the next question to answer is whether we are ready to “play” by the new rules, or will we continue to cling to the model imposed on us in the 1990s, albeit modernized, and stick to old schemes?

All these global processes, both technological shifts and the reorganization of the world order, inevitably lead to a central question: how can the efficiency of the Russian economy be improved? This is a long-standing topic of discussion. The national project “Efficient and Competitive Economy” is not just a lofty slogan; it is an imperative dictated by the very nature of the noo-transition. In this issue, we explore with experts which solutions will enable us to realize the goals of this project, to take the Russian economy to a new level, and to make it more effective in the long run.

I believe the answer lies in the practical realm, something we have discussed in the previous issues and at various events of the VEO of Russia: prioritizing industrial development, implementing structural reforms, fostering public-private partnerships, and genuinely supporting small and medium-sized businesses. However, now an additional dimension has been added, namely, the ability of the country, its economy, and social

institutions to quickly and adequately adapt to change, to distinguish breakthrough solutions from fleeting fashion trends, and to build strategic alliances in a multipolar world. If we fail or hesitate to apply these fundamental and long-overdue measures, the other factors that contribute to positive effects may not materialize as expected.

Humanity stands at a crossroads—a topic we revisit periodically for good reason, as it is becoming increasingly relevant. And we face a tough and urgent choice: either moving toward a “rationalization” of development, a “nooconomics,” or risking the implementation of a negative scenario, up to, and including (God forbid!) profound global crises.

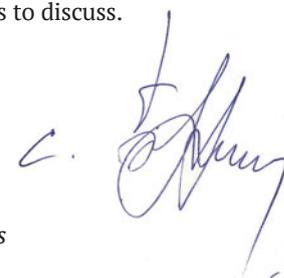
The choice is ours. What we decide, what we agree upon, what we propose and undertake—these will influence not only Russia’s place in the new world order but also the very possibility of the country’s harmonious development.

We hope these articles will help you better understand the essence of the ongoing transformation. Most importantly, they aim to highlight the points where efforts can be focused, the “turns in the trajectory” where Russia can not only catch up with its competitors but also surpass them. The window of opportunity is open, but not forever.

Our journal is precisely designed to help identify these opportunities, discuss them, and turn them into concrete solutions.

We definitely have enough subjects to discuss.

Sergey Bodrunov
*President of the VEO of Russia,
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences*

СОДЕР

12 ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**GLOBAL TRANSFORMATION OF THE WORLD ECONOMY:
RISKS AND PROSPECTS**

32 ОТ БИПОЛЯРНОСТИ
К МНОГОПОЛЯРНОСТИ

КАК МЕНЯЕТСЯ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

**FROM BIPOLARITY TO MULTIPOLARITY:
THE SHIFTING GLOBAL ORDER**

49 «МЫ ДВИЖЕМСЯ
К ИЕРАРХИЧЕСКОМУ,
РЕГИОНАЛИЗИРОВАННОМУ
МИРУ»

**ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ СОЦИОЛОГИИ
КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДЭВИДОМ ЛЭЙНОМ**

**PROFESSOR OF SOCIOLOGY AT THE UNIVERSITY
OF CAMBRIDGE DAVID LANE: "WE ARE MOVING TO
A HIERARCHICAL BUT REGIONALLY DIVIDED WORLD"**

66 БУДУЩЕЕ РОССИИ
В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

**THE FUTURE OF RUSSIA IN A MULTIPOLAR WORLD:
OPPORTUNITIES, CHALLENGES, AND STRATEGIC TASKS**

ЖАНИЕ

78 УСКОРЕНИЕ УСКОРЕНИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
ПРОГРЕССА

УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ
**THE ACCELERATING PACE OF SCIENTIFIC
AND TECHNOLOGICAL PROGRESS:
THREATS AND OPPORTUNITIES**

94 ИИ НА ПИКЕ. КВАНТЫ В ТЕНИ
ЗА КАКИМИ ИННОВАЦИЯМИ БУДУЩЕЕ
**AI PEAKING, QUANTUM IN THE SHADOWS:
WHICH INNOVATIONS HOLD THE FUTURE**

114 ЭКСЛИБРИС «ВЭ»:
НОВЫЕ КНИГИ НА ВАШЕЙ ПОЛКЕ
**THE FREE ECONOMY JOURNAL'S EX-LIBRIS:
NEW BOOKS ON YOUR SHELF**

116 ПАМЯТИ УЧЕНОГО
80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДМИТРИЯ СОРОКИНА
**REMEMBERING A SCHOLAR:
MARKING THE 80TH BIRTHDAY
OF DMITRY SOROKIN**

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мировая экономика окончательно попрощалась с допандемийной стабильностью. Согласно оценкам ООН, рост мировой экономики в 2025 году составит 2,8%, а в 2026 году прогнозируется на уровне 2,7%. При этом глобальные риски сохраняются. Ключевые вызовы для мировой экономики обсудили эксперты в ходе ежегодной презентации доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы» (WESP-2026), организованной Вольным экономическим обществом России (ВЭО России) и Информационным центром ООН в Москве.

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЗАМЕДЛЕННОГО РОСТА

Презентация доклада ООН «Мировое экономическое положение и перспективы — 2026» (WESP-2026) и последовавшая за ней экспертная дискуссия в Вольном экономическом обществе России зафиксировали переход мировой экономики в качественно иную фазу развития. Ее главная характеристика — закрепление эпохи замедленного роста.

Согласно докладу ООН, в 2026 году объем мирового производства увеличится на 2,7%. Этот показатель не только уступает ожиданиям международных экспертов на текущий год (2,8%), но и остается существенно ниже допандемийного уровня в 3,2%, что сигнализирует о структурном, а не циклическом характере торможения.

Открывая дискуссию, президент ВЭО России, член-корреспондент РАН Сергей Бодрунов

обратил внимание на системные проблемы, которые, по его мнению, остались за рамками доклада: «Многие проблемы, которые тормозят мировое экономическое развитие, остаются нерешенными, либо за кадром, не подняты в докладе».

Директор Информационного центра ООН в Москве Владимир Кузнецов, в свою очередь, назвал ежегодную публикацию доклада WESP важным событием для представителей политической элиты, научных работников и экономистов-практиков, а также отметил значимую роль ВЭО России в представлении ключевых докладов ООН в нашей стране.

В ходе обсуждения доклада ООН эксперты ВЭО России выделили ключевые риски, которые будут определять траекторию мирового развития, и очертили контуры новой экономической реальности.

РОСТ ГЛОБАЛЬНОГО ДОЛГА: ФИНАНСОВАЯ ПИРАМИДА КАК ТОРМОЗ РАЗВИТИЯ

И составители доклада ООН, и эксперты ВЭО России сходятся во мнении, что беспрецедентный уровень госдолга разных стран превратился из инструмента развития в главное препятствие для него.

Член Президиума ВЭО России, директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН Михаил Головнин отметил, что «совокупный госдолг в мировой экономике, по оценкам Института международных финансов, составил 346 триллионов долларов (по состоянию на конец III квартала 2025 года), или порядка 310% глобального ВВП». Резкого роста госдолга нет, но эта цифра превышает уровень докризисного 2019 года. «Серьезная проблема — рост обслуживания долга. Она во многом связана с денежно-кредитной политикой. Ее смягчение, с одной стороны, вызывает снижение обслуживания долга, с другой — приводит к его наращиванию», — считает Михаил Головнин.

Особенно остро проблема стоит для развивающихся стран, на которые приходится треть этого долга. Проценты по займам поглощают средства, предназначенные для образования, медицины и социальных программ.

Сергей Бодрунов дает этому явлению жесткую оценку, подчеркивая его социальные последствия: «Госдолг — это, безусловно, важный инструмент финансирования программ устойчивого развития, однако треть мирового госдолга приходится на развивающиеся государства. Согласно данным из доклада ООН «Мир долга — 2025», 3,4 миллиарда человек живут в странах, где на выплату процентов направляется больше средств, чем на социальные программы, образование и медицину. А кредитные средства идут в основном не на нужды населения в этих странах, а на обслуживание прежних займов и долгов. И это бомба замедленного действия, фактически — это пирамида». Отметим, что долговая нагрузка в сочетании с высокими ставками подавляет инвестиции.

УСКОРЕНИЕ НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА: ПАРАДОКС «УСКОРЕНИЯ УСКОРЕНИЯ» И ПУЗЫРЬ ИИ

Казалось бы, главный драйвер роста — научно-технический прогресс — сам становится источником турбулентности и новых рисков. Это один из ключевых тезисов, который, по мнению экспертов ВЭО России, выпал из доклада ООН.

Какие опасности несет ускорение научно-технического прогресса, технологического прогресса?

По мнению Сергея Бодрунова, это, как ни странно, экономическая перспектива, а именно «замедление длинных инвестиций, которые определяют лицо будущей промышленности, будущее экономики и так далее. Очень часто ошибка в прогнозировании техни-

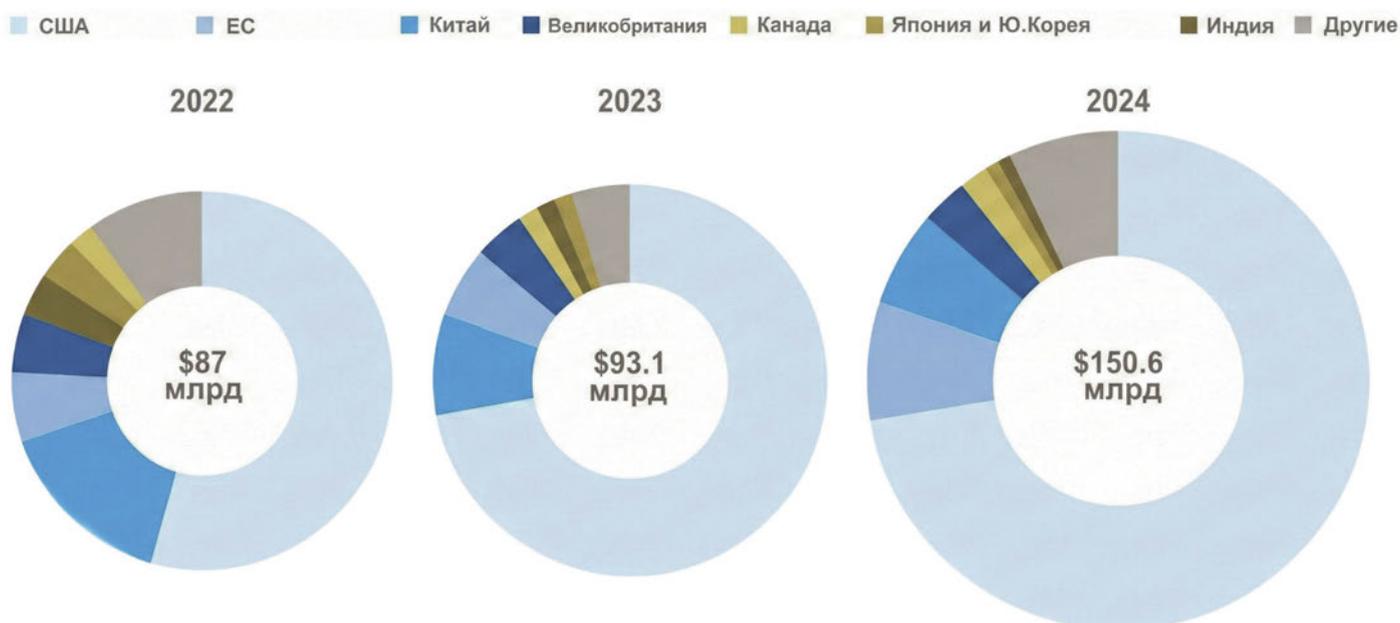

Директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, член Президиума ВЭО России Михаил Головин

ческого прогресса, может вести к замедлению инвестиций в основные новые технологии». Инвесторы теряют деньги, что ведет к их более осторожному поведению и сокращению длинных инвестиций. И это серьезный вопрос, требующий анализа.

«Мощность современных технологий достигла таких величин, что их неразумное использование может поставить под угрозу достижение целей устойчивого развития, а неравномерное распределение знаний и технологий между странами и внутри них — привести к созданию так называемых

ГЛОБАЛЬНЫЕ КОРПОРАТИВНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПО СТРАНАМ

Источник: Доклад ООН «Мировое экономическое положение и перспективы — 2026» (WESP-2026)

Президент ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, академик РАН, вице-президент ВЭО России Александр Дынкин

Академик РАН Абел Аганбегян

„цифровых концлагерей“ и конфликтов», — считает ученый.

Доклад ООН фиксирует риск «завышенных оценок активов, особенно в секторах, связанных с развитием искусственного интеллекта».

Академик РАН, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН), вице-президент ВЭО России Александр Дынкин, поддерживает этот тезис: «Очевидно, что ООН это

фиксирует, риски остаются высокими, особенно в секторах, связанных с возможным пузырем в области искусственного интеллекта. Далеко не очевидно воздействие искусственного интеллекта на занятость и на производительность труда».

Академик РАН Абел Аганбегян обостряет эту тему, приведя конкретные цифры: «Уже четыре компании в мире имеют капитализацию более пяти триллионов долларов. Причем объем их производства примерно полтриллиона. Ну, не пузырь? Таких пузырей и близко никогда не было — пять триллионов и полтриллиона».

NVIDIA CORPORATION (NVDA) — АМЕРИКАНСКАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ, ОСНОВАННАЯ В 1993 Г., КОТОРАЯ СТАЛА ГЛАВНЫМ БЕНЕФИЦИАРОМ БУМА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА БЛАГОДАРЯ СВОИМ GPU-УСКОРИТЕЛЯМ (АРХИТЕКТУРЫ HOPPER, BLACKWELL) И ПРОГРАММНОЙ ЭКОСИСТЕМЕ CUDA. В КОНЦЕ 2025 Г. КОМПАНИЯ ПЕРВОЙ В МИРЕ ПРЕОДОЛЕЛА ОТМЕТКУ В 5 ТРЛН ПО РЫНОЧНОЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ. ПРИ ЭТОМ ЕЕ ГОДОВАЯ ВЫРУЧКА ЗА ЭТОТ ФИНАНСОВЫЙ ГОД СОСТАВИЛА 130,5 МЛРД ДОЛЛАРОВ. ТАКИМ ОБРАЗОМ, СООТНОШЕНИЕ КАПИТАЛИЗАЦИИ К ВЫРУЧКЕ ДОСТИГАЕТ ПРИМЕРНО 35 РАЗ, ЧТО ГОВОРИТ О КОЛОССАЛЬНОМ РАЗРЫВЕ МЕЖДУ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТЬЮ КОМПАНИИ И ОБЪЕМАМИ ЕЕ РЕАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ МИРОПОРЯДОК И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ПРЕЖНЕМ ВИДЕ ИСЧЕРПАЛИ СЕБЯ. НА СМЕНУ ИМ ПРИХОДИТ "СИЛОВОЙ ПОЛИЦЕНТРИЗМ"

Заместитель генерального директора ЦМАКП Дмитрий Белоусов

Ведущий эксперт Центра политических технологий Никита Масленников добавил, что опросы инвесторов «ноября — декабря 2025 г. и отчасти января 2026 г. показывают, что примерно 45–50% респондентов на каждой панели указывают риск прорыва фондового пузыря с искусственным интеллектом как один из решающих для мирового финансового рынка. Почему у инвесторов такое настроение? Согласно докладу Массачусетского технологического института, 95% процентов из трехсот проектов, которые стартовали в 2023–2024 гг. в сфере ИИ получили нулевую прибыль». Поэтому в краткосрочной перспективе высока вероятность коррекции на фондовом рынке, вызванной разочарованием инвесторов в быстрой отдаче от ИИ, а в долгосрочной — углубление технологического разрыва между странами-лидерами и аутсайдерами.

НАРАСТАНИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА: ВОЗВРАТ К «ПРАВУ СИЛЬНОГО» И ЭПОХА СИЛОВОГО ПОЛИЦЕНТРИЗМА

Сергей Бодрунов обратил внимание на то, что в докладе ООН не нашел отражения важный фактор, способный обесценить любые экономические прогнозы, — нарастание правового нигилизма в международных отношениях. Он напомнил, как после хаоса первой половины XX века мир двигался к формированию системы международного права. Однако

с развалом СССР и мировой системы социализма начался отход от соблюдения правовых норм. Возник порядок, основанный не на праве, а на правилах, которые сильные государства стали устанавливать произвольно, меняя их по своему усмотрению.

«Размытие системы международного права — для экономики — это возврат к хаотизации экономических планов, стратегий, концепций развития, глобальных инвестиционных решений. Это — деструкция рынков и торможение социального развития», — уверен Сергей Бодрунов.

По оценке Александра Дынкина, либеральный миропорядок и глобализация в прежнем виде исчерпали себя. На смену им приходит «силовой полицентризм». Характеризуя его, он привел конкретный пример: администрация США за счет тарифной войны увеличила поступления в бюджет втрое, получив 286 млрд долл. в прошлом году. Торговля, по его словам, превратилась в оружие, и это оружие калибра уже не торгового, а геополитического.

Директор департамента экономического сотрудничества МИД Дмитрий Биричевский, связал эту новую реальность с проблемой доверия. Он отметил, что доверять партнерам, которые замораживают активы, меняют правила постфактум и финансируют бюджетные дыры вопреки собственным уставам, невозможно. Подорвано доверие и к международным финансовым институтам — МВФ, Всемирному банку, которые действуют в обход своих регламентов. Ситуацию с замораживанием российских активов он охарактеризовал как правовой беспредел.

Директор ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН, член Президиума ВЭО России Альберт Бахтизин

Главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ.РФ, член Правления ВЭО России Андрей Клепач

Эксперты фиксируют, что переход к мироустройству, где прежние институты — ВТО, международное право — перестают выполнять регулирующую функцию, а экономические отношения все больше определяются не нормами, а соотношением сил. В этих условиях, как отмечалось выступавшими, прогнозирование, опирающееся на классические экономические модели, теряет свою надежность.

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНФРОНТАЦИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА ЦЕПОЧЕК

Доклад ООН прогнозирует замедление мировой торговли, но дискуссия в ВЭО России вскрыла более глубокие структурные изменения, которые не сводятся к простой статистике экспортно-импортных операций. Речь идет о фундаментальной перестройке глобальных производственных цепочек и формировании новых экономических блоков.

Наиболее наглядное подтверждение этому представил директор ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН, член Президиума ВЭО России Альберт Бахтизин. Он рассказал о совместном исследовании с китайскими коллегами, в котором они проанализировали 80 межотраслевых балансов по 80 странам мира, опубликованных ОЭСР. С помощью методов многомерного статистического анализа ученые рассчитали совокупную степень сходства отраслевых производственных структур. Результат, по словам Альберта Бахтизина, оказался показательным: отчетливо выделились три крупных индустриальных блока — европейский, американский (с прилегающими к нему Канадой и Великобританией) и азиат-

ский во главе с Китаем, к которому тяготеют Южная Корея и Вьетнам. При этом фактически для большинства стран принадлежность к одному и другому блоку, по сути, не сильно влияет на их экономические показатели. Во многом это деление на блоки идет вразрез с экономической выгодой в пользу политических решений. Россия также больше связана в экономическом смысле с Европой. И если убрать в сторону геополитику, то есть именно политические вопросы, то нам гораздо более выгодно интегрироваться в первую очередь с европейскими странами, чем с другими.

Это высвечивает ключевое противоречие текущего момента: экономическая целесообразность, подкрепленная десятилетиями кооперационных связей, вступает в конфликт с геополитической реальностью, которая толкает Россию к развороту на Восток и Юг. Такой «разворот» не является простым и безболезненным.

Одновременно с глобальными сдвигами нарастает и внутреннее экономическое напряжение в России. Заместитель гендиректора ЦМАКП Дмитрий Белоусов, охарактеризовал текущую ситуацию как втягивание в стагнацию. Он использовал термин «негативная триада», описав сочетание трех факторов, влияющих на экономику: жесткой денежно-кредитной политики, бюджетной консолидации и санкционного давления. По его словам, такая комбинация почти с неизбежностью ведет к стагнации или спаду. Он также обратил внимание на парадокс, который может показаться неожиданным: «У нас ведь ставка не одина для всей экономики. Скажем, в сфере IT ставка 4% по кредиту, а у нас происхо-

дит повышение таких значимых ресурсных вещей, как тарифы РЖД и тарифы ЖКХ без всякого отношения к ставке. Как это влияет на экономические процессы? Одной рукой мы стимулируем, другой рукой зажимаем». Более того, сравнивая денежно-кредитную политику разных стран, Дмитрий Белоусов отметил, что жесткость российской ДКП выше, чем на Украине и в Казахстане, что создает уникальные риски для экономики.

Таким образом, рост конфликтного потенциала проявляется на двух уровнях. На глобальном — это формирование конкурирующих экономических блоков и разрыв прежних кооперационных связей. На национальном — это нарастание внутренних дисбалансов, когда внешнее давление и внутренняя политика вступают в противоречие с исторически сложившейся структурой экономики. Россия, по выражению участников дискуссии, оказалась в точке бифуркации: технологически она по-прежнему привязана к Европе, но политическая необходимость толкает ее к новым партнерам, и этот переход не может быть быстрым и безболезненным.

КЛИМАТИЧЕСКИЕ РИСКИ: ОТ «ЗЕЛЕННОЙ ИСТЕРИИ» К ОПАСНОЙ ДЕПРИОРИТИЗАЦИИ

Эксперты ВЭО России с тревогой отметили практически полное исчезновение климатической повестки из фокуса доклада ООН. Вице-президент ВЭО России, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, академик РАН Борис Порфирьев обратил внимание на отсутствие в числе тем доклада ООН «зеленой» повестки, в частности, вызовов со стороны климатических рисков, которым в предыдущих докладах ООН уделялось существенное внимание. «Это характерно и для докладов других международных организаций: Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного экономического форума (ВЭФ) и других, опубликованных практически одновременно с докладом ООН. С одной стороны, данное обстоятельство отражает общий гео-

политический и геоэкономический тренд, обусловленный резко возросшей в последние год-два актуальностью других, (военно) политических и социально-экономических, угроз устойчивому развитию. О недооценке этих угроз и гипертрофии роли климатического фактора в предыдущих докладах ООН и других международных организаций мы ранее неоднократно писали и говорили. С другой стороны, нельзя не учитывать долгосрочную перспективу, которая не рассматривается в докладе ООН, но оценивается другими экспертами, в частности, ВЭФ в свежем «Докладе о глобальных рисках», в котором — как и в докладах за предыдущие 15 лет — в числе топ-10 рисков на предстоящее десятилетие (в данном случае — до 2036 г.) — доминируют риски устойчивого развития, непосредственно связанные с «зеленой» и климатической повесткой», — подчеркнул Борис Порфирьев.

В краткосрочной перспективе климат уйдет в тень военных и торговых конфликтов, но в долгосрочной он останется экзистенциальным риском. Ресурсные войны будущего — это войны за воду, продовольствие и энергию.

Альберт Бахтизин также привел данные, которые заставляют взглянуть на проблему по-новому: «В декабрьском исследовании Международного валютного фонда вода рассматривается как стратегический фактор развития мировой экономики и важнейший ресурс XXI века. По оценкам МВФ, экономическая ценность пресной воды и водных экосистем превышает 58 триллионов долларов, что составляет примерно 60% мирового ВВП. Долгосрочное моделирование показывает, что совокупные потери мирового выпуска на глобальном уровне составят 0,2–0,5% ВВП относительно сценария, в котором нет дефицита воды».

РОСТ НЕРАВЕНСТВА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Социальный срез проблем, по мнению участников дискуссии, также требует отдельного внимания.

Первый заместитель председателя Комитета Госдумы по образованию и науке, член Президиума ВЭО России Олег Смолин привел данные по России, иллюстрирующие недофинансирование человеческого капитала. Он отметил расхождение между целевыми показателями указов президента (2% ВВП на науку к 2030 г.) и фактическими расходами федерального бюджета (0,3% ВВП). В образовании прогнозируется уровень в 3,2% ВВП, что ниже среднего показателя по странам ОЭСР (4,6–4,7% ВВП). Первый заместитель председателя Комитета Госдумы по образованию и науке, член Президиума ВЭО России Олег Смолин коснулся вопроса финансирования науки и образования. Он обратил внимание на текущее расхождение между целевыми показателями, установленными указами президента, и фактическим бюджетным финансированием данных сфер экономики. По данным Минфина РФ, расходы на науку из федерального бюджета в ближайшие

Директор ИНП РАН, член-корреспондент РАН, член Президиума ВЭО России Александр Шилов (слева), Директор департамента экономического сотрудничества МИД Дмитрий Биричевский (справа)

Руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, академик РАН, вице-президент ВЭО России Борис Порфирьев

годы составят 0,3% ВВП, что существенно ниже ориентира в 2% ВВП к 2030 году, закрепленного в Указе Президента РФ № 309. В сфере образования также прогнозируется уровень расходов в 3,2% ВВП к 2027–2028 годам. Для сопоставления, средний показатель по странам ОЭСР (4,6–4,7% ВВП), а по странам, успешно проводившим модернизацию экономики, этот показатель достигал 7% ВВП.

Главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ.РФ, член правления ВЭО России Андрей Клепач также обратил внимание на дифференцию и неравенство доходов населения, которое нарастает. И как это повлияет на долгосрочное развитие, еще надо анализировать, отметил он.

Абел Аганбегян акцентировал внимание на демографии. Он отметил, что Китай больше не будет лидером по темпам роста, столкнувшись с оттоком капитала и сокращением населения (почти на 3 млн человек в прошлом году). В то время как в Индии, наоборот, идет огромный приток капитала. «Наибольшая численность населения в Китае — в возрасте 38 лет, 20% безработных приходится на людей до 30 лет», — привел статистику академик, указывая на структурные проблемы даже в успешных экономиках.

Эксперты отметили, что без колоссальных инвестиций в человеческий потенциал — образование, науку, здравоохранение — невозможна ни модернизация, ни технологический суверенитет. Мир ждет не просто экономический, а социально-демографический передел, где главным ресурсом станет качество населения.

ФРАГМЕНТАЦИЯ И КОНТУРЫ БУДУЩЕГО

Все вышеперечисленные риски являются гранями одного процесса — глобальной фрагментации, которая формирует контуры будущего мироустройства.

Подводя итоги дискуссии, Александр Дынкин подчеркнул, что наложение геополитических, геоэкономических и технологических трансформаций меняет глобальный ландшафт. «Видимо, речь идет о новом постлиберальном мировом хозяйственном порядке. Каковы будут его характеристики — важнейшая исследовательская задача. В предварительном плане скажу, что его особенностями будут отказ от многостороннего регулирования (ВТО не возродится), глобальный рост военных расходов, отказ от поспешного энергоперехода и регионализация развития».

Член Президиума ВЭО России, директор ИНП РАН, член-корреспондент РАН Александр Шилов добавил: «Мы находимся в такой стадии регионализации, что пора бы странам задуматься о том, как мы будем жить дальше: каким образом от стадии активной регионализации переходить к стадии выборки единых решений с точки зрения развития мировой экономики, достижения тех целей, которые одна страна достичь не может», — сказал ученый.

Главная задача переосмыслить экономику как науку о благополучии людей, а не только об абстрактных макропоказателях. Как заметил Сергей Бодрунов, «экономика — это всегда про людей, а люди не укладываются в коэффициенты. По крайней мере, до тех пор, пока их не заменят алгоритмы».

Татьяна Астафьева

GLOBAL TRANSFORMATION OF THE WORLD ECONOMY: RISKS AND PROSPECTS

The global economy has definitively bid farewell to pre-pandemic stability. According to UN estimates, global economic growth will be 2.8% in 2025, and is projected at 2.7% for 2026. Meanwhile, global risks persist. Experts discussed key challenges for the world economy during the annual presentation of the UN report "World Economic Situation and Prospects" (WESP-2026), organized by the Free Economic Society of Russia (VEO of Russia) and the UN Information Centre in Moscow.

A NEW REALITY OF SLOWER GROWTH

The presentation of the UN report «World Economic Situation and Prospects 2026» (WESP-2026) and the subsequent expert discussion at the Free Economic Society of Russia recorded the global economy's transition into a qualitatively different phase of development. Its defining characteristic is the entrenchment of an era of sluggish growth. According to the UN report, global output will increase by 2.7% in 2026. This figure not only falls short of international experts' expectations for the current year (2.8%), but also remains significantly below the pre-pandemic level of 3.2%, signaling a structural rather than cyclical nature of the slowdown.

Opening the discussion, President of the VEO of Russia and Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS) Sergey Bodrunov drew attention to systemic issues that, in his view, remained outside the scope of the report: «Many problems hindering global economic development remain unresolved or behind the scenes, unaddressed in the report». The Director of the UN Information Centre in Moscow, Vladimir Kuznetsov, in turn, called the annual publication of the WESP report an important event for the political elite, researchers, and practicing economists, noting the significant role of the VEO of Russia in presenting key UN reports in the country. During the discussion of the UN report, VEO experts highlighted key risks that will determine the trajectory of global development and outlined the contours of the new economic reality.

GROWTH OF GLOBAL DEBT: A FINANCIAL PYRAMID AS A BRAKE ON DEVELOPMENT

Both the authors of the UN report and the experts of the VEO of Russia agree that the unprecedented level of public debt across various countries has transformed from a development tool into its main obstacle. Member of the Presidium of the VEO of Russia,

Director of the Institute of Economics of the RAS, and Corresponding Member of the RAS Mikhail Golovnin noted that «the total public debt in the global economy, according to estimates by the Institute of International Finance, amounted to 346 trillion dollars (as of the end of the third quarter of 2025), or about 310% of global GDP». There is no sharp spike in public debt, but this figure exceeds the pre-crisis level of 2019. «A serious problem is the rising cost of debt servicing. It is largely tied to monetary policy. Its easing, on one hand, reduces the cost of debt servicing, but on the other, leads to its accumulation,» Golovnin believes.

This problem is particularly acute for developing countries, which account for a third of this debt. Interest on loans absorbs funds intended for education, healthcare, and social programs. Sergey Bodrunov provides a harsh assessment of this

phenomenon, emphasizing its social consequences: «Public debt is certainly an important instrument for financing sustainable development programs, but a third of global public debt falls on developing nations. According to the UN report 'A World of Debt 2025', 3.4 billion people live in countries where more funds are directed toward interest payments than toward social programs, education, and healthcare. Moreover, credit funds are primarily used not for the needs of the population in these countries, but to service previous loans and debts. This is a ticking time bomb; effectively, it is a pyramid». It should be noted that the debt burden, combined with high interest rates, suppresses investment.

ACCELERATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS: THE «ACCELERATION OF ACCELERATION» PARADOX AND THE AI BUBBLE

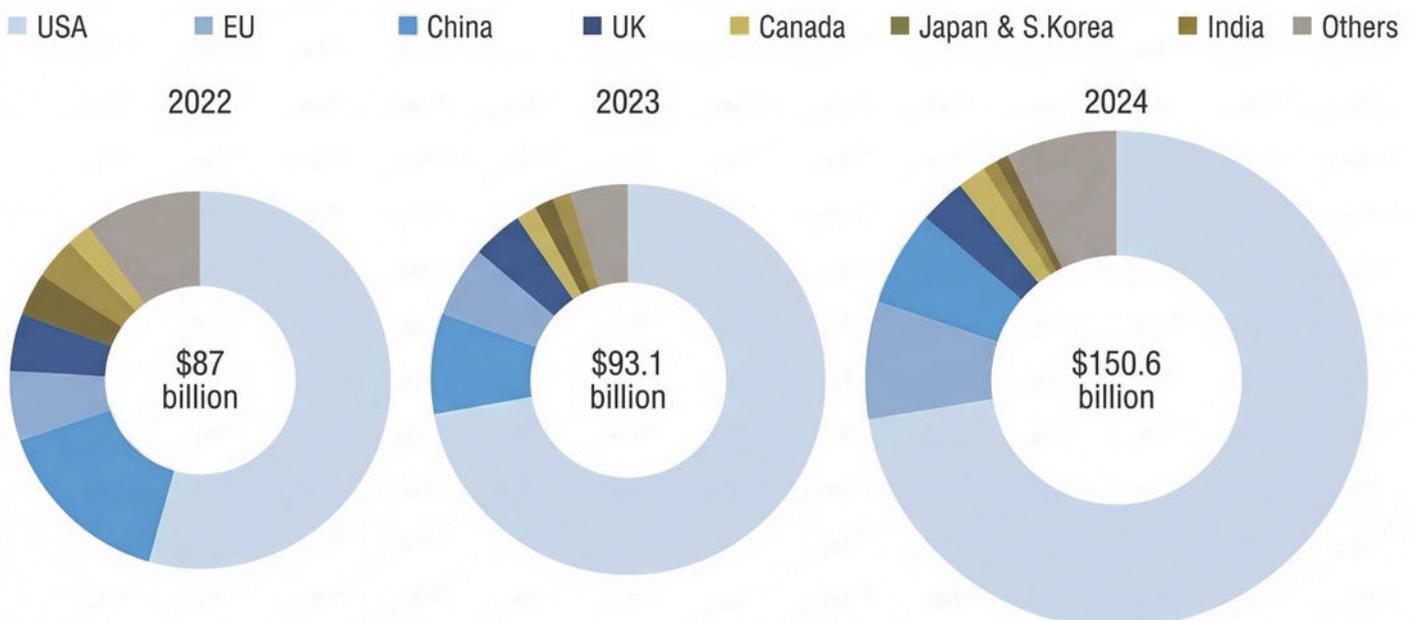
Director of the Institute of Economics of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Member of the Presidium of the VEO of Russia Mikhail Golovnin

It would seem that the main driver of growth—scientific and technological progress—is itself becoming a source of turbulence and new risks. This is one of the key points that, according to VEO experts, was omitted from the UN report. What dangers does the acceleration of scientific and technological progress entail?

According to Sergey Bodrunov, it is, surprisingly, an economic prospect, namely «the slowdown of long-term investments that define the face of future industry, the future of the economy, and so on. Very often, an error in forecasting technological

progress can lead to a slowdown in investments in major new technologies». Investors lose money, which leads to more cautious behavior and a reduction in long-term investments. And this is a serious issue requiring analysis. «The power of modern technologies has reached such magnitudes that their unreasonable use could threaten the achievement of sustainable development goals, and the unequal distribution of knowledge and technologies among and within countries could lead to the creation of so-called ‘digital concentration camps’ and conflicts,» the scientist believes.

GLOBAL CORPORATE INVESTMENT IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE BY COUNTRY

Source: UN Report «World Economic Situation and Prospects 2026» (WESP-2026)

President of the Primakov IMEMO RAS, Academician of the RAS, Vice President of the VEO of Russia Alexander Dynkin

Academician of the RAS Abel Aganbegyan

The UN report notes the risk of «overvalued assets, especially in sectors related to the development of artificial intelligence». Academician of the RAS, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS), and Vice President of the VEO of Russia Alexander Dynkin supports this point: «It is obvious that the UN is recording this; risks remain high, especially in sectors associated with a potential artificial

intelligence bubble. The impact of artificial intelligence on employment and labor productivity is far from obvious».

Academician of the RAS Abel Aganbegyan sharpens this topic by citing concrete figures: «Four companies in the world already have a capitalization of over five trillion dollars. Meanwhile, their production volume is about half a trillion. How is that not a bubble? There have never been bubbles anywhere near this scale—5 trillion versus half a trillion». Leading expert of the Center for Political Technologies Nikita Maslennikov added that investor surveys from «November-December 2025

NVIDIA CORPORATION (NVDA) IS AN AMERICAN TECHNOLOGY COMPANY FOUNDED IN 1993, WHICH BECAME THE MAIN BENEFICIARY OF THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE BOOM THANKS TO ITS GPU ACCELERATORS (HOPPER AND BLACKWELL ARCHITECTURES) AND THE CUDA SOFTWARE ECOSYSTEM. AT THE END OF 2025, IT BECAME THE FIRST COMPANY IN THE WORLD TO SURPASS THE 5 TRILLION MARK IN MARKET CAPITALIZATION. AT THE SAME TIME, ITS ANNUAL REVENUE FOR THAT FISCAL YEAR AMOUNTED TO 130.5 BILLION DOLLARS. THUS, THE CAPITALIZATION-TO-REVENUE RATIO REACHES APPROXIMATELY 35 TIMES, WHICH INDICATES A COLOSSAL GAP BETWEEN THE COMPANY'S MARKET VALUE AND ITS ACTUAL PRODUCTION VOLUMES.

THE LIBERAL WORLD ORDER AND GLOBALIZATION IN THEIR PREVIOUS FORM HAVE EXHAUSTED THEMSELVES; THEY ARE BEING REPLACED BY 'POWER POLYCENTRISM'

Deputy General Director of CMAAF Dmitry Belousov

and partly January 2026 show that approximately 45-50% of respondents on each panel indicate the risk of the artificial intelligence stock bubble bursting as one of the decisive factors for the global financial market. Why are investors in such a mood? According to an MIT report, 95% of the three hundred projects launched in 2023-2024 in the field of AI generated zero profit». Therefore, in the short term, there is a high probability of a stock market correction caused by investors' disappointment in the quick returns from AI, and in the long term, a deepening of the technological gap between leading countries and outsiders.

THE RISE OF LEGAL NIHILISM: A RETURN TO THE «RULE OF FORCE» AND THE ERA OF POWER POLYCENTRISM

Sergey Bodrunov noted that an important factor capable of devaluing any economic forecasts was not reflected in the UN report: the rise of legal nihilism in international relations. He recalled how, after the chaos of the first half of the 20th century, the world moved toward the formation of a system of international law. However, with the collapse of the USSR and the global socialist system, a departure from compliance with legal norms began. An order emerged based not on law, but on rules that powerful states began to establish arbitrarily,

changing them at their own discretion.

«The erosion of the international law system—for the economy—is a return to the chaoticization of economic plans, strategies, development concepts, and global investment decisions. This means the destruction of markets and the deceleration of social development,» Bodrunov asserts.

According to Alexander Dynkin, the liberal world order and globalization in their previous form have exhausted themselves; they are being replaced by «power polycentrism». Characterizing it, he cited a specific example: the US administration, through a tariff war, tripled its budget revenues, receiving 286 billion dollars last year. Trade, according to him, has turned into a weapon, and this weapon is no longer of a commercial, but of a geopolitical caliber.

Dmitry Birichevsky, Director of the Department of Economic Cooperation of the Ministry of Foreign Affairs, linked this new reality to the problem of trust. He noted that it is impossible to trust partners who freeze assets, change rules retroactively, and finance budget deficits in violation of their own charters. Trust in international financial institutions—the IMF and the World Bank—which act by circumventing their own regulations, has also been undermined. He characterized the situation with the freezing of Russian assets as legal lawlessness. Experts note a transition to a world order where former institutions—the WTO, international law—cease to fulfill their regulatory function, and economic relations are increasingly determined not by

Director of CEMI RAS, Corresponding Member of the RAS, Member of the Presidium of the VEO of Russia Albert Bakhtizin

Chief Economist of VEB.RF, Board Member of the VEO of Russia Andrey Klepach

norms, but by the balance of power. Under these conditions, as the speakers pointed out, forecasting based on classic economic models loses its reliability.

Geoeconomic CONFRONTATION and THE RESTRUCTURING OF SUPPLY CHAINS

The UN report predicts a slowdown in global trade, but the discussion at the VEO of Russia revealed deeper structural changes that cannot be reduced to simple export-import statistics. We are talking about a fundamental restructuring of global production chains and the formation of new economic blocs. The clearest confirmation of this was presented by the Director of the Central Economics and Mathematics Institute (CEMI) of the RAS, Corresponding Member of the RAS, and Member of the Presidium of the VEO of Russia, Albert Bakhtizin. He spoke about a joint study with Chinese colleagues, in which they analyzed 80 input-output tables for 80 countries, published by the OECD. Using multidimensional statistical analysis methods, scientists calculated the overall degree of similarity in sectoral production structures.

The result, according to Albert Bakhtizin, was revealing: three large industrial blocs clearly emerged—the European, the American (with Canada and the UK adjacent to it), and the Asian, led by China, toward which South Korea and Vietnam gravitate. At the same time, for most countries, belonging to one bloc or another essentially does not significantly affect their economic indicators. In many ways, this division into

blocs runs counter to economic benefit in favor of political decisions. Russia is also more economically connected to Europe. And leaving geopolitics aside—that is, purely political issues—it is far more beneficial for us to integrate primarily with European countries than with others. This highlights a key contradiction of the current moment: economic expediency, supported by decades of cooperative ties, comes into conflict with the geopolitical reality that pushes Russia toward a pivot to the East and South. Such a «pivot» is neither simple nor painless.

Simultaneously with global shifts, internal economic tension is growing in Russia. Dmitry Belousov, Deputy General Director of the Center for Macroeconomic Analysis and Short-Term Forecasting (CMASF), characterized the current situation as being drawn into stagnation. He used the term «negative triad» to describe the combination of three factors affecting the economy: tight monetary policy, fiscal consolidation, and sanctions pressure. According to him, this combination almost inevitably leads to stagnation or recession. He also drew attention to a paradox that might seem unexpected: «Our interest rate is not uniform for the entire economy. For example, in the IT sector, the loan rate is 4%, while we are seeing increases in significant resource costs, such as Russian Railways (RZD) tariffs and utility rates, completely unrelated to the central rate. How does this affect economic processes? With one hand we stimulate, with the other we squeeze». Moreover, comparing

the monetary policies of different countries, Dmitry Belousov noted that the rigidity of Russia's monetary policy is higher than in Ukraine and Kazakhstan, which creates unique risks for the economy.

Thus, the growth of conflict potential manifests on two levels. Globally, it is the formation of competing economic blocs and the severing of former cooperative ties. Nationally, it is the accumulation of internal imbalances, where external pressure and domestic policy conflict with the historically established structure of the economy. Russia, in the words of the discussion participants, has found itself at a bifurcation point: technologically, it is still tied to Europe, but political necessity pushes it toward new partners, and this transition cannot be quick and painless.

CLIMATE RISKS: FROM «GREEN HYSTERIA» TO DANGEROUS DEPRIORITIZA- TION

Experts at the VEO of Russia noted with concern the virtually complete disappearance of the climate agenda from the focus of the UN report. Vice President of the VEO of Russia, Head of the Economics Section of the Social Sciences Division of the RAS, Academician Boris Porfiriev drew attention to the absence of the «green» agenda among the report's topics, particularly the challenges posed by climate risks, which were given significant attention in previous UN reports.

«This is also characteristic of reports from other international organizations: the International Monetary Fund (IMF), the World Economic Forum (WEF), and others, published almost simultaneously with the UN report. On the one hand, this circumstance reflects a broader geopolitical and geoeconomic trend, driven by the sharply increased relevance over the past year or two of other—(military) political and socio-economic—threats to sustainable development. We have previously written and spoken repeatedly about the underestimation of these threats and the hypertrophy of the climate factor's role in previous UN reports and those of other international organizations. On the other hand, one

cannot ignore the long-term perspective, which is not considered in the UN report but is evaluated by other experts, specifically by the WEF in its latest 'Global Risks Report', where—as in reports over the previous 15 years—risks to sustainable development directly related to the 'green' and climate agenda dominate the top 10 risks for the coming decade (in this case, up to 2036),» emphasized Boris Porfiriev.

In the short term, climate will be overshadowed by military and trade conflicts, but in the long term, it will remain an existential risk. The resource wars of the future are wars for water, food, and energy. Albert Bakhtizin also cited data that forces a new look at the problem: «In the December study by the International Monetary Fund, water is considered a strategic factor for the development of the global economy and the most important resource of the 21st century. According to IMF estimates, the economic value of freshwater and aquatic ecosystems exceeds 58 trillion dollars, which is approximately 60% of global GDP. Long-term modeling shows that the cumulative loss of global output will be 0.2–0.5% of GDP relative to a scenario where there is no water shortage».

GROWING INEQUALITY AND DEMOGRAPHIC PROBLEMS

The social dimension of the problems, according to the discussion participants, also requires special attention. First Deputy Chairman of the State Duma Committee on Education and Science and Member of the Presidium of the VEO of Russia Oleg Smolin provided data on Russia illustrating the underfunding of human capital. He noted the discrepancy between the target indicators of the president's decrees (2% of GDP for science by 2030) and actual federal budget expenditures (0.3% of GDP). In education, the projected level is 3.2% of GDP, which is below the OECD average (4.6–4.7% of GDP).

First Deputy Chairman of the State Duma Committee on Education and Science, Member of the Presidium of the VEO of Russia Oleg Smolin touched upon the issue of financing science and education. He drew attention to the current discrepancy between the targets set by presidential decrees and the actual budget financing of these economic sectors. According to the Russian Ministry of Finance, federal budget spending on science in the coming years will be 0.3% of GDP, substantially lower than the target of 2% of GDP by 2030 established in Presidential Decree No. 309; in education, spending is also projected at 3.2% of GDP by 2027–2028. For comparison, the average across OECD countries is 4.6–4.7% of GDP, and in countries that have successfully modernized their economies, this figure reached 7% of GDP.

Chief Economist of the state development corporation VEB.RF and Board Member of the VEO of Russia Andrey Klepach also drew attention to the growing differentiation and

Director of the Institute of Economic Forecasting of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Member of the Presidium of the VEO of Russia Alexander Shirov (left) and Director of the Department of Economic Cooperation of the Ministry of Foreign Affairs Dmitry Birichevsky (right)

Head of the Economics Section of the Social Sciences Division of the RAS, Academician of the RAS, Vice President of the VEO of Russia Boris Porfiriev

inequality in population incomes. How this will affect long-term development still needs to be analyzed, he noted. Abel Aganbegyan focused on demographics. He pointed out that China will no longer be the leader in growth rates, having faced capital outflow and population decline (by almost 3 million people last year). In contrast, India is experiencing a massive influx of capital. «The largest population cohort in China is 38 years old, and 20% of the unemployed are under 30,» the academician cited, pointing to structural problems even in successful economies. Experts noted that without colossal investments in human potential—education, science, healthcare—neither modernization nor technological sovereignty is possible. The world is facing not just an economic, but a socio-demographic redistribution, where population quality will become the main resource.

FRAGMENTATION AND CONTOURS OF THE FUTURE

All the aforementioned risks are facets of a single process—global fragmentation, which is shaping the contours of the future world order. Summarizing the discussion, Alexander Dynkin

emphasized that the convergence of geopolitical, geoeconomic, and technological transformations is altering the global landscape. «Evidently, we are talking about a new post-liberal global economic order. What its characteristics will be is a critical research task. As a preliminary point, I would say that its features will include the rejection of multilateral regulation (the WTO will not be revived), a global increase in military spending, the abandonment of a rushed energy transition, and the regionalization of development».

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Economic Forecasting (IEF) of the RAS, and Corresponding Member of the RAS Alexander Shirov added: «We are in such a stage of regionalization that it is time for countries to think about how we are going to live moving forward: how to transition from a stage of active regionalization to a stage of selecting unified solutions from the perspective of developing the global economy and achieving those goals that a single country cannot achieve alone».

The main task is to rethink economics as the science of human well-being, rather than just abstract macro-indicators. As Sergey Bodrunov observed, «Economics is always about people, and people do not fit into coefficients. At least, until they are replaced by algorithms».

Tatyana Asrafyeva

ОТ БИПОЛЯРНОСТИ К МНОГОПОЛЯРНОСТИ: КАК МЕНЯЕТСЯ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

See below for the English version of the article

Февраль 2022 года многие эксперты назвали формальной датой ухода в прошлое однополярного мира. Однако сам процесс смены систем начался гораздо раньше. Консенсус, построенный вокруг единственного центра силы — США, давал трещину под натиском финансового кризиса 2008 года, а затем и пандемии COVID-19, которая обнажила хрупкость глобальных цепочек коммуникаций. Сейчас мы наблюдаем, как концепция многополярности из теоретической альтернативы превращается в реальность. Главный вопрос — будет ли новый мир более справедливым и устойчивым или нас ждет обострение конфликтов в условиях фрагментации?

Дискуссии о природе полярности мира ведутся давно. Американский политолог Кеннет Уолц, основатель структурного реализма, рассматривал биполярность и многополярность как базовые состояния системы, определяемые соотношением сил.

Однако, как отмечают исследователи, реальность всегда сложнее схем. Еще в 1970 годах была предложена концепция «полицентричного мира», где биполярность в военной сфере может сосуществовать с полицентричностью в экономике и политике (наличие автономных от «полюсов» региональных держав). Автор теории наступательного реализма Джон Джозеф Миршаймер пошел дальше, введя критерий наличия или отсутствия доминирующей державы, что породило четыре типа систем: сбалансированную/несбалансированную биполярность и сбалансированную/несбалансированную многополярность.

Вице-президент ВЭО России, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, академик РАН Александр Дынкин ука-

зывает: новый мировой порядок возникает, как правило, после завершения очередной войны. Так, Венская система (после Наполеоновских войн) просуществовала 99 лет, Версальская (после Первой мировой войны) — всего 21, Ялтинско-Потсдамская (после Второй мировой войны) — 46 лет. Однополярная модель (Вашингтонский консенсус, после холодной войны) — 30 лет.

Главная причина — тектонический сдвиг центра экономической гравитации. Эта концепция, по мнению Александра Дынкина, отражает изменения в мировой экономике и миропорядке. По его мнению, сдвиг центра экономической гравитации указывает на конец системы однополярности и подтверждает аргументы в пользу многополярности. Однако ученый отмечает, что окончательные выводы пока преждевременны, есть аргументы как в пользу многополярности, так и новой биполярности.

Исследование McKinsey Global Institute (MGI)¹ показало «путешествие» экономического центра гравитации. Ученые рассчитали его, взяв за основу географические центры стран и взвесив их по доле в мировом ВВП. Так, за 2000 лет центр сместился из Азии (район современного Афганистана) в Европу, а к 1950 году — в район Гренландии. В последние

¹ «Urban world: Cities and the rise of the consuming class», исследование было проведено в 2012 г.

СДВИГ ЦЕНТРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГРАВИТАЦИИ УКАЗЫВАЕТ НА КОНЕЦ СИСТЕМЫ ОДНОПОЛЯРНОСТИ

десятилетия, особенно в 2000–2010 годах, он начал беспрецедентно быстро двигаться обратно на Восток, что напрямую связано с ростом Китая. В исследовании говорится, что в период с 2000 по 2010 год смещение происходило со скоростью около 140 км в год, что быстрее, чем когда-либо в истории. Согласно прогнозам MGI 2012 года, к 2025-му центр должен был вернуться в Центральную Азию, недалеко от того места, где он находился в 1000 году н.э.

По словам Александра Дынкина, метод экономического центра гравитации можно применить и к арсеналам стратегических и тактических вооружений. Во время Карибского кризиса было огромное преимущество США, затем четкий северо-восточный маршрут — создание превосходящего ядерного потенциала в СССР. Но с ростом ядерных арсеналов Индии, Пакистана, Северной Кореи и бурным строительством стратегических и тактических ядерных систем Китая на фоне стабильности ядерных потенциалов России и США центр военной гравитации последовал за центром экономическим. Но с лагом в 20 лет, что отражает геополитические амбиции азиатских держав.

АРХИТЕКТУРА БУДУЩЕГО: БОРЬБА СЦЕНАРИЕВ

Если государства Глобального Юга в большинстве своем видят будущее в многополярности, итоговая конфигурация мира может оказаться сложнее и интереснее.

«Какая из тенденций — к биполярности или к полицентризму — возобладает, сказать сложно. Полагаю, что возможно их сопряжение: скажем, на Глобальном Севере — жесткая биполярность, а на Глобальном Юге — полицентризм. На Севере биполярность — военная, экономическая и технологическая — уже очевидна. Для России, как для развитой, самодостаточной и суверенной страны, предпочтительнее многополярный мир. Но такой мир требует новой системы глобального управления, и ее институты уже есть. Это БРИКС, ШОС, «Группа двадцати», Евразийский экономический союз и другие», — отметил Александр Дынкин на специальной сессии ВЭО России «На пути к многополяр-

ному миру и устойчивому развитию», которая состоялась в рамках Международного экономического форума «Россия — Исламский мир: KazanForum 2025».

Схожие идеи предлагаются и в рамках концепции «треугольников», подразумевающей многополярный мир не как плоскую карту с несколькими центрами силы, а как объемную систему сдержек и противовесов. В отличие от простого понятия «однополярность» или «биполярность», треугольник подразумевает постоянную игру. Отношения внутри него никогда не бывают равносторонними: двое всегда могут объединиться против третьего.

Альтернативный взгляд предлагает Светлана Кирдина, главный научный сотрудник Института экономики РАН. Основываясь на теории институциональных X-Y-матриц, она утверждает, что мир движется не к хаотичной многополярности, а к формированию двух мощных межгосударственных биполярных коалиций, институционально несовместимых. В одной коалиции (условно «X») доминируют принципы перераспределения и коллективизма (Россия, Китай, Иран, Индия), в другой («Y») — рынок и индивидуализм (США, ЕС). Это не просто блоки, а разные цивилизационные матрицы.

ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ: КРИЗИС ПРАВИЛ

Одним из самых тревожных трендов переходного периода к многополярному миру является эрозия международного права и институтов. Зафиксировано множество попыток Запада заменить универсальные нормы на так называемый порядок, основанный на правилах. Подобный подход рассматривает международное право не как систему норм, а как процесс принятия властных решений «узким кругом избранных», что ведет к отрицанию его универсального правового характера. Президент РФ Владимир Путин еще в 2014 году, выступая на Валдайском форуме, отмечал, что под давлением правового нигилизма шаг за шагом сдают позиции нормы международного права, которые подменяются произвольным толкованием.

Экономический аспект нигилизма проявляется в санкционных войнах и подрыве глобальных цепочек. Директор Института экономики РАН, член Президиума ВЭО России Михаил Головнин выделяет три возможных сценария фрагментации:

- Усиление протекционизма (все против всех).
- Жесткий раскол на два блока («Запад» против «Глобального Юга и Востока»).
- Развитие крупных региональных объединений с «транзитными» странами-мостами (например, Вьетнам, Турция, ОАЭ).

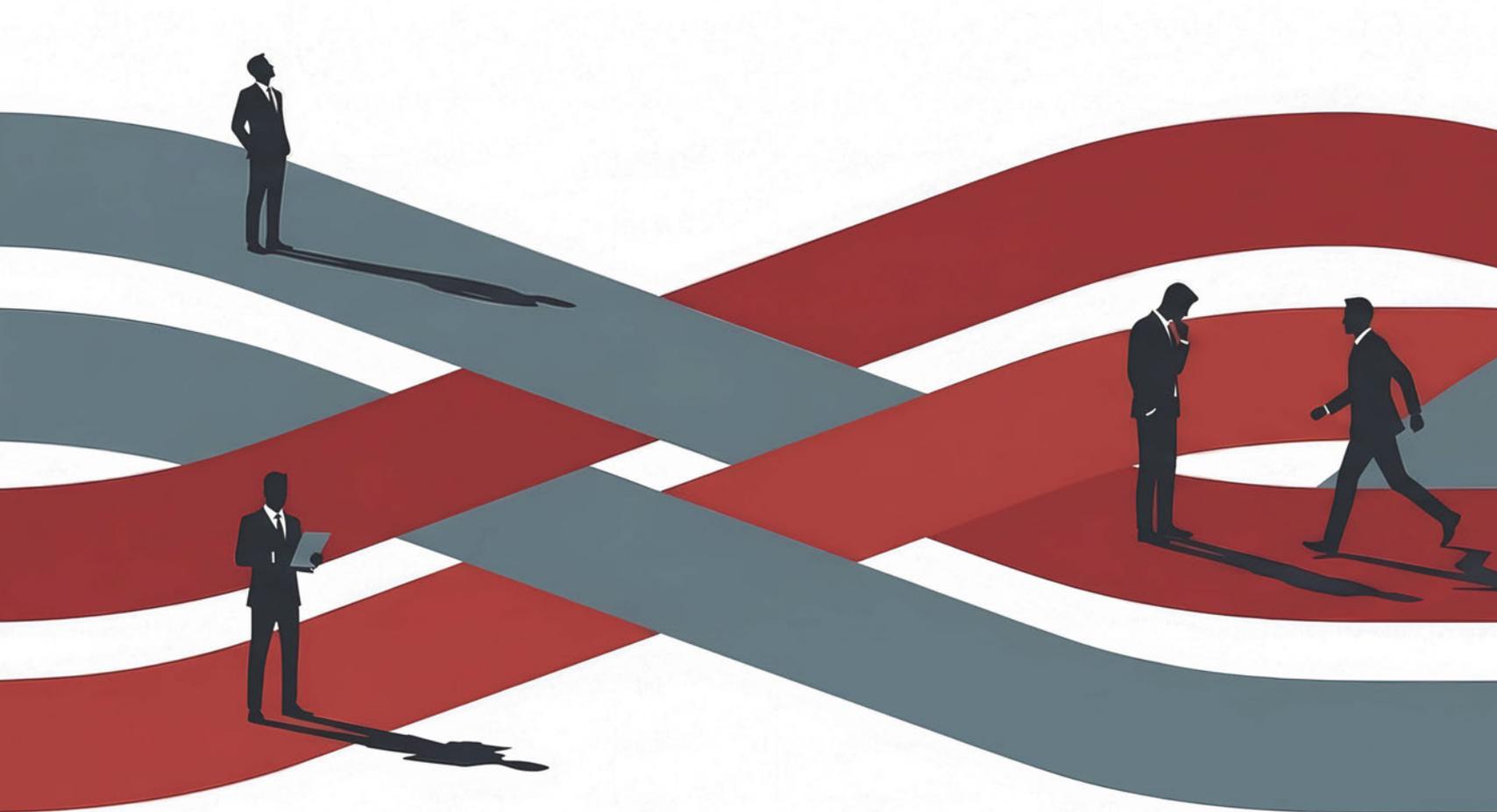
«В третьем сценарии появляется больше возможностей для взаимодействия между противостоящими страновыми блоками и активного развития так называемых стран-мостов, то есть государств, которые не относятся к противоборствующим группировкам», — полагает Михаил Головнин.

Директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, член Президиума ВЭО России Анатолий Громыко убежден, что будущее мирового развития будет определяться

переплетением процессов интеграции и фрагментации.

«В настоящее время происходит переход от неолиберальной модели глобализации, основанной на западнцентризме, к полицентричной мировой системе. Какой полицентризм мы получим в результате, сказать сложно. Его модели могут быть разными: от конфронтационных до некой новой модели мирного сосуществования, но уже в рамках не биполярного, а полицентричного мира. При этом очевидно, что статус трансрегиональных игроков будет получать все большее число стран», — отметил ученый.

Анатолий Громыко прогнозирует, что в ближайшие годы ведущую роль на международной арене будет играть пятерка постоянных членов Совета Безопасности ООН — Россия, Китай, США, Великобритания и Франция. На евроазиатском макропространстве главными игроками останутся Россия, Китай и Индия, усилится роль Вьетнама, Индонезии и стран Персидского залива. Высокий статус сохранят Япония и Южная Корея.

ПЛЮСЫ И РИСКИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

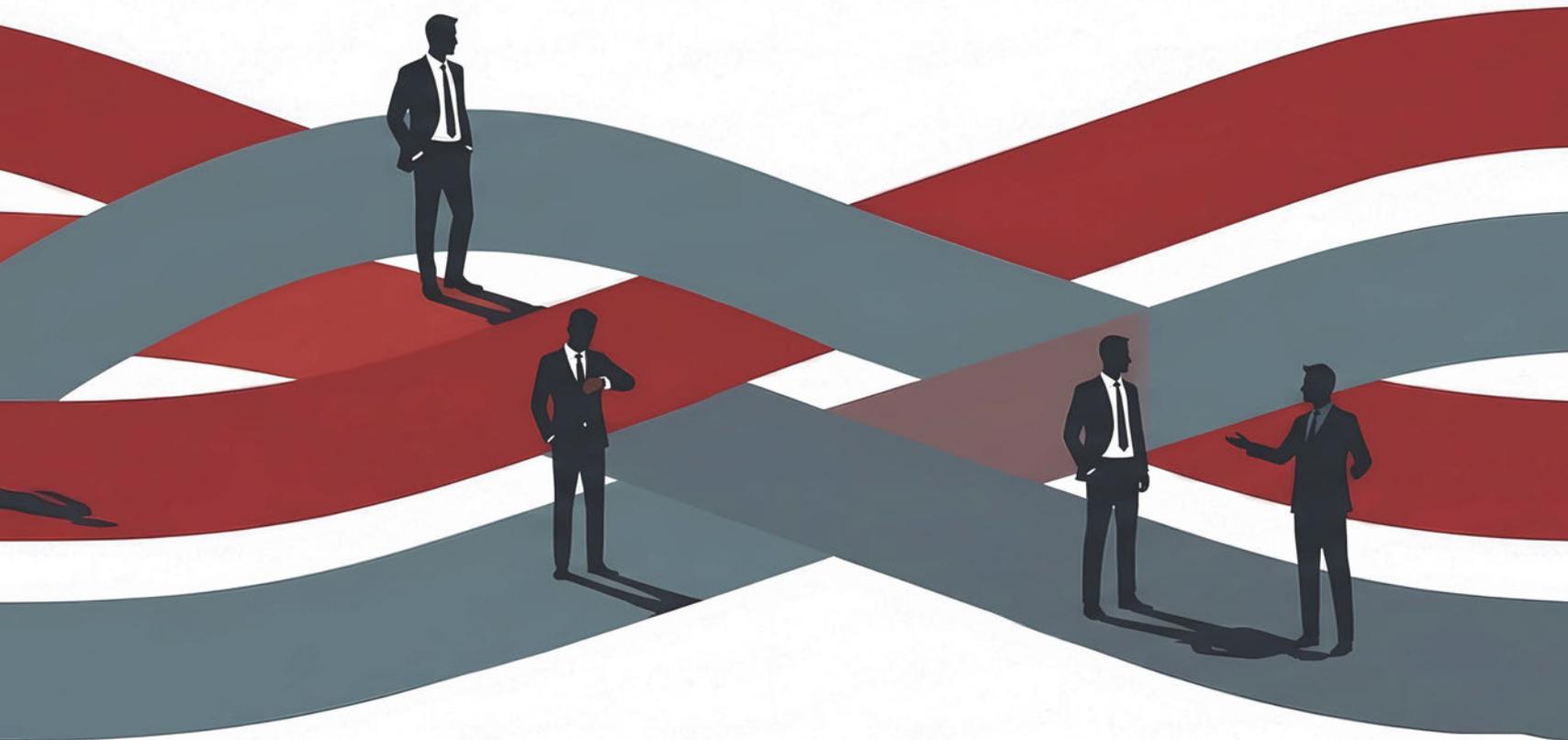
У многополярной модели есть свои преимущества и серьезные угрозы, на которые обращают внимание ученые.

Потенциальные плюсы:

- **Децентрализация:** каждое государство может стать субъектом, а не объектом политики, сохраняя идентичность.
- **Экспериментальные площадки:** возможность тестировать разные модели развития (финансовые, социальные, технологические) без диктата единого центра.
- **Гибкость дипломатии:** переход от жесткой иерархии к многослойной дипломатии, где учитываются цивилизационные различия.

В то же время ряд экспертов предупреждает, что переходный этап может быть хаотичным: конкуренция между новыми центрами рискует подорвать последние опоры стабильности.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ПРОИСХОДИТ ПЕРЕХОД ОТ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ, ОСНОВАННОЙ НА ЗАПАДНО- ЦЕНТРИЗМЕ, К ПОЛИ- ЦЕНТРИЧНОЙ МИРОВОЙ СИСТЕМЕ

Потенциальные сферы разногласий:

- **Технологический суверенитет.** Борьба за стандарты в сфере ИИ, квантовых вычислений и биотехнологий. Страны, лидирующие в этих отраслях, получают долгосрочное преимущество.
- **Киберпространство и данные.** Информация должна быть общим ресурсом, но сегодня наблюдается тенденция ее приватизации и использования для гибридных атак.
- **Ресурсы и климат.** Контроль над чистой водой, Арктикой, редкоземельными металлами и климатическая повестка.
- **Логистика.** Борьба за транспортные коридоры (Северный морской путь, «Пояс и путь», Международный транспортный коридор «Север — Юг»).

ИНСТИТУТЫ БУДУЩЕГО: БРИКС И РЕФОРМА ООН

Ключевой вопрос: удастся ли создать работающие институты глобального управления нового типа? Группа БРИКС (особенно после расширения) рассматривается многими как прообраз полицентричного мира. Это не блок с жесткой дисци-

плиной (как НАТО), а платформа для согласования интересов. По словам главы МИД РФ Сергея Лаврова, «многополярность за одну ночь не настанет... Это по-настоящему длительная эпоха». Необходимо развивать свои центры будущего многополярного мира. Это и ШОС, и ЕАЭС, отмечает Сергей Лавров.

Совет Безопасности ООН, застывший в конфигурации 1945 года, все чаще подвергается критике за неспособность предотвращать конфликты. Дискуссии о расширении Совбеза ООН (включение Индии, Бразилии, Японии, Германии, представителей Африки) пока не привели к результату из-за разногласий как между постоянными членами, так и между региональными группами. Паралич Совбеза ООН — прямое следствие и одновременно двигатель правового нигилизма, когда ключевые решения принимаются в «кулуарных» форматах (G7, G20 и др.), не имеющих универсальной легитимности.

По мнению российских экспертов, широкие перспективы для развития равноправных международных отношений открывает «Инициатива в области глобального управления», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином на расширенном заседании «ШОС+» в Тяньцзине.

«Инициативы Китая ориентированы на обеспечение суверенного равенства всех стран, вне зависимости от их размера и экономической мощи, на утверждение общепризнанных норм междуна-

родных отношений без двойных стандартов и попыток навязать другим внутренние правила отдельных государств, нацелены на претворение в жизнь подлинной многосторонности, а также на внедрение человекоцентричного подхода, при котором результаты развития и достижения научно-технического прогресса становятся достоянием всего человечества», — сказал президент ВЭО России, член-корреспондент РАН Сергей Бодрунов, выступая на Тунчжоуском форуме по вопросам глобального развития в Пекине.

Ученый подчеркнул, что в условиях «хаотичного состояния мировой экономики, причина которого — приоритизация неолиберальной модели», вопрос глобального управления приобретает особое значение.

Своевременность китайской «Инициативы в области глобального управления» отметил и директор Института Китая и современной Азии РАН Кирилл Бабаев.

«Существующая система глобального управления устарела и требует реформирования. Мир нуждается в новой системе глобального управления, основанной на таких принципах, как равноправие всех государств — больших и малых, учет интересов (и политических, и общественных систем) всех стран, опора на людей, на народы всех государств и, конечно, многополярность (которую председатель КНР называет многосторонностью). То есть мир становится другим, и ему нужна новая система глобального управления. В этом смысле Россия и Китай занимают очень схожие позиции», — сказал ученый в интервью китайскому телеканалу CGTN.

Говоря о многополярности, нельзя игнорировать демографию. Рост населения в Африке и Азии при старении населения Европы и Китая изменит не только экономические балансы, но и миграционные потоки, культурную идентичность и политические режимы. Уже сейчас заметен запрос на «культурный суверенитет». Это порождает «войны идентичностей», которые могут быть не менее ожесточенными, чем экономические конфликты.

ВЫВОДЫ

Движение от биполярности к многополярности — не линейный процесс, а сложная, многоуровневая трансформация с элементами турбулентности и возвратной биполярной конфронтации. Модели полицентризма могут быть разными: от конфронтационных («война всех против всех») до нового варианта мирного сосуществования на основе баланса интересов, а не баланса страха.

Главная интрига заключается в том, смогут ли новые и старые центры силы договориться о реформе глобальных институтов (ООН, МВФ, ВТО) до того, как конкуренция перерастет в полномасштабный хаос. Многополярность — не панацея, а вызов, требующий беспрецедентной дипломатической гибкости от всех игроков. Инструменты для этого уже есть: БРИКС, ШОС, ЕАЭС. Вопрос в том, хватит ли у мирового сообщества воли использовать их для строительства устойчивого, а не конфликтующего мира.

Михаил Барановский

FROM BIPOLARITY
TO MULTIPOLARITY:
THE SHIFTING GLOBAL
ORDER

Many experts have cited February 2022 as the formal date marking the end of the unipolar world. However, the process of systemic transition began much earlier. The consensus built around a single center of power—the United States—began to crack under the pressure of the 2008 financial crisis, and later the COVID-19 pandemic, which exposed the fragility of global communication chains. Today, we are witnessing how the concept of multipolarity is transforming from a theoretical alternative into reality. The main question is: will the new world be more equitable and stable, or are we facing an escalation of conflicts amidst fragmentation?

Discussions about the nature of world polarity have been going on for a long time. American political scientist Kenneth Waltz, the founder of structural realism, considered bipolarity and multipolarity as basic states of the system determined by the balance of power. However, as researchers note, reality is always more complex than schemes. Back in the 1970s, the concept of a «polycentric world» was proposed, where bipolarity in the military sphere can coexist with polycentrism in economics and politics (the presence of regional powers autonomous from the «poles»). The author of the theory of offensive realism, John Joseph Mearsheimer, went further by introducing the criterion of the presence or absence of a dominant power, which gave rise to four types of systems: balanced/unbalanced bipolarity and balanced/unbalanced multipolarity.

Vice President of the VEO of Russia, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Academician of the RAS Alexander Dynkin points out: a new world order emerges, as a rule, after the end of another war. Thus, the Vienna system (after the Napoleonic Wars) lasted 99 years, the Versailles system (after World War I) — only 21, and the Yalta-Potsdam system (after World War II) — 46 years. The unipolar model (Washington Consensus, after the Cold War) lasted 30 years. The main reason is the tectonic shift of the center of economic gravity. This concept, according to Alexander Dynkin, reflects changes in the global economy and world order. In his opinion, the shift in the center of economic gravity indicates the end of the unipolarity system and confirms the arguments in favor of multipolarity. However, the scientist notes that definitive conclusions are currently premature — there are arguments both in favor of multipolarity and a new bipolarity.

THE SHIFT IN THE CENTER OF ECONOMIC GRAVITY INDICATES THE END OF THE UNIPOLARITY SYSTEM

A study by the McKinsey Global Institute (MGI)¹ showed the «journey» of the economic center of gravity. Scientists calculated it by taking the geographic centers of countries as a basis and weighting them by their share in global GDP. Thus, over 2,000 years, the center shifted from Asia (the region of modern Afghanistan) to Europe, and by 1950 — to the Greenland region. In recent decades, especially in 2000–2010, it began to move back to the East at an unprecedentedly fast pace, which is directly related to the rise of China. The study states that between 2000 and 2010, the shift occurred at a speed of about 140 km per year, which is faster than ever in history. According to MGI's 2012 forecasts, by 2025 the center was expected to return to Central Asia, not far from where it was in 1000 AD.

According to Alexander Dynkin, the economic center of gravity method can also be applied to arsenals of strategic and tactical weapons. During the Cuban Missile Crisis, there was a huge US advantage, then a clear northeastern route — the creation of superior nuclear potential in the USSR. But with the growth of nuclear arsenals in India, Pakistan, and North Korea, and the rapid construction of strategic and tactical nuclear systems by China, against the backdrop of the stability of Russian and US nuclear potentials, the center of military gravity followed the economic center. However, this occurred with a 20-year lag, reflecting the geopolitical ambitions of Asian powers.

ARCHITECTURE OF THE FUTURE: THE BATTLE OF SCENARIOS

If the states of the Global South overwhelmingly see the future in multipolarity, the final configuration of the world may turn out to be more complex and interesting.

¹ The study «Urban world: Cities and the rise of the consuming class» was conducted in 2012.

«Which of the trends — toward bipolarity or polycentrism — will prevail is difficult to say. I believe their combination is possible: for example, strict bipolarity in the Global North, and polycentrism in the Global South. In the North, bipolarity — military, economic, and technological — is already obvious. For Russia, as a developed, self-sufficient, and sovereign country, a multipolar world is preferable. But such a world requires a new system of global governance, and its institutions already exist. These are BRICS, the SCO, the Group of Twenty, the Eurasian Economic Union, and others,» noted Alexander Dynkin at a special session of the VEO of Russia «On the Path to a Multipolar World and Sustainable Development,» which took place within the framework of the International Economic Forum «Russia – Islamic World: KazanForum 2025».

Similar ideas are proposed within the framework of the «triangles» concept, which implies a multipolar world not as a flat map with several centers of power, but as a three-dimensional system of checks and balances. Unlike the simple concept of «unipolarity» or «bipolarity,» a triangle implies a constant game. Relationships within it are never equilateral: two can always unite against a third.

An alternative view is offered by Svetlana Kirdina, Chief Researcher at the Institute of Economics of the RAS. Based on the theory of institutional X-Y matrices, she argues that the world is moving not toward chaotic multipolarity, but toward the formation of two powerful inter-state bipolar coalitions that are institutionally incompatible. In one coalition (conventionally «X»), the principles of redistribution and collectivism dominate (Russia, China, Iran, India); in the other («Y»), the market and individualism dominate (USA, EU). These are not just blocs, but different civilizational matrices.

GLOBAL GOVERNANCE AND LEGAL NIHILISM: A CRISIS OF RULES

One of the most alarming trends of the transition period to a multipolar world is the erosion of international law and institutions. Numerous

The New World Order

attempts by the West to replace universal norms with a so-called «rules-based order» have been recorded. Such an approach views international law not as a system of norms, but as a process of making authoritative decisions by a «narrow circle of the elect,» leading to the denial of its universal legal character. Russian President Vladimir Putin, speaking at the Valdai Forum back in 2014, noted that under the pressure of legal nihilism, the norms of international law are losing ground step by step, replaced by arbitrary interpretation.

The economic aspect of nihilism manifests itself in sanctions wars and the disruption of global supply chains. Director of the Institute of Economics of the RAS, Member of the Presidium of the VEO of Russia Mikhail Golovnin identifies three possible scenarios for fragmentation:

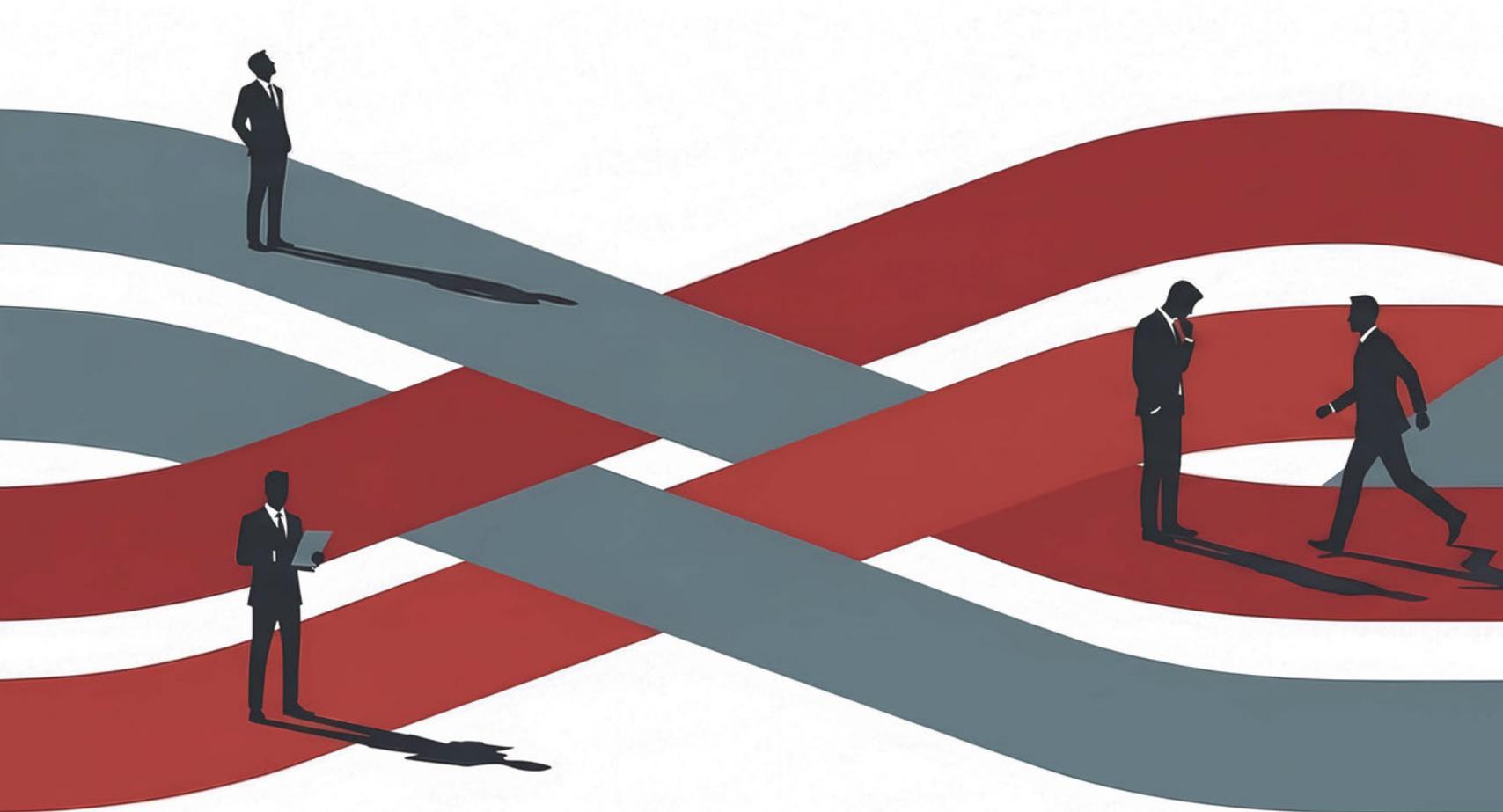
- Increased protectionism (all against all).
- A hard split into two blocs (the «West» versus the «Global South and East»).
- The development of large regional associations with «transit» bridge countries (e.g., Vietnam, Turkey, the UAE). «In the third scenario, there are more opportunities for interaction between opposing country blocs and the

active development of so-called bridge countries, that is, states that do not belong to warring factions,» believes Mikhail Golovnin.

Director of the Institute of Europe of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Member of the Presidium of the VEO of Russia Anatoly Gromyko is convinced that the future of global development will be determined by the intertwining processes of integration and fragmentation.

«Currently, a transition is underway from a neoliberal model of globalization, based on Western-centrism, to a polycentric world system. What kind of polycentrism we will get as a result is hard to say. Its models can vary: from confrontational ones to a certain new model of peaceful coexistence, but within the framework of a polycentric, rather than a bipolar, world. At the same time, it is obvious that an increasing number of countries will acquire the status of transregional players,» the scientist noted.

Anatoly Gromyko predicts that in the coming years, the leading role in the international arena will be played by the five permanent members

of the UN Security Council — Russia, China, the US, the UK, and France. In the Eurasian macro-space, Russia, China, and India will remain the main players, while the role of Vietnam, Indonesia, and the Gulf countries will strengthen. Japan and South Korea will retain a high status.

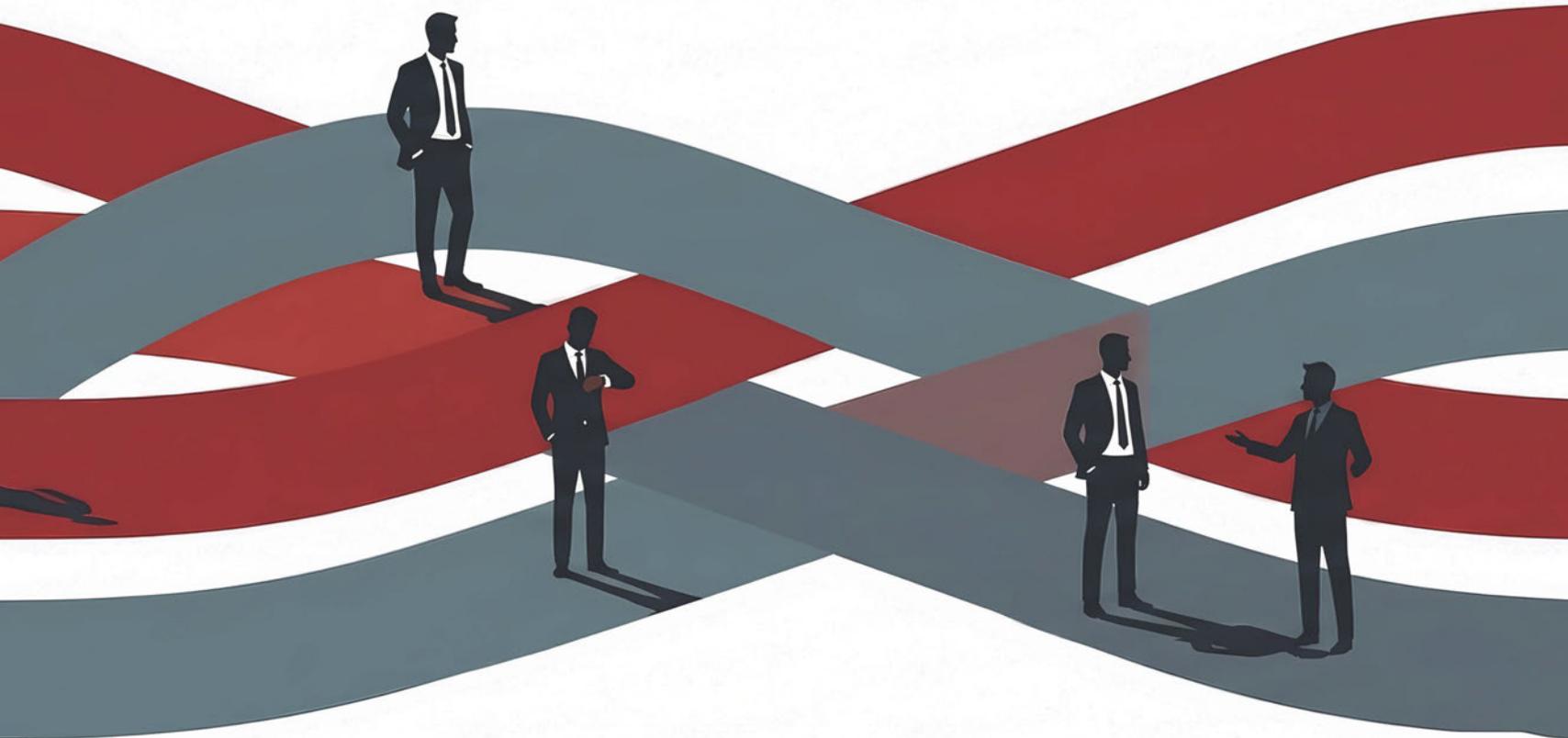
PROS AND RISKS OF MULTIPOLARITY

The multipolar model has its advantages and serious threats, to which scientists draw attention.

Potential pros:

- **Decentralization:** each state can become a subject rather than an object of politics, preserving its identity.
- **Experimental platforms:** the ability to test different development models (financial, social, technological) without the dictate of a single center.
- **Diplomatic flexibility:** the transition from a rigid hierarchy to multi-layered diplomacy, where civilizational differences are taken into account.

**CURRENTLY,
A TRANSITION
IS UNDERWAY FROM
A NEOLIBERAL MODEL
OF GLOBALIZATION,
BASED ON WESTERN-
CENTRISM,
TO A POLYCENTRIC
WORLD SYSTEM**

The New World Order

At the same time, several experts warn that the transition period could be chaotic: competition between new centers risks undermining the last pillars of stability.

Potential areas of disagreement:

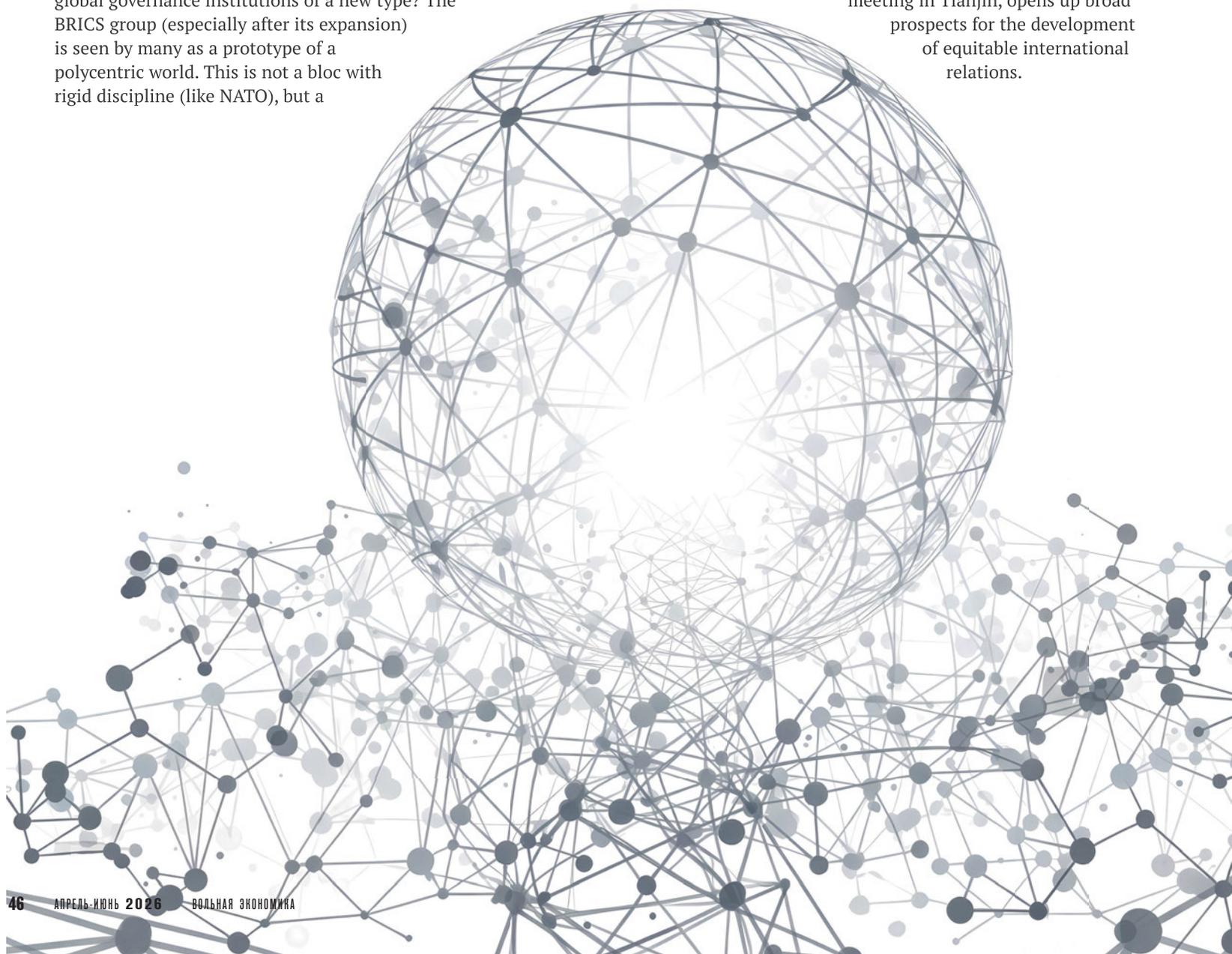
- Technological sovereignty. The struggle for standards in AI, quantum computing, and biotechnology. Countries leading in these sectors will gain a long-term advantage.
- Cyberspace and data. Information should be a common resource, but today there is a trend toward its privatization and use for hybrid attacks.
- Resources and climate. Control over clean water, the Arctic, rare earth metals, and the climate agenda. Logistics. The struggle for transport corridors (the Northern Sea Route, the Belt and Road Initiative, the International North-South Transport Corridor).
Institutions of the Future: BRICS and UN Reform

The key question is: will it be possible to create functioning global governance institutions of a new type? The BRICS group (especially after its expansion) is seen by many as a prototype of a polycentric world. This is not a bloc with rigid discipline (like NATO), but a

platform for aligning interests. According to Russian Foreign Minister Sergey Lavrov, «multipolarity will not happen overnight... This is a truly long era». It is necessary to develop our own centers of the future multipolar world. These include both the SCO and the EAEU, notes Sergey Lavrov.

The UN Security Council, frozen in its 1945 configuration, is increasingly criticized for its inability to prevent conflicts. Discussions about expanding the UN Security Council (including India, Brazil, Japan, Germany, and representatives of Africa) have not yet yielded results due to disagreements both among permanent members and between regional groups. The paralysis of the UN Security Council is a direct consequence and simultaneously a driver of legal nihilism, where key decisions are made in «backroom» formats (G7, G20, etc.) that lack universal legitimacy.

According to Russian experts, the «Global Governance Initiative,» put forward by Chinese President Xi Jinping at the expanded «SCO+» meeting in Tianjin, opens up broad prospects for the development of equitable international relations.

«China's initiatives are focused on ensuring the sovereign equality of all countries, regardless of their size and economic power, on establishing universally recognized norms of international relations without double standards and attempts to impose the internal rules of individual states on others, aimed at implementing genuine multilateralism, as well as introducing a human-centric approach, in which the results of development and achievements of scientific and technological progress become the property of all humanity,» said President of the VEO of Russia, Corresponding Member of the RAS Sergey Bodrunov, speaking at the Tongzhou Global Development Forum in Beijing.

The scientist emphasized that in the conditions of the «chaotic state of the global economy, the cause of which is the prioritization of the neoliberal model,» the issue of global governance takes on special significance.

The timeliness of the Chinese «Global Governance Initiative» was also noted by the Director of the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS, Kirill Babaev.

«The existing system of global governance is outdated and requires reform. The world needs a new system of global governance based on principles such as the equality of all states — large and small, taking into account the interests (both political and social systems) of all countries, relying on people, on the peoples of all states, and, of course, multipolarity (which the Chinese President calls multilateralism). That is, the world is becoming different, and it needs a new system of global governance. In this sense, Russia and China hold very similar positions,» the scientist said in an interview with the Chinese television channel CGTN.

When talking about multipolarity, demographics cannot be ignored. Population growth in Africa and Asia, alongside the aging population of Europe and China, will change not only economic balances but also migration flows, cultural identity, and political regimes. A demand for «cultural sovereignty» is already noticeable. This gives rise to «identity wars,» which can be no less fierce than economic conflicts.

CONCLUSIONS

The movement from bipolarity to multipolarity is not a linear process, but a complex, multi-level transformation with elements of turbulence and recurring bipolar confrontation. Models of polycentrism can vary: from confrontational («war of all against all») to a new variant of peaceful coexistence based on a balance of interests, rather than a balance of terror.

The main intrigue lies in whether the new and old centers of power can agree on reforming global institutions (UN, IMF, WTO) before competition escalates into full-scale chaos. Multipolarity is not a panacea, but a challenge requiring unprecedented diplomatic flexibility from all players. The tools for this already exist: BRICS, SCO, EAEU. The question is whether the global community will have enough will to use them to build a sustainable, rather than a conflicting, world.

Mikhail Baranovsky

Профессор социологии Кембриджского университета

ДЭВИД ЛЭЙН

«МЫ ДВИЖЕМСЯ К ИЕРАРХИЧЕСКОМУ, РЕГИОНАЛИЗИРОВАННОМУ МИРУ»

XI Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК), который состоится в конце марта в Северной столице, объединит ведущих ученых и экспертов из России и зарубежных стран. В фокусе внимания участников мероприятия будут вопросы социально-экономического развития России и мира в условиях трансформации мирового порядка и перспектив нооперехода. В преддверии Конгресса член Международного комитета ВЭО России, член Британской академии социальных наук, заслуженный профессор социологии Кембриджского университета Дэвид Лэйн дал эксклюзивное интервью журналу «Вольная экономика». Ученый рассказал «ВЭ» о контурах постъялтинского международного порядка, необходимости реформирования Бреттон-Вудских институтов, принципиально новых положениях Стратегии по национальной безопасности США, призванной изменить американскую внешнюю политику и роль Соединенных Штатов в мире, о ноономике как теоретической платформе для перехода к более справедливому и разумному мировому устройству.

«ВЭ»: Вы регулярно участвуете в Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК) в качестве одного из его хедлайнеров. Какова, на Ваш взгляд, главная миссия этой авторитетной научно-экспертной площадки?

— Конференции, организуемые Институтом нового индустриального развития им. С.Ю. Витте (ИНИР им. С.Ю. Витте), играют важную роль в расширении и распространении идей Института и его членов. Докладчики рассматривают вопросы в русле идей, выдвинутых Сергеем Бодруновым и другими, о новом индустриальном обществе и роли, которую играет ноономика. Особенно отраднo видеть, что существуют секции для студентов и тех, кто начинает свою карьеру.

Я вижу у таких форумов две основные функции: во-первых, распространение существующих идей ИНИР им. С.Ю. Витте, а во-вторых, продвижение новых взглядов на экономическую жизнь. Подход ноономики к экономической жизни, например, находит постоянную площадку на СПЭК, где разные люди могут применять эту модель для решения конкретных проблем.

Конференционная форма объединения также важна для формирования сетей (нетворкинга).

Конференции СПЭК отличает наличие постоянного ядра участников, которые посещают их и взаимодействуют друг с другом. Это отличает их от многих собраний, которые носят эфемерный характер. СПЭК обеспечивает неформальные способы коммуникации, которые не только способствуют обучению и знакомят участников с идеями, но и создают механизмы, где эти идеи могут пройти апробацию.

«ВЭ»: Давайте теперь обратимся к некоторым современным вопросам. Какие принципиально новые элементы содержит Стратегия национальной безопасности США и как в ней переосмысливается роль России?

— Во время президентства Трампа были приняты две Стратегии национальной безопасности США: первая — в 2017 году, вторая — в 2025 году. Обновленная стратегия намного более радикальная. Один из фундаментально новых элементов — это акцент на суверенитете государств и радикальный отказ от «международного порядка, основанного на правилах». Хотя восстановление суверенитета США и ослабление власти глобализированных организаций и транснациональных законов, несомненно, являются его главным посылом, эта логика применима

«ВСЕ НАЦИИ ИМЕЮТ ПРАВО... НА „ОТДЕЛЬНОЕ И РАВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ“ ПО ОТНОШЕНИЮ ДРУГ К ДРУГУ»

ко всем государствам. Стратегия 2025 года признает суверенитет других регионов с их собственными цивилизациями, тем самым способствуя сосуществованию различных государственных образований. «...Все нации имеют право... на „отдельное и равное положение“ по отношению друг к другу». Документ идет дальше, требуя «уважения» к «системам управления и обществам», которые отличаются от конкурентных электоральных демократий Запада. Это очень большое изменение в политическом мировоззрении США.

Что касается второй части вашего вопроса: трампизм позитивно изменил оценку России и Китая по сравнению с первой администрацией. В Стратегии национальной безопасности США 2017 года было много негативных отсылок как к Китаю, так и к России. Обе страны определялись как «ревизионистские» государства, чья политика «противоречит американским ценностям». В 2017 году Трамп признавал военную «угрозу», исходящую от растущей военной мощи России. «Российское вторжение» в Грузию определялось как «нарушение» ее суверенитета. Россия была «подрывной» силой, нацеленной на «запугивание» своих соседей.

В Стратегии 2025 года, однако, нет упоминаний о России как о враждебном или авторитарном государстве. В 2025 году также делается акцент на «перебалансировке» отношений Америки с Китаем, «уделяя первоочередное внимание взаимности и справедливости для восстановления экономической независимости Америки». Цель состоит в том, чтобы поддерживать «подлинно взаимовыгодные экономические отношения с Пекином» (Раздел об экономике: Конечные ставки). Посыл ясен: национальные

экономические корпорации должны производить для своей территории. Цель трампизма — вновь сделать нацию основой капитализма.

Здесь есть основа для движения к полицентричному политическому миру. Главное утверждение трампизма заключается в том, что «дела других стран касаются нас только в том случае, если их деятельность напрямую угрожает нашим интересам» (Стратегия национальной безопасности США, 2025 год). В отношении других стран, включая Россию, политика должна определяться не с точки зрения ценностей (демократического, основанного на верховенстве закона международного либерального порядка), а с точки зрения материальных интересов — торговли, производства и особенно прибыли. Цель политики, по крайней мере согласно этим документам, — «Поставить Америку на первое место», к чему, пожалуй, следует добавить — так это интерпретирует Дональд Трамп.

Я бы добавил к вашему вопросу американский контекст, в котором действуют принципы Стратегии безопасности. Президенту Трампу приходится согласовывать свои политические цели с повседневными политическими решениями, которые в значительной степени формируются интересами, неподконтрольными ему. Они включают оценки фондового рынка, внешние угрозы, а также внутренние и внешние политические и экономические субъекты, которые выступают против политики Трампа. Поэтому, чтобы сдерживать различные интересы или удерживать их на своей стороне, Трамп на практике вынужден идти на компромиссы, и он часто, по-видимому, меняет свое мнение.

В Стратегии национальной безопасности США признается, что Китай и Россия являются сопер-

начающими региональными державами, достаточно сильными материально и идеологически, чтобы противостоять американской мощи.

Однако, в отличие от предыдущих администраций США, для Трампа они не обязательно должны представлять прямую угрозу для США.

При этом трампизм содержит и другие, более агрессивные, взгляды: Америка должна сохранять экономическое и военное лидерство, а иностранные державы не должны конкурировать на американской территории. «Американская территория» включает не только Западное полушарие, но и активы, принадлежащие Америке в других странах, угроза которым может стать причиной военного вмешательства США.

Администрация Трампа движется к установлению признания географических «сфер экономических интересов» (регионализация капитализма), что обеспечило бы основу для политической безопасности, вместо опоры на американское военное развертывание. Предполагается, что

и формам правления; США не должны продвигать свои ценности или политические принципы («продвижение демократии») за рубежом; чтобы оставаться сильными, США должны поддерживать вооруженные силы на высочайшем уровне.

«ВЭ»: Итак, мир движется к многополярности. Усилится ли фрагментация (регионализация) мировой экономики и как это может повлиять на глобальную экономическую динамику?

— Гегемония США в мировой политике была относительно коротким периодом, последовавшим за распадом Восточного блока в конце 1980 годов и до признания Китая ведущей индустриальной и военной державой в первом десятилетии XXI века. До этого социалистический блок во главе с СССР противостоял «коллективному Западу» и создавал биполярный мир. В настоящее время относительный экономический, политический и цивилизационный упадок

БРЕТТОН-ВУДСКИЕ ИНСТИТУТЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ РЕФОРМИРОВАНЫ, А ЦЕЛИ ЭТИХ ОРГАНОВ — ИЗМЕНЕНЫ

мировая экономическая система будет состоять из географических сфер государств, обеспечивающих свои собственные экономические интересы, с важной оговоркой, что США остаются первыми среди равных (*primus inter pares*). Что касается России, она является потенциальным союзником, возможным кандидатом в члены «Группы семи». Китай, с другой стороны, является угрозой — хотя его можно сдерживать, но только если США будут проводить правильную политику.

Итак, отвечая на ваш вопрос. Ключевые фундаментальные элементы новой Стратегии таковы: подтверждение суверенитета национальных государств; неинтервенционистская внешняя политика; уважение к различным цивилизациям

Запада привел, как вы говорите, к более полицентричному миру. США по-прежнему являются самой передовой страной в экономическом и военном отношении, но растет роль государств, входящих в БРИКС, особенно Китая и России. Эти страны сегодня сохраняют за собой стратегическую мощь. Европейские государства утратили свое прежнее политическое влияние и в настоящее время сильно зависят от США. Таким образом, мы движемся к иерархическому, при этом регионализированному миру.

Глобальная динамика предполагает переход к тому, что Стратегия национальной безопасности 2025 года называет «сферами влияния». Этот подход окажет важное влияние на то, какой

именно полицентрический мировой порядок может возникнуть. Цель — форма экономического федерализма. Главное изменение, по крайней мере идеологически, заключается в том, что администрация Трампа отвергла «основанный на правилах» международный порядок и отступила от «продвижения демократии» за рубежом. Обещано «уважение» к формам правления и культуре других стран. Какой именно экономический федерализм возникнет, в Стратегии национальной безопасности не определено. Но подразумевается, что блоки Китая и Евразийского экономического союза совместно с Европейским союзом сформируют более независимые экономические, политические и цивилизационные блоки. Ясно одно: Соединенные Штаты намерены осуществлять гегемонию в Западном полушарии, которое в соответствии с обновленной доктриной Монро включает обе Америки и Гренландию.

Этот подход основан на конкуренции как внутри географических единиц, так и между ними, и на разрешении конфликтов интересов экономическим путем — через рыночные трансакции, и политически — через «заключение сделок».

Рыночная конкуренция между странами за ресурсы и технологии, вероятно, продолжится даже в федеративном типе сфер интересов. Причина в том, что в международной системе нет верховной власти и государства делают все возможное, чтобы сохранить свой суверенитет, отвечая на вызовы, которые исходят от других государств. Пока такой крупный игрок, как США, придерживается конфронтационного и транзакционного подхода, конфликты неизбежны. Главный вызов, признаваемый администрацией Трампа, — это возвышение Китая и Глобального Юга, поэтому полюса конкуренции в будущем будут приобретать более региональный характер. Еще одно следствие здесь заключается в том, что новые «сферы» могут привести к изменению структуры стратегических альянсов. США могут, например, больше сблизиться с Россией.

«ВЭ»: Как Вы считаете, это будет осуществлено на практике?

— Как именно это сработает, неясно. С одной стороны, наблюдается общий отход от глобализации к большей опоре стран и блоков на эконо-

мическую самодостаточность, но все еще существует конкурентная экономическая взаимозависимость, например, в производственных цепочках. Трамизм перешел к двусторонней торговле, продвигающей взаимные интересы. США по-прежнему применяют значительную военную мощь для достижения экономических целей, о чем свидетельствует вооруженный захват судов и похищение президента Венесуэлы Николаса Мадуро. Политическая целостность будущих экономических блоков также может создавать напряженность, о чем говорят угрозы Трампа включить Гренландию в состав США. Гонка вооружений усиливается, и кажется вероятным, что напряженность сохранится в отношении политических прав США вмешиваться в дела других стран, особенно если они лишь косвенно затрагивают США. Самое важное, я думаю, заключается в том, что Трамп продвигает торгашескую транзакционную политику, что означает постоянную конкуренцию, ведущую к конфликтам за рынки и политическое влияние. Карл Каутский более 100 лет назад (1914) предлагал подобный вид экономического федерализма в своих идеях ультраимпериалистического капитализма. Но Каутский предвидел сознательную координацию капиталистических корпораций, а не, как предлагает Трамп, федерацию государств, основанную на транзакционной конкуренции. Разница, полагаю, в идеологии между социализмом и экономическим либерализмом.

«ВЭ»: Как Вы думаете, как в новом многополярном мире будет решен вопрос управления глобальными рисками?

— После роспуска Восточного блока и даже до этого было совершенно ясно, что международные институты по разрешению конфликтов не выполняют свои задачи. То, что вы называете «глобальными рисками», плохо управлялось, и текущий конфликт НАТО/Украина — Россия и боевые действия в Газе иллюстрируют, что механизмы {управления рисками} нуждаются в пересмотре и дополнении. Мы не видим каких-либо значимых инициатив со стороны таких международных организаций, как ООН, по разрешению этих конфликтов. Несмотря на критику Дональда Трампа, следует признать, что он проявил инициативу по мирному урегулированию этих и других конфликтов.

Некоторые из крупных игроков {европейские державы}, по-видимому, стремятся продлить боевые действия НАТО/Украина — Россия, а не искать способы содействия миру. Текущие конфликты, число которых растет, показывают, что в международной архитектуре чего-то не хватает не только для посредничества, но и для предотвращения подобных разногласий. Отсутствие каких-либо эффективных политических инициатив иллюстрируется тем, как Трамп опередил ООН со своим предложением создать Совет по миру под своим руководством для наблюдения за кризисом в Газе.

«ВЭ»: Как Вы считаете, что необходимо сделать для эффективного управления глобальными рисками?

— Давайте сначала посмотрим на текущий подход трамизма. Трамп использует краткосрочную транзакционную дипломатию. Конфликты можно разрешать, «заключая сделки», через торг, основанный на расчете выгод и затрат и ведущий к компромиссу. Если торг не приносит

результатов, президент США прибегает к угрозе применения силы, затем — к экономическим санкциям. А если они не срабатывают, следует применение силы.

Можно критиковать этот подход, как и многие рассуждения Трампа. Его видение рыночного торга для продвижения национального величия, наряду с агрессивной защитой американских интересов, создает условия для войны, а не мира. Проблема здесь в том, что расчет затрат и выгод часто неясен.

Более общий недостаток трампизма — его транзакционная форма, которая игнорирует глубокие и долгосрочные экономические причины конфликтов. На национальном уровне рынки создают неопределенность: конкуренция ведет к банкротству, прибыль сдерживает общественный спрос и, следовательно, создает безработицу. Двусторонний торг между странами, продвигаемый трампизмом, порождает конфликт между ними и не учитывает никакой выгоды для благосостояния людей. Действительно, процветание США, стремление Трампа добиться национального преимущества, может быть достигнуто

за счет других стран. Он утверждает, что войны можно предотвратить демонстрацией военной силы, которая делает прогнозируемые издержки войны выше, чем выгоды. Отсюда его призывы к наращиванию военной мощи. А политика «Америка прежде всего» имеет империалистическое измерение.

Что касается политики мира, даже если бы транснациональные капиталисты разделили мир между собой и приняли транзакционный подход Трампа, война все равно могла бы вспыхнуть. Остаются вопросы контроля над территориями, невыгодными торговыми соглашениями и неравноправными расчетами. Гонка вооружений, предназначенная для обороны, одновременно представляет собой «угрозу» для других, что ведет к их перевооружению, создающему ответную «угрозу».

Я думаю, что залогом стабильности мировой экономики могут стать условия полной занятости, стабильные курсы валют и более равномерное распределение благосостояния по всему миру. Мировой экономический механизм должен регулироваться согласованно и централизованно. После Второй мировой войны Мейнард Кейнс предложил в качестве решения контролируруемую международную взаимозависимость. Бреттон-Вудские институты были созданы для стабилизации валют и устранения дисбаланса в мировом экономическом порядке. Несмотря на то, что это был позитивный шаг, в последнее время этими институтами руководили США, проводя политику, основанную на неолиберальных принципах. Следовательно, западная конкурентная неолиберальная система, основанная на правилах, не решила проблем, обозначенных Кейнсом.

«ВЭ»: Какие решения обеспечат устойчивое и справедливое глобальное социально-экономическое развитие? Насколько успешной может оказаться модель многополярной, но иерархической глобальной экономической системы, предложенная в новой Стратегии национальной безопасности США?

— Я согласен с тем, что предлагаемая трампистская модель часто интерпретируется как многополярная и иерархическая. Давайте рассмотрим благоприятную интерпретацию трампизма, с которой мы могли бы работать.

То, что представляет себе Трамп, — это постъялтинский федеративный миропорядок, признающий цивилизационные различия, сформированный суверенными государствами и состоящий из конкурирующих экономических регионов, которые в некоторой степени остаются взаимозависимыми. В этом контексте США больше не претендуют на цивилизационное превосходство ни в политическом, ни в экономическом плане — это позитивный шаг. «Сферы», составляющие предлагаемую регионализацию, еще предстоит определить. Вероятный сценарий мог бы быть таким: Западное полушарие — Англосфера, Европа, БРИКС, Россия — Евразия; Китай {инициатива «Пояс и путь»} и Тихоокеанский регион. В этом сценарии есть

системы. Тогда Соединенные Штаты учредили бы новый постъялтинский международный порядок — тот, который сблизит коллективный Запад, Россию и Китай (хотя и на еще не определенных условиях). Но есть и другое требование: Бреттон-Вудские организации должны быть реформированы, а цели этих органов — изменены. «Транзакционного экономического механизма» недостаточно. Они должны заботиться о том, кто выигрывает от национальных экономик и насколько велика их выгода. Экономические цели должны основываться на содействии всеобщему процветанию и презумпции равенства между нациями и сферами интересов. Это то, что предусматривает нынешнее китайское руководство.

ПЕРЕХОД К НООНОМИКЕ ПРИВЕДЕТ К ЭКОНОМИКЕ ПОЛНОЙ ЗАНЯТОСТИ, ПОЛИТИКЕ ВСЕОБЩЕГО БАЗОВОГО ДОХОДА, РАВНОВЕСНОМУ ПЛАТЕЖНОМУ БАЛАНСУ, ПРИЗНАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И УВАЖЕНИЮ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ

некоторое пересечение — например, между США и Англосферой и между Россией–Евразией и Китаем. Сценарий Трампа может быть шагом к многополярной мировой экономической системе, где экономические корпорации торгуют, а государства осуществляют власть в определенных областях. При трампизме отношения между экономическими игроками являются транзакционными.

Я бы добавил к трампизму координирующий уровень. Бреттон-Вудские организации (МВФ, Всемирный банк, а позже ВТО) могли бы быть сохранены, но преобразованы в соответствии с федеральными правилами для координации

«ВЭ»: *Ранее мы говорили о ноономике. Какую роль она могла бы сыграть в этом процессе?*

— Я рад, что вы упомянули ноономику, и мы должны рассмотреть ее практическое применение. Я думаю, что для эффективной работы транснациональной мировой экономики необходимо использовать некоторые контролирующие механизмы. Как я упоминал выше, я не считаю широкое внедрение трампистских принципов транзакционного торгового эффективным для управления «новым мировым порядком».

Что касается ноономики, этот подход — на более долгосрочную перспективу. Он мог бы

предложить серьезный сдвиг в экономических целях и сфере деятельности Бреттон-Вудских организаций в направлении выравнивания экономического развития между странами и внутри них. Цели включали бы не только макроэкономическую денежно-кредитную политику, но и координацию частных и государственных экономических корпораций. Транснациональные финансовые корпорации оказывают решающее влияние на развитие. Целью было бы развитие и реиндустриализация экономик на высокотехнологической основе — основной принцип ноономики. Если смотреть в долгосрочной перспективе, ноономика предполагает, что экономики по мере их развития переходят от рыночной конкуренции к нерыночным формам, то есть к производству потребительных стоимостей. Национальную экономическую координацию придется организовывать на более плановой и последовательной основе.

Рассматривая будущее развитие мировой экономической системы, Илон Маск и Сергей Бодрунов осознают, что знания становятся глав-

ным источником создания стоимости. Ручной труд вытесняют машины, а наемный замещается всеобщим базовым доходом. Экономические правила должны основываться не только на экономической стабильности, но и, и здесь мы учимся у Китая, на всеобщем благе. Переход к ноономике привел бы к экономике полной занятости, политике всеобщего базового дохода, равновесному платежному балансу, признанию государственного суверенитета и уважению различных форм управления.

«ВЭ»: Звучит убедительно, но не кажется ли это слишком отдаленной перспективой?

— Да, возможно. Но иногда сегодняшние теоретические изыскания — это завтрашняя практическая политика. Такой теоретический подход предлагает платформу для мировых лидеров, чтобы преобразовать свои устремления в межцивилизационное сосуществование. И это возвращает нас к вашему первому вопросу: для чего нужен СПЭК.

Professor of Sociology at the University of Cambridge

DAVID LANE

“we are moving to
a HIERARCHICAL BUT
REGIONALLY DIVIDED
WORLD”

The XI St. Petersburg International Economic Congress (SPEC), which will be held at the end of March in St. Petersburg, will bring together leading scientists and experts from Russia and foreign countries. The participants of the event will focus on issues of socio-economic development of Russia and the world in the context of the transformation of the world order and the prospects for a nootransition. On the eve of the Congress, David Lane, member of the International Committee of the VEO of Russia, member of the British Academy of Social Sciences, Distinguished Professor of Sociology at the University of Cambridge, gave an exclusive interview to the «Free Economics» magazine. The scientist told the «Free Economics» magazine about the contours of the Post-Yalta international order, the need to reform the Bretton Woods Institutions, fundamentally new provisions of the US National Security Strategy designed to change American foreign policy and the role of the United States in the world, and about noonomy as a theoretical platform for the transition to a more just and reasonable world order.

FE: You regularly participate in the St. Petersburg International Economic Congress (SPEC) as one of its headliners. In your opinion, what is the main mission of this authoritative scientific and expert platform?

— The conferences organized under the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID) play an important role in widening and circulating the ideas of the Institute and its members. Paper-givers address issues in terms of the ideas raised by Sergei Bodrunov, and others, of a new industrial society and the role played by noonomy. It is particularly refreshing to see that there are streams for students and those beginning their careers.

I see the forums as having two major functions: first, circulating existing ideas of INID and, secondly, to advance new ways of looking at economic life. The noonomy approach to economic life, for example, finds a regular platform at SPEC where different people can apply the model to specific problems.

The conference form of association is also important in network formation. The SPEC conferences are distinguished by having a regular core of people who attend and interact. This is unlike many gatherings which have an ephemeral character. SPEC enables informal means of communication which not only promote learning and expose participants

to ideas but also the conferences are mechanisms where ideas can be contested.

FE: Let's now turn to some contemporary questions. What fundamentally new elements does the US National Security Strategy contain, and how does it reinterpret Russia's role?

— There have been two Security Policy Documents associated with the Trump Presidency: the first in 2017 and the second in 2025. The second Document is much more radical. One fundamental new element is the emphasis on the sovereignty of states and a radical rejection of the 'law-based international order'. While reestablishing the USA's sovereignty and diminishing the power of globalised organisations and transnational laws are clearly its main message, the thinking applies to all states. The Policy Document 2025 recognises the sovereignty of other regions with their own civilisations thus facilitating the coexistence of different state formations. '... All nations are entitled ... to a "separate and equal station" with respect to one another'. The Document goes even further by requiring 'respect' for 'governing systems and societies' which differ from the competitive electoral democracies of the West. This is a very big change in the political outlook of the USA.

“ALL NATIONS ARE ENTITLED ... TO a “SEPARATE AND EQUAL STATION” WITH RESPECT TO ONE ANOTHER”

As to the second part of your question: Trumpism has moved positively in evaluating Russia and China since the first administration. In the 2017 version of the Security Policy Document, there were many negative references to both China and Russia. Both countries were defined as ‘revisionist’ states whose policies were ‘antithetical to US values’. In 2017, Trump recognised a military ‘threat’ posed by Russia’s growing military power. The ‘Russian invasion’ of Georgia was defined as a ‘violation’ of its sovereignty. Russia was ‘subversive’ and intent on ‘intimidating’ its neighbours.

In the 2025 Strategy, however, there is no mention of Russia as a hostile or authoritarian state. In 2025, there is also an emphasis is on a ‘rebalancing’ of America’s relationship with China, ‘prioritizing reciprocity and fairness to restore American economic independence’. The objective is to maintain ‘a genuinely mutually advantageous economic relationship with Beijing’. (Section on Economics: The Ultimate Stakes). The message is clear: national economic corporations should produce for their own territory. Trumpism’s objective is to re-nation-ize capitalism.

There is a basis here for movement towards a polycentric political world. A major claim of Trumpism is that ‘the affairs of other countries are our concern only if their activities directly threaten our interests’ (National Security Document 2025). With respect to other countries, including Russia, policy is to be determined not in terms of values (those of the democratic law-based international liberal order) but in material interests — those of trade, production and, especially, profit. The aim of policy, at least according to these documents, is to ‘Put America First’. To which, one should perhaps add -- in the ways interpreted by Donald Trump.

I would add to your question the American context in which the principles of the Security Strategy operate. President Trump has to reconcile his political objectives with day-to-day political decisions which, to a considerable extent, are shaped by interests over which he has no control. These include stock market evaluations, foreign perceived threats, and domestic and foreign political and economic actors who oppose Trumpist policy. So to keep various interests at bay, or on board, Trump in practice has to make compromises and he often appears to change his mind.

The policy document recognises that China and Russia are contending regional powers, materially and ideologically strong enough to resist American power. However, unlike previous US administrations, for Trump they need not pose a direct threat to the USA. That said, Trumpism contains other more offensive views: America must remain economically and militarily superior, and foreign powers must not compete on American territory. ‘American territory’ includes not only the Western hemisphere but also American owned assets in other countries, which, if threatened, could be a cause for US military involvement.

The Trump administration is moving to establish the recognition of geographical ‘spheres of economic interests’ (a regionalisation of capitalism) which would provide a basis for political security — rather than reliance on American military deployment. There is an assumption that the world economic system will consist of geographical spheres of states securing their own economic interests — with an important proviso that the USA remains *primus inter pares*. As far as Russia is concerned, it remains a potential ally, a possible candidate member for the Group of Seven. China, on the other hand, is a threat — though it can be

contained, but only if the USA adopts the correct policies.

So, to answer your question. The fundamental key elements in the new policy document are: the reassertion of nation state sovereignty; a non-interventionist foreign policy; respect for different civilisations and forms of government; the USA should not promote its values or political principles ('democracy promotion') abroad; to remain strong, the USA has to maintain the highest level of armed force.

FE: So, the world is moving toward multipolarity. Will the fragmentation (regionalization) of the world economy intensify, and how might this affect global economic dynamics?

— The hegemony in world politics of the United States was a relatively brief period following the dismembering of the European Soviet bloc in the late 1980s until the recognition of China as a leading industrial and military power in the first decade of the twentieth century. Before then, the socialist bloc led by the USSR confronted the 'collective West' and constituted a bi-polar world. Currently, the relative economic, political and civilisational decline of the West has led, as you say, to a more polycentric world. The USA is still by far the most advanced economically and militarily, but the challenges come from the rising states constituting the BRICS countries, notably China and Russia. These states now retain strategic powers. The European states have lost their former political influence and are currently highly dependent on the USA. So we are moving to a hierarchical but concurrently regionally divided world.

The global dynamics involve a move to what the National Security Strategy 2025 calls 'spheres of influence'. This approach will have an important impact on what kind of polycentric world order may arise. The goal is, as you say, a form of economic federalism. A major development, at least ideologically, is that the Trump administration has rejected the 'law-based' international order and retreated from 'democracy promotion' abroad. There is a promise to 'respect' other countries' forms of governance and culture. The kind of economic federalism that will arise is not defined in the National Security Strategy. But the implication is that the rising blocs of China and the Eurasian Economic Union, together with the European Union, will form more independent economic political and civilisa-

tional blocs. What is clear is that the United States intends to exercise hegemony in the 'Western Hemisphere', under an updated Monroe Doctrine, which includes all the Americas and Greenland.

The approach is predicated on competition both within and between the geographical units, and the resolution of conflicting interests, economically through market transactions, and politically through 'making deals'. Market competition between countries for resources and technologies is likely to continue even in a federal type of spheres of interest. The reason is that the international system has no ultimate authority and states do all they can to maintain their sovereignty against challenges from other states. As long as a major player, such as the USA, adopts an adversarial and transactional approach, then you are going to have conflict. The major challenge recognised by the Trump administration is the rise of China and the global South; so the poles of competition will in future take a more regional character. Another consequence here is that the new "spheres" could lead to a different pattern of strategic alliances. The USA, for example, might move more towards Russia.

FE: How then do you think this will work out?

— Just how this will work out is unclear. On the one hand, there is a general movement away from globalisation to a greater reliance by countries and blocs on economic self-sufficiency but there is still competitive economic interdependence, for instance in production chains. Trumpism has moved to bilateral trade promoting mutual interests. The USA still exercises considerable military power to achieve economic goals, as indicated by its armed seizure of shipping and the kidnap of President Maduro of Venezuela. The political integrity of future economic blocs may also create tensions as indicated by Trump's threats to incorporate Greenland in the USA. Military rearmament is increasing and it seems likely that tensions will remain over the political rights of the USA to interfere in other countries affairs — particularly, if they only indirectly affect the USA. Most important of all, I think, is that Trump promotes a bargaining transactional policy, this means constant competition which leads to conflict over markets and political influence. Karl Kautsky over a hundred years ago (1914) proposed a similar kind of economic federalism in his ideas

of ultra-imperialist capitalism. But Kautsky anticipated a conscious coordination of capitalist corporations rather than, as proposed by Trump, a federation of states based on transactional competition. A difference, I suppose, in ideology between socialism and economic liberalism.

FE: How then do you think that global risks would be managed in the new multipolar world?

— Since the dismantling of the European Soviet bloc and even before, it has been amply clear that the international institutions for resolving conflicts are not fit for purpose. What you call ‘global risks’ have not been well managed and the current NATO/Ukraine — Russia conflict and the Gaza fighting illustrate that mechanisms need to be revised and augmented. We do not see any significant transnational initiatives by transnational organisations, such as the United Nations, to resolve these conflicts. Despite the many criticisms made of Donald Trump, it must be acknowledged that he has taken an initiative to resolve peacefully these and other conflicts. Some of the major players, such as the European powers, appear to be seeking to prolong the NATO/Ukraine- Russia battles, rather than

finding means to promote peace. Current conflicts, which are increasing, show that there is something missing in the international architecture, not only to mediate, but also to prevent such discord.

The lack of any effective political initiatives is illustrated by Trump’s pre-empting the United Nations with his suggestion to set up a Board of Peace led by himself to oversee the Gaza crisis.

FE: Yes, but what do you think needs to be done?

— Let’s look first at the current Trumpism approach. Trump adopts a very short term transactional diplomacy. Conflicts can be resolved by ‘doing deals’, that is a cost-benefit analysis based on reconciling differences through bargaining which leads to compromise. If bargaining fails, he relies on the threat of force: economic sanctions then, if they fail the use of force.

This approach, like much of Trump’s reasoning, is problematic and open to criticism. His vision of market bargaining to promote national greatness, together with the aggressive defence of American interests, create conditions for war, not peace. The problem here is that the calculation of costs and benefits are often unclear and, most important-

ly, are unevenly distributed across the population. Politicians and the military/intelligence elites decide on the cost/benefit of wars, not the people who are likely to lose their lives in armed conflicts.

A more general weakness with Trumpism is its transactional form which ignores the underlying and longer term economic causes of conflict. On a national basis, markets create uncertainty; competition leads to bankruptcy; profits curb public demand and consequently create unemployment. The kind of bilateral bargaining between countries, advanced by Trumpism, engenders conflict between them and does not consider any gain in prosperity for the people. Indeed, the prosperity of the USA, the drive by Trump to achieve a national advantage, could be at the cost of other countries. Thus, he contends that wars can be prevented by the show of military strength which make the predicted costs of wars greater than the benefits. Hence he calls for military build-up. And the 'Put America First' policy has an imperialist dimension.

As to a policy for peace, even if transnational capitalists divided the world between themselves and adopted Trump's transactional approach, war could still break out. There remain issues over control of territories, or unfavorable trade agreements and unequal settlements. Military rearmament which is

meant for defence concurrently presents a 'threat' to others, leading to their rearmament which creates a counter 'threat'.

The key to world economic stability, I think, can be furthered by conditions of full employment, stable currencies and a more equal world-wide spread of prosperity. The world economic mechanism has to be regulated in a coherent and centralized way. Maynard Keynes's solution, after World War II, was controlled international interdependence. The Bretton Woods institutions were set up to stabilize currencies and to manage disequilibrium in the world economic order. Though this was a positive move, these institutions have been managed and led, in recent times, by the USA with policies derived from neoliberal principles. Consequently, the Western rules-based competitive neoliberal system has not solved the problems outlined by Keynes.

FE: OK. But what solutions will ensure sustainable and equitable global socio-economic development? How successful could the model of a multipolar but hierarchical global economic system proposed in the new US National Security Strategy be?

— I agree with the question that the proposed Trumpist model is often interpreted as multipolar and hierarchical. Let's take a charitable interpretation of Trumpism and one that we could work with. What Trump envisages is a post-Yalta international federative order recognising civilisational differences formed by sovereign states and which, to some extent, remain interdependent, but competing economic regions. In this context, the USA no longer claims a civilisational superiority either politically or economically — this is a realistic and positive step. The 'spheres' constituting the proposed regionalisation have yet to be defined. A likely scenario could be: the Western Hemisphere-Anglosphere; Europe; BRICS; Russia-Eurasia; and China/Belt and Road initiative/Pacific. There is some overlapping in this scenario — for example, between USA and the Anglosphere; and between Russia-Eurasia and China. Trump's scenario may be a step towards a multipolar economic world system where economic corporations trade, and states exercise power, in defined areas. Trumpism's relationships are transactional between economic players.

I would add a coordinating tier to Trumpism. The Bretton Woods organisations (IMF, World Bank, and later, WTO) could be retained, but transformed, to coordinate the system, subject to federal rules. The United States then would inaugurate a new post-Yalta international order—one bringing the collective West, Russia and China closer together (though on terms yet to be defined). But there is another requirement, the Bretton Woods organisations have to be reformed: the aims of these bodies would have to be changed. A 'transactional economic mechanism' is not enough. They have to be concerned about who benefits from national economies, and how much they benefit. The economic objectives should be predicated on the promotion of widespread prosperity; and the presumption of an equality between nations and spheres of interests. This is something that the current Chinese leadership envisages.

FE: And what kind of economics would this be? We talked about noonomy earlier, where would noonomy fit in?

— I'm glad that you mention noonomy and we have to consider its practical uses and applications. I think that some controlling mechanisms

have to be utilized if a transnational world economy is going to work effectively. As I mentioned above, I do not see the widespread adoption of Trumpist principles of transactional bargaining as being effective to manage a 'new world order'.

As to noonomy, this approach takes a longer term view. It could propose a major shift in the economic objectives and scope of the Bretton Woods organisations in the direction of equalizing economic development between, and within, countries. Objectives would not only include macro monetary policy but also coordination of private and state economic corporations. Transnational financial corporations have a crucial impact on development. The objective would be the development and re-industrialisation of economies on a high-tech basis — a basic tenet of noonomy. If we take a longer view, noonomy suggests that, on the supply side, economies as they become more advanced, move from market competition to non-market forms: that is, the production of use-values. National economic coordination would have to be organized on a more planned and coherent basis.

Considering the future developments of the world economic system, Elon Musk and Sergei Bodrunov both realise that knowledge is becoming the main source of value creation. Labour is increasingly replaced by machines, and wage labour is being replaced by universal basic income. The economic rules need to be predicated not only on economic stability but also, and here we learn from the Chinese proposals, on universal human prosperity. Adopting a noonomy standpoint would lead to a full employment economy, a universal basic wage policy, an equilibrium balance of payments, recognition of state sovereignty and respect for different forms of governance.

FE: That sounds persuasive, but isn't it somewhat hypothetical?

— Yes, possibly. But sometimes today's theoretical speculation is tomorrow's practical policy. Such a theoretical approach offers a platform for global leaders to transform their aspirations into an inter-civilizational coexistence. And that leads us back to your first question: what is the SPEC conference for?

БУДУЩЕЕ РОССИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

See below for the English version of the article

Мировой порядок меняется на глазах, и в этом переходном периоде Россия оказалась в уникальном положении. С одной стороны, западные санкции и попытки изоляции, с другой — укрепление связей с Глобальным Югом и статус одного из архитекторов новой системы. Но гарантировано ли России место среди лидеров многополярного мира? Или ей предстоит трудный поиск ниши в условиях жесткой конкуренции между новыми центрами силы? Эксперты предлагают разные сценарии — от лидерства до вынужденного союза с более сильными игроками. Разбираемся, что ждет Россию в формирующемся полицентричном мире.

Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» в октябре 2025 года задало четкие рамки того, как Россия сама позиционирует себя в нынешней международной системе: Москва больше не просто критикует однополярный мир, а предлагает его альтернативу и активно участвует в строительстве новой архитектуры.

Политологи отмечают, что речь президента на Валдае-2025 стала одной из наиболее концептуально насыщенных за последнее время, демонстрируя не просто реакцию на события, а попытку сформулировать складывающуюся альтернативную модель мироустройства. Если еще в 2022 году акцент делался на неизбежности перемен и крахе однополярной иллюзии, то к 2025-му риторика стала прагматичной и конструктивной.

Ключевой посыл: многополярность — не лозунг, а естественный результат истории, культурного разнообразия и самоутверждения цивилизаций, долгое время находившихся на периферии западного порядка. Россия не стремится разрушить старую систему ради разрушения — она стремится заменить иерархию равновесием.

Особое место в фокусе России занимает Евразия. По словам В. Путина, это не просто коридор между Востоком и Западом, а самодостаточный полюс развития, способный балансировать силу и предлагать альтернативу западной модели глобализации. ШОС, начинавшаяся как механизм урегулирования пограничных вопросов, сегодня превращается в прототип политической архитектуры Евразии — платформу для безопасности и развития, основанную на доверии.

При этом даже критически настроенные к нам западные СМИ все чаще вынуждены констатировать: Россия стала одним из ключевых игроков формирующегося многополярного мира. К примеру, американское издание Foreign Policy прямо называет Россию «лидером Глобального Юга» и указывает, что отказ большинства стран Азии, Африки и Латинской

Америки присоединиться к западным санкциям против нашей страны обусловлен не сиюминутными экономическими интересами, а глубокой стратегической логикой. Для этих стран Россия представляет собой противовес, который предотвращает установление биполярной гегемонии США и Китая и создает больше пространства для маневра.

СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО: ТРИ ПУТИ ДЛЯ РОССИИ

Обобщая дискуссии экспертов (политологов, экономистов, футурологов) о будущем России в условиях формирующегося полицентричного мира, можно выделить три макросценария. Они варьируются от оптимистично-активных до пессимистично-пассивных.

Условно их можно обозначить следующим образом:

- **РОССИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПОЛЮС.**
Этот сценарий предполагает, что Россия сохранит и укрепит статус одного из центров силы в многополярном мире.

Основными условиями реализации данного сценария эксперты называют: сохранение военно-стратегического паритета с США (ядерное сдерживание); успешное развитие альтернативных финансовых и политических платформ (БРИКС, ШОС, ЕАЭС); технологический суверенитет в критических областях; поддержание статуса ключевого поставщика энергоресурсов и продовольствия на глобальные рынки.

Мария Захарова, официальный представитель МИД РФ, в интервью журналу «Россия в глобальной политике» подчеркивает, что речь идет не о создании альтернативной архитектуры международных отношений, а о ее естественной эволюции в сторону многополярности, гибкости, учета национальной региональной специфики стран.

- **«ТЕОРИЯ ХАОСА» И ВЫЖИВАНИЕ В ТУРБУЛЕНТНОСТИ.**
Согласно этому сценарию, мир вступает не в упорядоченную многополярность, а в эпоху турбулентности, где прежние правила не работают, а новые еще не сформировались.

See below for the English version of the article

В этом сценарии внешняя политика России становится абсолютно ситуативной: никаких перманентных союзов и жестких обязательств, любая позиция пересматривается в момент изменения баланса выгод и рисков. Как отмечают эксперты Валдайского клуба, «переменчивость, подвижность, ситуативность стали определяющими характеристиками мирового процесса».

• «ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ХАБ».

Третий сценарий, который редко озвучивается официально, но обсуждается в экспертной среде, — это прагматичный сценарий, при котором Россия использует свое уникальное географическое и ресурсное положение между Европой и Азией.

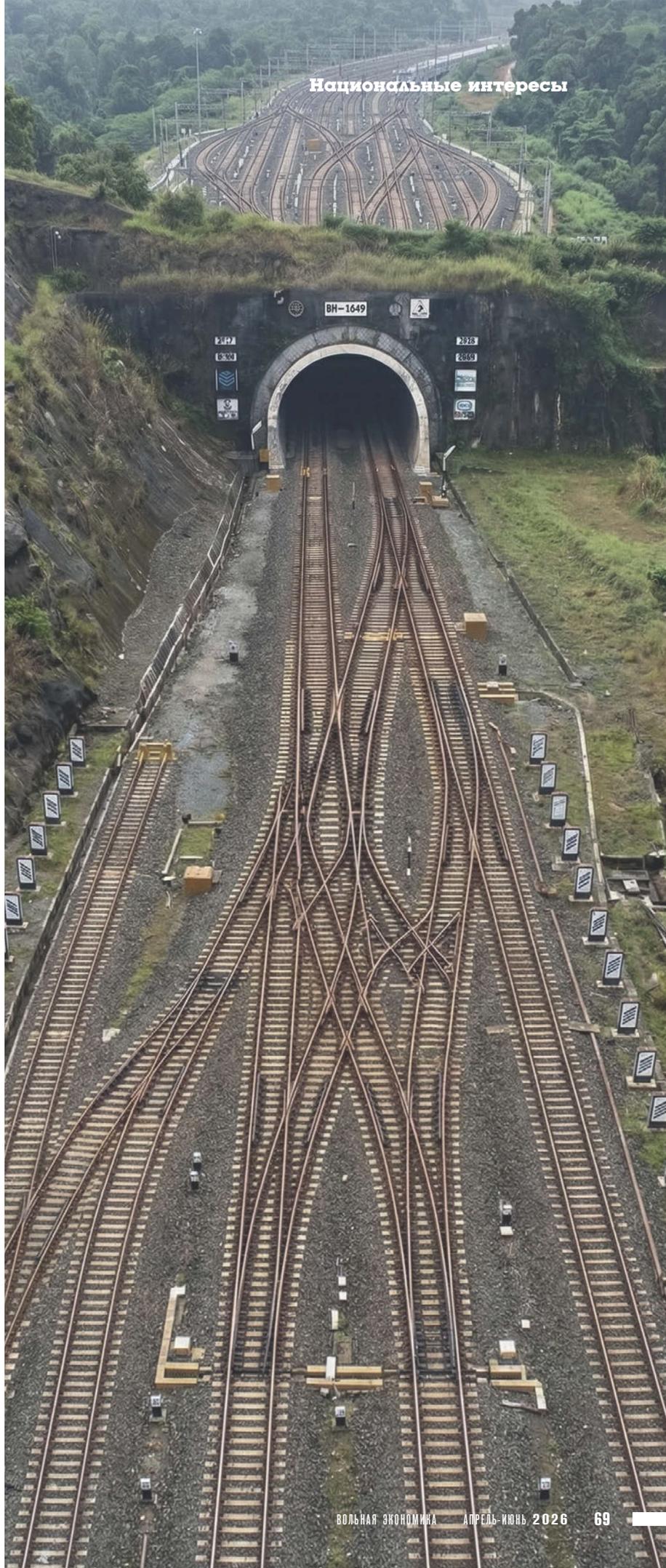
Что же касается Глобального Юга, то для него Россия представляет собой что-то вроде противовеса, который предотвращает установление биполярной гегемонии США и Китая. Для развивающихся экономик трехполярная система с участием России является предпочтительной моделью глобального управления.

Результаты регулярного исследования (International Hierarchy Expert Survey), проводимого МГИМО и НИУ ВШЭ, показывают интересную динамику восприятия: за последние годы индекс ревизионизма России (стремления изменить правила игры) вырос как по факту, так и в глазах международного экспертного сообщества. При этом авторы исследования отмечают: улучшение положения в международной системе дает не «приспособленчество» и не «революционность», а разумное сочетание принципиальности с прагматизмом.

НОВЫЙ МИРОПОРЯДОК И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Формирование полицентричного мира создает для России ряд стратегических возможностей. В однополярном мире выбор партнеров был ограничен. Сегодня Россия может выстраивать многовекторную дипломатию, балансируя между различными центрами силы. Переход к многополярной системе потребует поиска новых форматов взаимодействия и адаптации международных институтов под изменившуюся реальность.

Евразийское положение России позволяет ей претендовать на роль связующего звена. Тем более что в условиях кризиса доверия к западным гарантиям безопасности многие страны готовы рассматривать Россию как альтернативного партнера в разных сферах.

РОССИЯ ВЫСТУПАЕТ ЗА АДАПТАЦИЮ ОБЩЕМИРОВЫХ СТРУКТУР К МНОГОПОЛЯРНЫМ ТЕНДЕНЦИЯМ XXI ВЕКА. ПРИ ЭТОМ ВАЖНО, ЧТОБЫ ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ СТРУКТУРЫ ВСТАЛИ НА СЛУЖБУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ

Наряду с возможностями становление новой мировой системы порождает и серьезные риски. Многополярность означает не только возможности, но и рост конкуренции. Китай усиливает позиции в Центральной Азии, традиционно считавшейся сферой влияния России. Турция активно продвигает собственную повестку на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке. Индия развивает связи с Западом. Как отмечают эксперты, опасная конкуренция между центрами многополярного мира может подорвать устойчивость международных институтов.

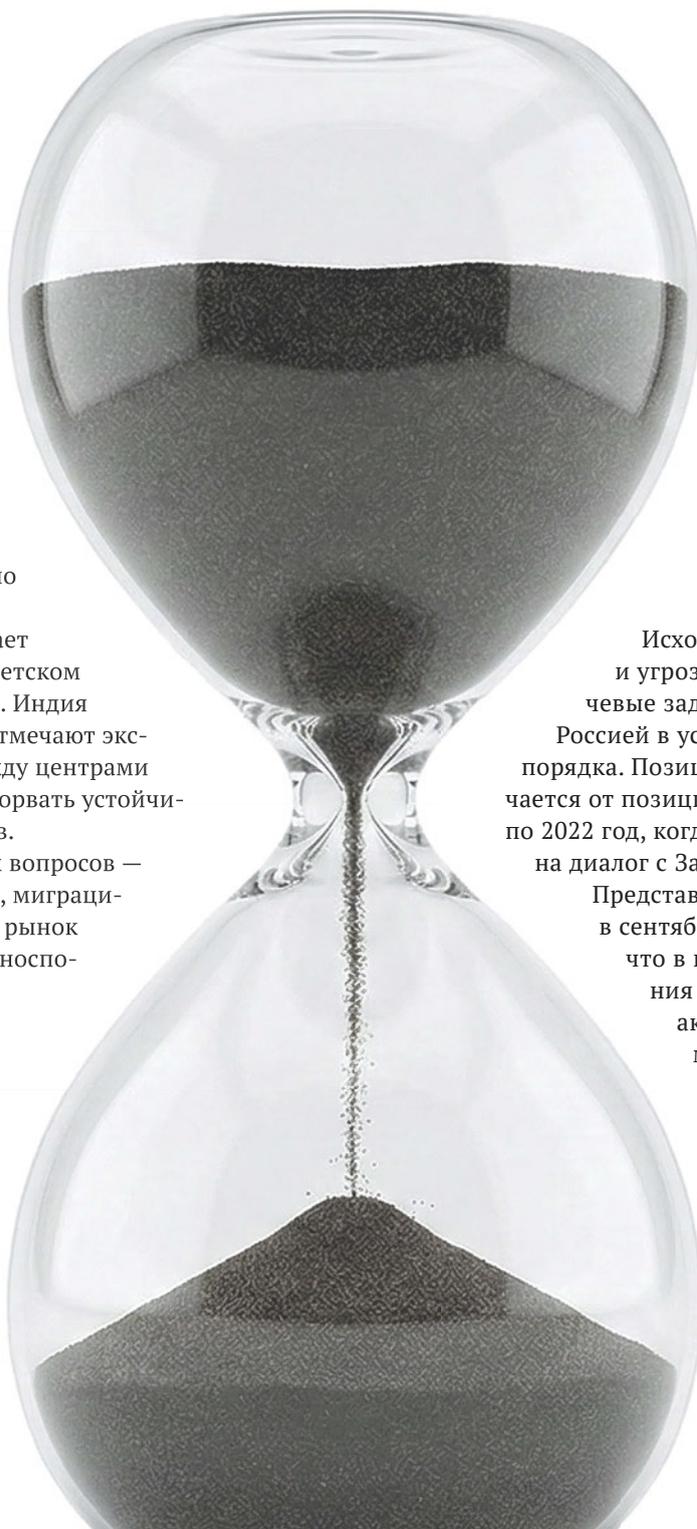
Один из самых чувствительных вопросов — демография. Старение населения, миграционные процессы и их влияние на рынок труда, социальную сферу и обороноспособность создают долгосрочные риски.

Нельзя не упомянуть и о проблемах технологического суверенитета. В условиях перераспределения глобальных цепочек и «войны стандартов» (особенно в сфере ИИ, квантовых вычислений, биотехнологий) отставание может быть весьма критичным.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ НА ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Исходя из анализа возможностей и угроз, можно сформулировать ключевые задачи, которые стоят перед Россией в условиях трансформации мирового порядка. Позиция России кардинально отличается от позиции, наблюдавшейся с 2014 по 2022 год, когда Москва еще надеялась на диалог с Западом.

Представитель МИД РФ Мария Захарова в сентябре прошлого года отметила, что в последние годы процесс создания многосторонних форматов активизировался, так как страны мирового большинства стремятся к усилению контактов. В этом ключе Россия выступает за приспособление общемировых структур к многополярным тенденциям XXI века. При этом важно, чтобы трансформированные структуры встали на службу человечеству и человеку,

а не только отдельной группе государств или какой-то одной идее.

Здесь следует понимать, что военная мощь и энергоресурсы — важные, но недостаточные инструменты влияния. В многополярном мире растет значение культурной привлекательности, образовательных обменов, медийного присутствия, исторических нарративов. Речь идет о концепции, предполагающей уникальный ценностно-нормативный кодекс и собственный путь развития России.

В условиях любой модели переходного периода ключевым качеством становится адаптивность, которая требует как институциональной гибкости, так и способности быстро переоценивать приоритеты без потери стратегического курса.

БУДУЩЕЕ НЕ ПРЕД- ОПРЕДЕЛЕНО

Опрошенные «Вольной экономикой» эксперты считают, что будущее России в полицентричном мире не предопределено. Страна обладает уникальным набором преимуществ: ядерный паритет, энергетическая самодостаточность, статус в Совбезе ООН, растущие связи с Глобальным Югом. В то же время вызовы — демографические, технологические, геополитические — требуют четкой стратегии позиционирования.

Для Глобального Юга сильная Россия — не угроза, а гарант стратегического разнообразия и защиты от диктата более мощных игроков. Стать таким гарантом, сохранив при этом собственную субъектность и способность отстаивать национальные интересы, — главная задача, которую нам предстоит решить в ближайшее десятилетие.

Вопрос в том, какую именно роль выберет Россия — самостоятельного полюса, гибкого ситуативного игрока или младшего партнера более сильного центра. Ответ на этот вопрос будет дан не в декларациях, а в конкретных действиях на международной арене в ближайшие годы.

Александр Попов

THE FUTURE OF RUSSIA In a MULTIPOLAR WORLD: OPPORTUNITIES, CHALLENGES, and STRATEGIC TASKS

The global order is changing before our eyes, and in this transition period, Russia finds itself in a unique position. On the one hand, Western sanctions and attempts at isolation, while on the other, strengthening ties with the Global South and its role as one of the architects of the new system. But is Russia's place among the leaders of a multipolar world guaranteed? Or is it destined to go on a treacherous quest for its niche amid fierce competition among new centers of power? Experts suggest various scenarios, from leadership to a forced alliance with stronger players. Let's figure out what awaits Russia in the emerging polycentric world.

Vladimir Putin's speech at the Valdai Club in October 2025 established clear boundaries for Russia's self-positioning within the current international system: Moscow no longer merely criticizes the unipolar world but offers an alternative and actively participates in shaping a new architectural framework.

Political analysts note that the President's speech at Valdai 2025 stood out as one of the most conceptually intense in recent times, demonstrating not just a response to current events but an earnest attempt to articulate a burgeoning alternative model of the world order. While in 2022 the emphasis was placed on the inevitability of change and the collapse of the unipolar illusion, by 2025, the rhetoric had shifted to a pragmatic and constructive tone.

The core message: multipolarity is not merely a slogan but a natural outcome of history, cultural diversity, and the self-assertion of civilizations long marginalized on the periphery of the Western-centric order. Russia's aim is not to dismantle the old system for destruction's sake but to replace hierarchical dominance with a balance of powers.

Eurasia holds a special place in Russia's focus. According to Vladimir Putin, Eurasia is not merely a corridor between East and West but a self-sufficient pole of development capable of balancing power and offering an alternative to the Western model of globalization. The Shanghai Cooperation Organization (SCO), which initially served as a mechanism for resolving border issues, has now transformed into a prototype of Eurasian political architecture, a platform for security and progress rooted in trust.

Even Western media outlets that are traditionally critical of Russia are compelled to acknowledge that Russia has become one of the key players shaping the emerging multipolar world. For instance, American Foreign Policy explicitly refers to Russia as the "Leader of the Global South,"

noting that the refusal of most Asian, African, and Latin American countries to join Western sanctions against Russia is driven not by short-term economic interests, but by profound strategic logic. For these nations, Russia represents a counterbalance that prevents the establishment of a bipolar hegemony by the U. S. and China, thus creating more space for maneuver.

FUTURE SCENARIOS: THREE PATHS FOR RUSSIA

Summarizing the discussions of experts (politologists, economists, and futurists) about Russia's future in the emerging polycentric world, three macro-scenarios can be distinguished. They range from optimistic-active to pessimistic-passive.

Conditionally, they can be outlined as follows:

- **RUSSIA AS AN INDEPENDENT POLE.** This scenario assumes that Russia will preserve and strengthen its status as one of the centers of power in a multipolar world.

Key conditions for the realization of this scenario include: maintaining military-strategic parity with the U. S. (nuclear deterrence); successful development of alternative financial and political platforms (BRICS, SCO, EAEU); technological sovereignty in critical sectors; and sustaining its role as a key supplier of energy resources and food on global markets.

Maria Zakharova, Russian Foreign Ministry spokeswoman, emphasizes in an interview with Russia in Global Affairs that this is not about creating an alternative architecture of international relations, but rather its natural evolution towards multipolarity—one characterized by flexibility and consideration of national and regional specificities.

- **"CHAOS THEORY" AND SURVIVAL IN TURBULENCE.** According to this scenario, the world enters not an orderly

multipolarity but an era of turbulence, where traditional rules no longer work and new ones have yet to be formed.

In this context, Russia's foreign policy becomes entirely situational: no permanent alliances or rigid commitments; any stance is subject to revision depending on shifts in the balance of benefits and risks. As Valdai Club experts note, "variability, mobility, and situational flexibility have become defining features of the global process."

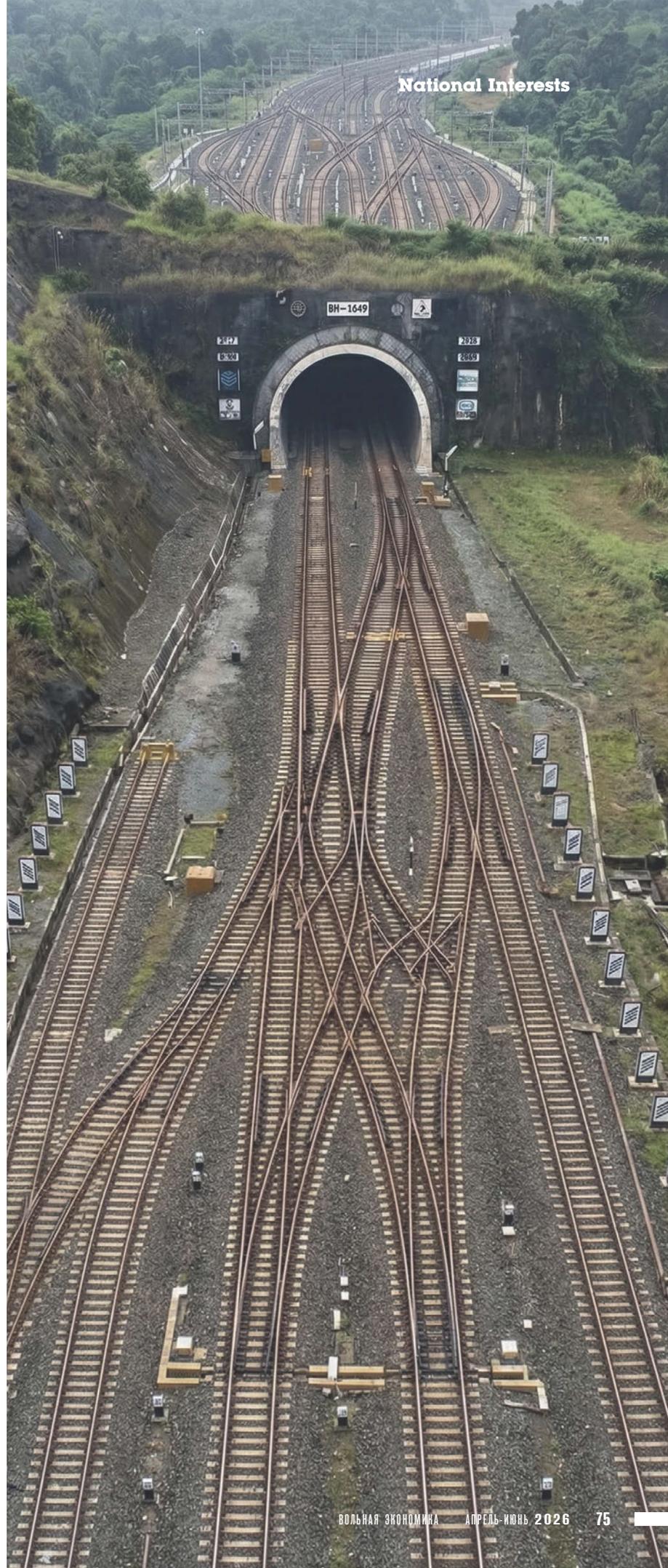
- **"INTEGRATION HUB."** The third scenario, rarely voiced officially but actively discussed among experts, is pragmatic. Russia leverages its unique geographical and resource position between Europe and Asia. As for the Global South, Russia is seen as a kind of counterweight that prevents the establishment of a bipolar hegemony by the U. S. and China. For developing economies, a tripolar system involving Russia is considered a more preferable model for global governance.

The regular International Hierarchy Expert Survey, conducted by MGIMO and HSE, reveal interesting dynamics: in recent years, Russia's revisionist index—its desire to change the rules of the game—has increased both objectively and in the eyes of the international expert community. The researchers also note that improvements in Russia's standing in the international system are associated not with "opportunism" or "revolutionism," but with a balanced combination of principled stance and pragmatism.

WHAT THE NEW WORLD ORDER OPENS UP FOR RUSSIA

The formation of a polycentric world presents Russia with a range of strategic opportunities. In the unipolar world, the choice of partners was limited. Today, Russia has the chance to develop a multi-vector diplomacy, balancing between various centers of power. Transitioning to a multipolar system will require the search for new formats of cooperation and the adaptation of international institutions to the changed reality.

Russia's Eurasian position allows it to claim the role of a connecting link. Especially since, amid a crisis of trust in Western security guarantees, many countries are increasingly willing to consider Russia as an alternative partner across different spheres.

RUSSIA ADVOCATES ADAPTING GLOBAL STRUCTURES TO THE MULTIPOLAR TRENDS OF THE 21ST CENTURY. AT THE SAME TIME, IT IS CRUCIAL THAT THESE TRANSFORMED STRUCTURES SERVE HUMANITY AND THE INDIVIDUAL

THREATS AND CHALLENGES

Alongside opportunities, the emergence of a new world system also brings significant risks. Multipolarity signifies not only possibilities but also growing competition. China is strengthening its position in Central Asia, which has traditionally been considered Russia's sphere of influence. Turkey actively promotes its own agenda in the post-Soviet space and the Middle East. India is developing closer ties with the West. Experts warn that dangerous competition among centers of a multipolar world could undermine the stability of international institutions.

One of the most sensitive issues is demography. Population aging, migration processes, and their impacts on the labor market, social sphere, and defense capabilities pose long-term risks.

Another critical challenge is technological sovereignty. In the context of the reorganization of global supply chains and the "standards war", particularly in artificial intelligence, quantum computing, and biotech industry, the risk of falling behind could be highly damaging.

STRATEGIC TASKS FOR THE TRANSITION PERIOD

Based on an analysis of opportunities and threats, key objectives for Russia in the process of transforming the world order can be outlined. Russia's position today is markedly different from the stance it held from 2014 to 2022, when Moscow still hoped for dialogue with the West.

Maria Zakharova, Russian Foreign Ministry spokeswoman, noted last September that in recent years, the process of creating multilateral formats has accelerated, as most countries worldwide are seeking to strengthen their contacts. In this context, Russia advocates for the adaptation of global structures to the multipolar trends of the 21st century. At the same time, it is crucial that these transformed structures serve humanity and the individual, rather than just a specific group of states or a particular ideology.

It is important to understand that military

power and energy resources, while significant, are not sufficient tools of influence. In a multipolar world, the importance of cultural appeal, educational exchanges, media presence, and historical narratives is growing. This involves a concept centered on a unique value-normative code and Russia's own development path.

In any transition model, adaptability becomes a key quality. This requires both institutional flexibility and the ability to rapidly reassess priorities without losing sight of the strategic course.

THE FUTURE IS NOT SET

Experts surveyed by the Free Economy Journal believe that Russia's future in a polycentric world is not set. The country possesses a unique set of advantages: nuclear parity, energy self-sufficiency, a seat at the UN Security Council, and growing ties with the Global South. At the same time, demographic, technological, and geopolitical challenges demand a clear positioning strategy.

For the Global South, a strong Russia is not seen as a threat, but rather as a guarantor of strategic diversity and protection against the diktat of more powerful players. Becoming such a guarantor, while preserving its own identity and ability to defend national interests, is the main task Russia faces in the coming decade.

The key question is what role Russia will choose: an independent pole, a flexible situational player, or a junior partner to a stronger center. The answer to this question will not be found in declarations but through concrete actions on the international stage in the coming years.

Alexander Popov

УСКОРЕНИЕ УСКОРЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

See below for the English version of the article

Российская наука сегодня — в центре государственного внимания. Растут бюджетные расходы: программа научно-технологического развития на три года получит более 5 трлн рублей. Расширяются полномочия РАН, ставятся амбициозные задачи. Однако само по себе ускорение научно-технического прогресса несет риски: когда технологии обновляются быстрее, чем окупаются инвестиции, привычный экономический механизм дает сбой. Вопрос не в темпах, а в том, способна ли нынешняя модель развития превратить гонку за скоростью в реальный прорыв — или количественный рост обернется лишь имитацией движения.

В России сегодня формируется новая модель научно-технологического развития, нацеленная на реализацию национальных приоритетов и достижение технологического суверенитета. Чтобы превратить количественный рост затрат в качественный прорыв, предстоит решить ряд системных задач: разработать эффективные механизмы повышения результативности научной деятельности, обеспечить тесную координацию между наукой, государством и бизнесом, а также выстроить долгосрочные стимулы для инвестиций в исследования и разработки.

Так, в декабре 2025 г. на общем собрании Российской академии наук, заместитель председателя правительства Дмитрий Чернышенко озвучил параметры государственной программы «Научно-технологическое развитие РФ».

На 2026 г. объем программы утвержден в размере более 1,6 трлн руб., а в трехлетней перспективе совокупное финансирование превысит 5,1 трлн руб. Расходы на прикладную науку увеличены на 25,9 млрд рублей, на фундаментальную — на 37,5 млрд, что на 12% больше, чем годом ранее. Как подчеркнул вице-премьер, правительство продолжит поддерживать фундаментальную науку как основу для достижения технологического лидерства.

Однако, согласно докладу Российской академии наук, утвержденному в мае 2025 г., в глобальном сравнении Россия пока существенно

отстает от стран — технологических лидеров. Внутренние затраты на исследования и разработки по отношению к ВВП уже второй год составляют лишь 1% — в 4–5 раз ниже, чем в ведущих экономиках. По объему затрат в долларах по паритету покупательной способности Россия уступает США в 17 раз, Китаю — в 15 раз. При этом за последние 10 лет этот показатель в США вырос в 2 раза, в Китае — в 2,5 раза, а в России — только в 1,45.

Несмотря на это, определенные позитивные сдвиги есть. Результатом системных мер стало укрепление позиций России в глобальном научном рейтинге. По объему исследований и разработок Российская Федерация входит в десятку ведущих стран мира, занимая восьмое место, а по абсолютным масштабам затрат на науку удерживает девятую позицию.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Президент РФ Владимир Путин поставил национальную цель развития — достижение технологического лидерства. Определены приоритетные направления, на которых будет сконцентрирована поддержка: искусственный интеллект, робототехника, биотехнологии, новые материалы, энергетика нового поколения, беспилотные системы, космос и связь.

СЕРГЕЙ БОДРУНОВ,
Президент ВЭО России,
член-корреспондент РАН

Ускорение НТП сегодня уже создает один из новых ключевых рисков для роста экономики: к известной «долине смерти» стартапов добавляется «долина смерти» инвестиций в драйвер роста — перспективные технологии.

Этот риск демонстрирует собой «классического» экономического механизма. Для экономического роста нужны (не в последнюю очередь) инвестиции, которые способны обеспечить наращивание объемов производства. Однако сегодня стремительное развитие знаний, быстрая смена технологий, растущая знаниеемкость продукта, «ускорение ускорения» научно-технического прогресса формирует ситуацию, когда технологическая база обновляется с такой скоростью, что инвестиции в технологии просто не успевают окупиться.

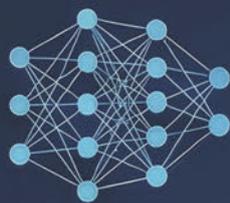

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ,
вице-президент ВЭО России,
академик РАН

Научно-технический прогресс — один из ключевых драйверов роста в новом мирохозяйственном укладе, поэтому в России следует увеличивать наукоемкость экономики и инновационную активность.

По наукоемкости экономики Россия находится на уровне африканских стран. Как обеспечить технологический суверенитет, имея финансирования НИОКР на порядок ниже, чем в ведущих странах мира? Никак. Мы долгое время являемся единственной страной в мире, где сокращается количество ученых и инженеров и не растут расходы на НИОКР (вернее, растут незначительно в абсолютном выражении, но в относительном — стагнируют). При таком отношении к науке и научно-техническому прогрессу стратегические планы не могут быть реализованы.

БЮДЖЕТ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

2026 г.

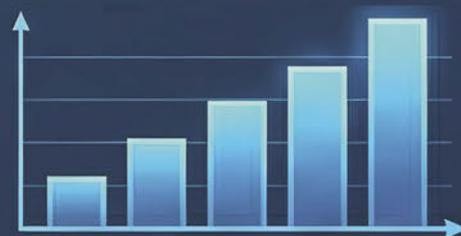
>1.6
трлн руб.

ТРЕХЛЕТНЯЯ ПЕРСПЕКТИВА

ПРИКЛАДНАЯ НАУКА
(+25.9 млрд руб.)

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА
(+37.5 млрд руб.,
+12% к прошлому)

**ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ НАУКА –
ОСНОВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА**

Источник: Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов»

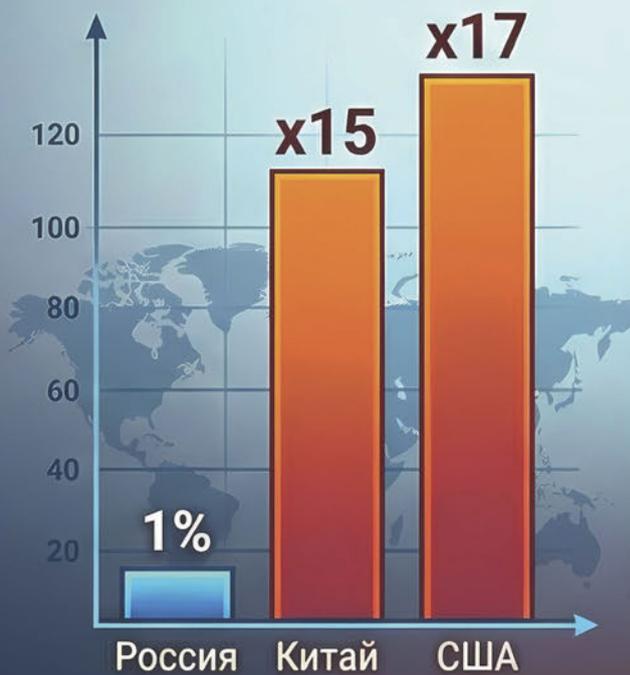
ДОКЛАД РАН, МАЙ 2025

СРАВНЕНИЕ СТРАН МИРА ПО РАСХОДАМ НА НАУКУ

ЗАТРАТЫ / ВВП

ЗАТРАТЫ В \$ (ППС)

РОСТ ЗА 10 ЛЕТ

СУЩЕСТВЕННОЕ ОТСТАВАНИЕ РОССИИ ОТ СТРАН-ЛИДЕРОВ ПО РАСХОДАМ НА НИОКР

Источник: Аналитический доклад «О реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными» (РАН, май 2025 г.)

ДМИТРИЙ ЧЕРНЫШЕНКО,
заместитель Председателя
Правительства Российской
Федерации

Отечественная наука становится мощнее и увереннее. Растёт число молодых исследователей, значительно увеличиваются расходы на научную сферу. Сегодня наши учёные открывают новые горизонты и способствуют достижению технологического лидерства. Это национальная цель, поставленная нашим Президентом Владимиром Владимировичем Путиным

Ключевым интеллектуальным центром формирования государственной научно-технической политики становится Российская академия наук. Только в 2025 г. РАН подготовила более 80 тыс. экспертных заключений. Как отметил Дмитрий Чернышенко, сегодня ни одно ключевое решение правительства в сфере науки не принимается без участия академии. В соответствии с законом о технологической политике РАН осуществляет экспертизу перечня сквозных технологий и готовит предложения для разработки среднесрочных и долгосрочных планов, что закрепляет за ней роль главного экспертного органа.

Расширяются и кадровые полномочия академии: теперь она согласовывает кандидатуры руководителей научных организаций, ранее входивших в систему ФАНО, независимо от их ведомственной принадлежности.

Достижение технологического лидерства невозможно без опережающего развития научной базы. Нарастивание финансирования исследований и разработок — необходимое условие для реализации этой цели. Без качественного рывка в науке Россия не сможет обеспечить конкурентоспособность на мировом рынке технологий и снизить критическую зависимость от импорта. Однако форсированное движение вперед, при всей своей оправданности, сопряжено с рядом системных рисков.

РИСКИ ФОРСИРОВАННОГО УСКОРЕНИЯ

Одна из системных угроз связана с возможным подавлением фундаментальной науки в погоне за быстрым прикладным результатом. Как показывают исследования, системы оценки, ориентированные на немедленную коммерциализацию, неизбежно подталкивают ученых к выбору безопасных тем, избе-

гая рискованных направлений, требующих длительной проработки. Следствием становится рост единообразия исследовательской повестки и постепенное исчезновение прорывных областей, которые не укладываются в краткосрочные горизонты планирования.

Эта проблема усугубляется общемировым сжатием инвестиционных циклов. В современных условиях время, которое компания тратит на изучение новой технологии, уже превышает окно ее практической применимости.

Организации, построенные вокруг последовательных улучшений, многоэтапных согласований и осторожного масштабирования, начинают системно проигрывать тем, кто способен к непрерывной перестройке. В результате рыночная логика все чаще оказывается в конфликте с логикой фундаментального поиска.

В российском контексте ситуация осложняется структурным дисбалансом финансирования.

Доля частного сектора в финансировании науки сегодня составляет лишь 30% при 70% государственных средств. Для сравнения: в Китае бизнес обеспечивает более 75% затрат на науку, в США — около 70%. Возникает риск, что научные организации будут ориентированы преимущественно на освоение бюджетных ассигнований, а не на поиск реального рыночного спроса.

На глобальном уровне проблема выглядит иначе: частные инвестиции устремляются преимущественно в разработку искусственного интеллекта и цифровые платформы, тогда как реальный сектор — промышленное производство, транспортная инфраструктура, традиционная

АЛЕКСАНДР ШИРОВ,
член Президиума ВЭО России,
директор Института
народнохозяйственного
прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН

Проблема нового технологического уклада — снижение отдачи от вложений в разработки.

Рост мировых затрат на НИОКР лишь в незначительной степени трансформируется в экономическое развитие. На мой взгляд, одна из проблем — это очевидный перекосяк в сторону расходов на цифровизацию и искусственный интеллект. Если эти затраты не сопровождаются инвестициями в развитие реального сектора, качество экономического роста не растет, а значит, масштабного структурного рывка не происходит.

ЧТОБЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО НЕ ОСТАЛОСЬ ДЕКЛАРАЦИЕЙ, НУЖНА НЕ ГОНКА ЗА СКОРОСТЬЮ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ, А СМЕНА ПАРАДИГМЫ НАУЧНО- ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

энергетика — испытывает дефицит капиталовложений. Россия, таким образом, сталкивается с двойным вызовом. Необходимо не только наращивать долю частных инвестиций в науку, но и обеспечивать их направленность в реальный сектор, предотвращая отток капитала в спекулятивные цифровые активы.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО

Еще одна угроза носит пространственный характер и связана с углублением регионального неравенства. Ускорение научно-технического прогресса в столичных центрах и крупных научных кластерах автоматически увеличивает их отрыв от периферии. Для науки это означает риск превращения страны в совокупность из нескольких «точек роста» и обширных территорий, где исследовательская деятельность постепенно затухает. Как показывают исследования, технологическая конвергенция, то есть сближение уровней инновационного развития регионов, не наблюдалась на протяжении последних лет. Разрыв не сокращается, а в ряде случаев нарастает.

Это означает, что для различных групп регионов необходимы дифференцированные стратегии развития. Территории, испытывающие устойчивое отставание, требуют приоритетных мер поддержки и концентрации ресурсов для преодоления институциональных барьеров. Регионы с неустойчивой динамикой нуждаются в стабилизации усло-

вий инновационной деятельности. Регионы-лидеры должны фокусироваться не только на собственном росте, но и на механизмах передачи компетенций в другие территории. Без решения этой проблемы форсированное развитие науки способно закрепить региональную асимметрию, лишив страну опоры на научный потенциал регионов.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИНЕРЦИЯ

Еще одна группа рисков связана с тем, что ускорение генерации новых знаний само по себе не гарантирует их внедрения в практику. Чем быстрее появляются разработки, тем острее становится проблема их освоения реальным сектором. Исследования могут опережать готовность производства, управления и инфраструктуры к их восприятию, и этот разрыв способен нарастать, превращая потенциальные прорывы в невостребованный интеллектуальный капитал.

Описанные риски свидетельствуют о системном конфликте между форсированным технологическим развитием и сохраняющейся экономической рациональностью, ориентированной на краткосрочную эффективность. Преодоление этого противоречия лежит не в плоскости дальнейшего наращивания темпов любой ценой, а в переходе к качественно иной модели развития.

Российская академия наук в своем докладе предлагает следующие механизмы перехода от количественного роста к качественному: довести расходы на фундаментальную науку до 0,4% ВВП, законодательно закрепить науку как «ведущую производительную силу», восстановить РАН в роли высшей научной и экспертной организации страны, создать надведомственный орган управления наукой. В академии подчеркивают: без реализации этих мер эффективное научно-технологическое развитие невозможно.

«Ускорение ускорения» может привести к кризису сложившейся модели: инвестиции не успевают окупаться, технологии опережают институты. Чтобы технологическое лидерство не осталось декларацией, нужна не гонка за скоростью любой ценой, а смена парадигмы. Количественный рост без качественных изменений обернется лишь имитацией прорыва.

Валентина Осипова

ТОП-10 СТРАН МИРА ПО ОБЪЕМУ ИНВЕСТИЦИЙ В НИОКР

	СТРАНА	ОЦЕНОЧНЫЕ РАСХОДЫ НА НИОКР В 2024 ГОДУ (ПО ПАРИТЕТУ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ, МЛРД ДОЛЛАРОВ США)	НИОКР В ПРОЦЕНТАХ ОТ ВВП ¹
1	КИТАЙ	~785,9	~2,6%
2	СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ	~781,8	~3,5%
3	ЯПОНИЯ	~186	~3,3%
4	ГЕРМАНИЯ	~132	~3,1%
5	ЮЖНАЯ КОРЕЯ	~120–130	~4,8–5,0%
6	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	~85–90	~2,9%
7	ИНДИЯ	~75–80	~0,7–1,0%
8	ФРАНЦИЯ	~70–80	~2,2–2,4%
9	КАНАДА	~35–40	~1,7–1,9%
10	ИТАЛИЯ	~30–35	~1,4–1,6%

ИСТОЧНИК: СОСТАВЛЕНО НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (ВОИС), ОЭСР И ВСЕМИРНОГО БАНКА, С УЧЕТОМ ПОСЛЕДНИХ ДОСТУПНЫХ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ ПО НИОКР И ОЦЕНОК, СКОРРЕКТИРОВАННЫХ С УЧЕТОМ ПАРИТЕТА ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ.

¹ Показатели интенсивности НИОКР основаны на самых последних сопоставимых на международном уровне данных ОЭСР и Всемирного банка (последний доступный год, как правило, 2022–2023). Данные по общим расходам на НИОКР представляют собой оценки, скорректированные с учетом паритета покупательной способности.

THE ACCELERATING PACE OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS: THREATS AND OPPORTUNITIES

Russian science is currently a top focus of the government. Budget expenditures are increasing: the scientific and technological development program for the next three years will receive more than 5 trillion rubles. The powers of the Russian Academy of Sciences (RAS) are expanding, and ambitious goals are being set. However, accelerating scientific and technological progress by itself carries risks: when technologies are updated faster than investments can pay off, the usual economic mechanisms can break down. The question is not about the pace, but whether the current development model can turn the race for speed into a real breakthrough, or whether quantitative growth will merely be an imitation of progress.

Technological sovereignty

Russia is currently developing a new model of scientific and technological development aimed at implementing national priorities and achieving technological sovereignty. To transform the quantitative growth of costs into a qualitative breakthrough, a number of systemic tasks must be addressed: developing effective mechanisms to improve research effectiveness, ensuring close coordination between science, government, and business, and establishing long-term incentives for investments in research and development.

In December 2025, during the general assembly of the Russian Academy of Sciences, Deputy Prime Minister Dmitry Chernyshenko announced the parameters of the state program “Scientific and Technological Development of the Russian Federation.” For 2026, the program’s volume was approved at over 1.6 trillion rubles, and over a three-year period, total funding will exceed 5.1 trillion rubles. Spending on applied science was increased by 25.9 billion rubles, and on fundamental science by 37.5 billion rubles, which is 12% more than the previous year. According to the Deputy Prime Minister, the government will continue to support fundamental science as the foundation for achieving technological leadership.

However, according to a report by the Russian Academy of Sciences, approved in May 2025, Russia still significantly lags behind the world’s

leading technological countries. Domestic R&D expenditures relative to GDP have been only about 1% for the second consecutive year—4-5 times lower than in leading economies. In terms of expenditure volume in dollars (based on purchasing power parity), Russia lags behind the USA by 17 times and China by 15 times. Meanwhile, over the past 10 years, this figure has doubled in the USA, increased by 2.5 times in China, and increased by only 1.45 times in Russia.

Despite these challenges, there have been certain positive shifts. Systemic measures have strengthened Russia’s position in the global scientific ranking. In terms of research and development volume, the Russian Federation ranks among the top ten countries worldwide, holding the eighth place, and in absolute science expenditure, it is in ninth position.

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY as a NATIONAL DEVELOPMENT GOAL

Russian President Vladimir Putin has designated achieving technological leadership as a national development goal. Priorities have been identified, focusing support on areas such as artificial intelligence, robotics, biotechnology, new materials, next-generation energy, unmanned systems, space, and communication.

SERGEY BODRUNOV,
President of the VEO of Russia, Corresponding Member of the RAS

The acceleration of scientific and technological progress today is already creating a new key risk for economic growth: the well-known «valley of death» for startups is being joined by a «valley of death» for investments in the growth driver—promising technologies.

This risk demonstrates a failure of the ‘classical’ economic mechanism. Economic growth requires (not least) investments capable of ensuring an expansion in production volumes. However, today, the rapid development of knowledge, the swift change of technologies, the growing knowledge intensity of products, and the ‘acceleration of acceleration’ of scientific and technological progress create a situation where the technological base is updated at such a speed that investments in technology simply do not have time to pay off.

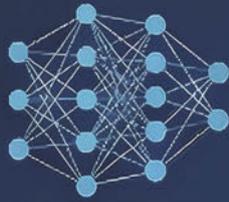

SERGEY GLAZYEV,
Vice-President of the VEO of Russia, RAS Academician

Scientific and technological progress stands as one of the main engines of growth in the new socio-economic structure; therefore, Russia should focus on increasing the knowledge intensity of its economy and fostering greater innovation activity.

Currently, Russia’s level of knowledge intensity of the economy is comparable to that of African countries. How can we achieve technological sovereignty when our R&D funding is much lower than in the world’s leading countries? It’s impossible. We have long been the only country in the world where the number of scientists and engineers is declining and R&D spending is not growing, or at best, is increasing insignificantly in absolute terms, with growth in relative terms stagnating. With such an attitude towards science and scientific-technical progress, the realization of strategic plans remains out of reach.

RUSSIAN SCIENCE BUDGET

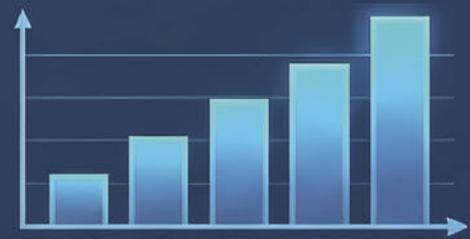
2026
>1.6
trillion RUB

THREE-YEAR PERSPECTIVE

APPLIED SCIENCE
(+25.9 billion RUB)

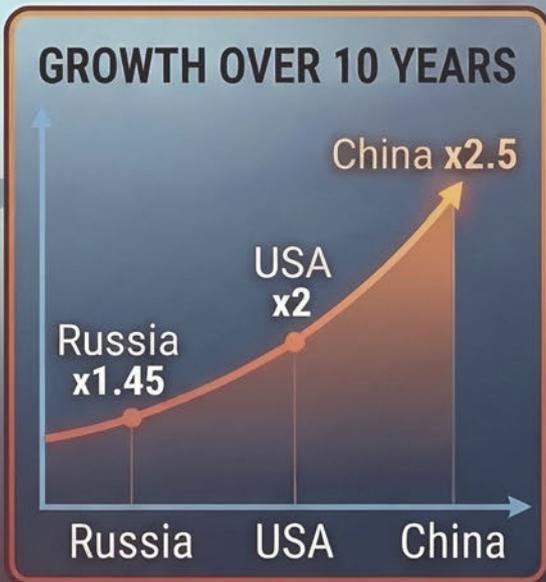
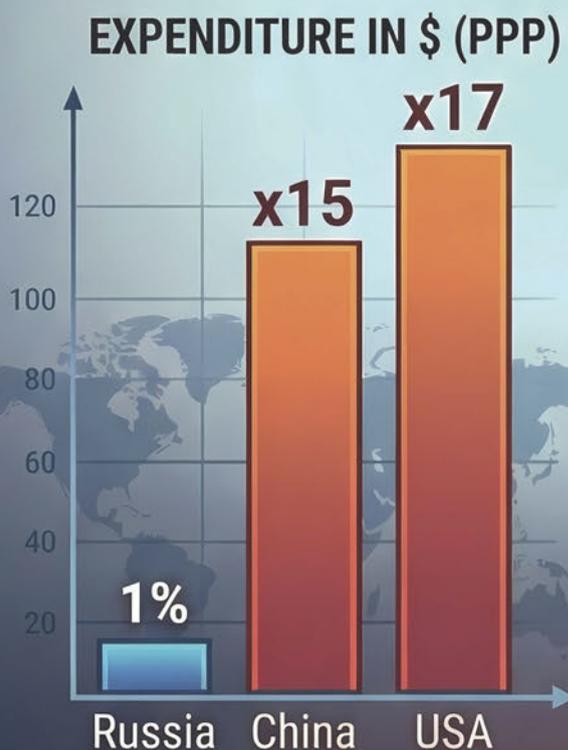
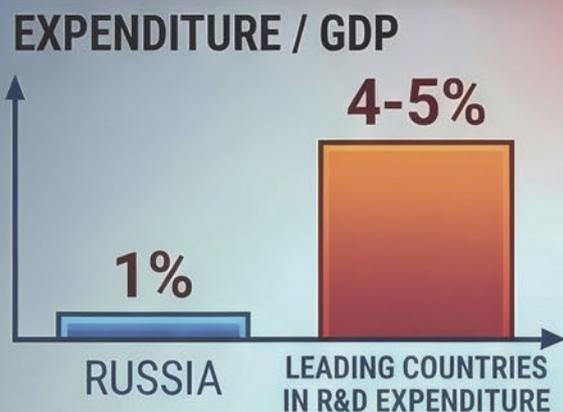
FUNDAMENTAL SCIENCE
(+37.5 billion RUB,
+12% vs. previous)

**FUNDAMENTAL SCIENCE –
THE FOUNDATION OF TECHNOLOGICAL LEADERSHIP**

Source: Federal Law “On the Federal Budget for 2026 and for the Planning Period of 2027 and 2028”

RAS REPORT, MAY 2025

COMPARISON OF COUNTRIES BY EXPENDITURE ON SCIENCE

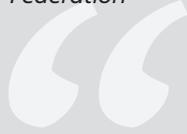

SIGNIFICANT RUSSIAN LAG BEHIND LEADING COUNTRIES IN R&D EXPENDITURE

Source: Analytical Report «On the Implementation of the State Science and Technology Policy in the Russian Federation and the Key Scientific Achievements of Russian Scientists» (RAS, May 2025).

DMITRY CHERNYSHENKO,
Deputy Prime Minister of the Russian Federation

Russian science is becoming stronger and more confident. The number of young researchers is growing, and funding for the scientific sector is increasing significantly. Today, our scientists are exploring new horizons and driving the achievement of technological leadership. This is a national goal set by our President, Vladimir Putin.

The key intellectual center for forming the state’s scientific and technological policy is the Russian Academy of Sciences (RAS). In 2025 alone, the RAS prepared over 80,000 expert opinions. According to Dmitry Chernyshenko, today no key government decisions in the field of science are made without the involvement of the Academy. In accordance with the law on technological policy, the RAS conducts expertise on the list of breakthrough technologies and prepares proposals for developing medium- and long-term plans, affirming its role as the main expert body.

The Academy’s personnel authority is also expanding: it now approves the candidacies of leaders of scientific organizations previously part of the Federal Agency for Scientific Organizations (FASO), regardless of their departmental affiliation.

Achieving technological leadership is impossible without proactive development of the scientific base. Increasing funding for research and development is a necessary condition for realizing this goal. Without a qualitative leap in science, Russia will be unable to ensure competitiveness in the global technology market and reduce its critical dependence on imports. However, accelerated progress, despite being justified, is associated with a number of systemic risks.

RISKS OF FORCED ACCELERATION

One of the systemic threats is the possible suppression of fundamental science in the pursuit of quick applied results. Research shows that evaluation systems focused on immediate commercialization inevitably push scientists toward safer topics, avoiding risky areas that require long-term development. The consequence is an increase in the uniformity of research agendas and the gradual

THE FASTER DEVELOPMENTS EMERGE, THE MORE ACUTE THE PROBLEM OF THEIR ADOPTION BY THE REAL SECTOR BECOMES

disappearance of breakthrough fields that do not fit into short-term planning horizons.

This problem is compounded by the global contraction of investment cycles. Under current conditions, the time a company spends studying a new technology already exceeds its window of practical applicability. Organizations built around continuous improvements, multi-stage approvals, and cautious scaling are beginning to systematically fall behind those capable of ongoing restructuring. As a result, market logic increasingly conflicts with the logic of fundamental research.

ALEKSANDR SHIROV,
Presidium Member of the VEO of Russia, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, RAS Corresponding Member

The problem of the new technological paradigm is the declining return on investments in development.

The growth in global R&D spending is only marginally translated into economic development. In my view, one of the main issues is the obvious imbalance towards spending on digitalization and artificial intelligence. If these expenditures are not accompanied by investments in the development of the real sector, the quality of economic growth does not improve, and consequently, a large-scale structural leap does not occur.

TO ENSURE THAT TECHNOLOGICAL LEADERSHIP IS NOT JUST A DECLARATION, IT IS NECESSARY TO CHANGE THE PARADIGM, NOT JUST RACE FOR SPEED AT ANY COST

In the Russian context, the situation is further complicated by structural imbalances in funding. The private sector's share in science financing today is only 30%, with 70% coming from the government. For comparison, in China, business accounts for over 75% of science funding, and in the USA, around 70%. There is a risk that scientific organizations will focus mainly on utilizing budget allocations rather than searching for real market demand.

On a global level, the problem looks different: private investments are primarily directed toward artificial intelligence development and digital platforms, while the real sector—industrial production, transportation infrastructure, and traditional energy—experiences a capital investment deficit. Russia faces a dual challenge: not only increasing the share of private investments in science but also ensuring their focus on the real sector, preventing capital outflows into speculative digital assets.

SPATIAL Inequality

Another threat is of a spatial nature and is associated with the deepening of regional inequality. The acceleration of scientific and technological progress in capital cities and large scientific clusters automatically increases their gap from peripheral areas. For science, this means a risk of turning the country into a collection of several “growth points” and vast territories where research activity gradually diminishes. Studies show that technological convergence, i.e., the narrowing of innovation development levels across regions, has not been observed in recent years. The gap is not shrinking; in some cases, it is widening.

This means that differentiated development strategies are needed for various regional groups. Areas experiencing persistent lag require priority support measures and resource concentration to overcome institutional barriers. Regions with

unstable dynamics need conditions for stabilizing their innovation activities. Leading regions should focus not only on their own growth but also on mechanisms for transferring competencies to other territories. Without addressing this issue, forced development of science could entrench regional asymmetries, depriving the country of reliance on the scientific potential of different regions.

INSTITUTIONAL INERTIA

Another group of risks is related to the fact that accelerating the generation of new knowledge alone does not guarantee their implementation into practice. The faster developments emerge, the more acute the problem of their adoption by the real sector becomes. Research can outpace the readiness of production, management, and infrastructure to absorb it, and this gap can grow, turning potential breakthroughs into unclaimed intellectual capital.

These risks highlight a systemic conflict between accelerated technological development and the existing economic rationality focused on short-term efficiency. Overcoming this contradiction lies not in further increasing the pace at any cost, but in shifting to a qualitatively different development model.

In its report, the Russian Academy of Sciences proposes the following mechanisms for transitioning from quantitative to qualitative growth: increasing spending on fundamental science to 0.4% of GDP, enshrining science in law as a “leading productive force,” restoring the RAS as the country's highest scientific and expert organization, and creating a supra-departmental science management body. The Academy emphasizes that effective scientific and technological development is impossible without the implementation of these measures.

“Accelerated acceleration” could lead to a crisis of the established model: investments do not pay off, and technologies outpace institutions. To ensure that technological leadership is not just a declaration, it is necessary to change the paradigm, not just race for speed at any cost. Quantitative growth without qualitative changes will only result in an imitation of a breakthrough.

Valentina Osipova

TOP 10 COUNTRIES BY R&D INVESTMENT

	COUNTRY	ESTIMATED R&D EXPENDITURES IN 2024 (PURCHASING POWER PARITY, USD BILLION)	R&D AS A PERCENTAGE OF GDP ¹
1	CHINA	~785,9	~2,6%
2	USA	~781,8	~3,5%
3	JAPAN	~186	~3,3%
4	GERMANY	~132	~3,1%
5	SOUTH KOREA	~120–130	~4,8–5,0%
6	UK	~85–90	~2,9%
7	INDIA	~75–80	~0,7–1,0%
8	FRANCE	~70–80	~2,2–2,4%
9	CANADA	~35–40	~1,7–1,9%
10	ITALY	~30–35	~1,4–1,6%

SOURCE: COMPILED BASED ON DATA FROM THE WORLD INTELLECTUAL PROPERTY ORGANIZATION (WIPO), OECD, AND THE WORLD BANK, USING THE LATEST AVAILABLE INTERNATIONAL STATISTICAL DATA ON R&D AND ESTIMATES ADJUSTED FOR PURCHASING POWER PARITY.

¹ R&D intensity indicators are based on the most recent internationally comparable data from the OECD and the World Bank (the latest available year, typically 2022–2023). Data on total R&D expenditures represent estimates adjusted for purchasing power parity.

ИИ на пике, кванты в тени: за какими инновациями будущее

Ежегодно информационное пространство наполняется громкими заявлениями о технологиях, которые вот-вот изменят мир. Так, беспилотные автомобили должны были уже войти в повседневность, а биочипы — стать массовым инструментом. Однако практика показывает, что многие футуристичные разработки так и остаются на уровне красивых презентаций и громких обещаний. Компании, поспешившие инвестировать в такие инновации, нередко несут серьезные убытки. Это одна из опасностей ускорения научно-технического прогресса. Возникает закономерный вопрос: насколько можно доверять технологическим прогнозам?

See below for the English version of the article

КРИВАЯ ГАРТНЕРА КАК НАВИГАТОР: КАК ОТЛИЧИТЬ ХАЙП ОТ ТРЕНДА

Для оценки перспективности той или иной технологии аналитики и инвесторы уже много лет используют модель, известную как кривая Гартнера или Hype Cycle. Эта концепция описывает путь, который проходит любая инновация от появления до массового внедрения.

На начальном этапе, который называют технологическим триггером, появляются первые публикации о новой технологии. Затем вместе с ростом популярности и ожиданий технология поднимается на пик завышенных ожиданий, где ей приписывают сверхспособности. Однако почти неизбежно наступает момент разочарования, когда выясняется, что технология пока несовершенна, дорога или не имеет понятных сценариев применения. Интерес резко падает, проекты закрываются, и инновация погружается в так называемую впадину разочарования.

Те немногие разработки, которые способны пережить этот период, постепенно выходят на склон просветления, где формируется реальное понимание их ценности и появляются первые коммерчески успешные продукты. Финальной стадией является плато продуктивности, на котором технология становится мейнстримом и начинает приносить ощутимую экономическую выгоду.

Вопрос о точности прогнозов, построенных на основе этой модели, всегда вызывает дискуссии. Однако масштабные ретроспективные исследования, охватывающие сотни технологий за последние два десятилетия, демонстрируют, что доля полностью некорректных прогнозов о достижении технологией зрелости относительно невелика.

В частности, согласно анализу прогнозов Gartner, проведенному компанией «Технологии Доверия» (TeDo) и охватывающему 24 года (2000–2024) и 432 уникальные технологии, упомянутые в отчетах Hype Cycle for Emerging Technologies, доля

некорректных прогнозов с точки зрения достижения предсказанного уровня зрелости составила менее 10%. Еще около трети технологий на момент исследования оставались в стадии

КОЛИЧЕСТВО ТЕХНОЛОГИЙ ПО ГОДАМ В ОТЧЕТАХ GARTNER HYPE CYCLE

Источник: Исследование «Новый взгляд на GARTNER HYPE CYCLE», январь 2026, ТеДо

развития, и их окончательная судьба пока не определена. Это позволяет рассматривать Hype Cycle как достаточно надежный инструмент для стратегического планирования, хотя риск ошибки, безусловно, сохраняется: соотношение успешных прогнозов к неуспешным — 7 к 1.

УРОКИ ПРОШЛОГО: ТРИУМФЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Анализ пути, пройденного различными технологиями за последние 20 лет, дает обширный материал для анализа факторов успеха и причин провалов. Одни инновации преодолели полный цикл и достигли массового внедрения. Другие же застряли во впадине разочарования, так и не найдя своего рыночного применения. Существует и третья категория — технологии, которые долгое время оставались в тени, не привлекая внимания широкой публики, но в итоге произвели настоящую революцию.

Ярким примером стремительного и успешного прохождения пути является генеративный искусственный интеллект. Исследование «TeDo» относит эту технологию к числу редких случаев аномально быстрого успеха, отмечая, что она прошла путь от включения в цикл до массового внедрения всего за пять лет вместо стандартных 8–10. Ключевую роль в этом сыграли колоссальные инвестиции, стремительное снижение стоимости вычислительных мощностей и, что самое главное, появление понятных и полезных продуктов, таких как сред-

ОДНИ ИННОВАЦИИ ПРЕОДОЛЕЛИ ПОЛНЫЙ ЦИКЛ И ДОСТИГЛИ МАССОВОГО ВНЕДРЕНИЯ. ДРУГИЕ ЖЕ ЗАСТРЯЛИ ВО ВПАДИНЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ

ства автоматизации разработки или инструменты для генерации контента. Пользователи быстро увидели конкретную ценность технологии, что и обеспечило ей взрывной рост.

Другим примером успеха стала биометрия, которая из экзотической технологии превратилась в стандарт аутентификации благодаря распространению смартфонов и повышению точности алгоритмов распознавания. Технология 3D-печати, несмотря на первоначальный хайп, также нашла свою нишу в промышленности, прототипировании и медицине.

Однако гораздо больше примеров, когда завышенные ожи-

СТАДИИ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА КАЖДОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Источник: Исследование «Новый взгляд на GARTNER HYPE CYCLE», январь 2026, ТеДо

- WIMAX** (WORLDWIDE INTEROPERABILITY FOR MICROWAVE ACCESS) — ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ, РАЗРАБОТАННАЯ С ЦЕЛЬЮ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ БЕСПРОВОДНОЙ СВЯЗИ НА БОЛЬШИХ РАССТОЯНИЯХ ДЛЯ ШИРОКОГО СПЕКТРА УСТРОЙСТВ (ОТ РАБОЧИХ СТАНЦИЙ И ПОРТАТИВНЫХ КОМПЬЮТЕРОВ ДО МОБИЛЬНЫХ ТЕЛЕФОНОВ).
- UWB** (ULTRA WIDE BAND) — ТЕХНОЛОГИЯ СВЕРХШИРОКОПОЛОСНОЙ СВЯЗИ — БЕСПРОВОДНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ НА МАЛЫХ РАССТОЯНИЯХ С БОЛЬШОЙ СКОРОСТЬЮ И НИЗКИМ ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИЕМ.
- MESH-СЕТИ** (В ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО — «СЕТКА») — ЭТО РАСПРЕДЕЛЕННЫЕ, ОДНОРАНГОВЫЕ СЕТИ, В КОТОРЫХ УСТРОЙСТВА (УЗЛЫ) СВЯЗАНЫ ДРУГ С ДРУГОМ. В ОТЛИЧИЕ ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ОДНО-РОУТЕРНЫХ СИСТЕМ, ГДЕ СИГНАЛ ИСХОДИТ ИЗ ОДНОЙ ТОЧКИ И ПОСТЕПЕННО ОСЛАБЕВАЕТ ПО МЕРЕ УДАЛЕНИЯ ОТ НЕЕ, MESH-СЕТИ ИСПОЛЬЗУЮТ НЕСКОЛЬКО СВЯЗАННЫХ МЕЖДУ СОБОЙ УСТРОЙСТВ, КОТОРЫЕ ПЕРЕДАЮТ СИГНАЛ ДРУГ ДРУГУ ПО ЦЕПОЧКЕ.

дания сыграли злую шутку с разработчиками и инвесторами. История виртуальной реальности в начале 2010 годов — классический случай пузыря. Аналитические агентства прогнозировали выход VR на плато продуктивности уже к середине 2010-х, ожидалось, что технология войдет в каждый дом, предвещая скорый закат традиционных развлечений. Этого не произошло из-за целого комплекса проблем: высокая стоимость качественных устройств, отсутствие действительно прорывных приложений, ради которых стоило бы их покупать, а также недостаточная эргономичность и проблемы со здоровьем у некоторых пользователей.

Сегодня VR переживает второе рождение, но уже в связке с концепциями метавселенных и дополненной реальности, что подтверждает циклический характер развития инноваций. Похожая судьба постигла и автономный транспорт. Прогнозы о тотальном доминировании беспилотных автомобилей пятого уровня, не требующих участия человека, к началу 2020 годов не сбылись. Индустрия столкнулась с непреодоленными техническими сложностями в нестандартных дорожных ситуациях и жесткими регуляторными барьерами, что вынудило сместить фокус на развитие систем помощи водителю.

Другие технологии, такие как WiMAX, сверхширокополосная связь UWB или Mesh-сети, так и не смогли найти свое массовое применение, уступив место более удачным конкурентным решениям или оставшись в узких нишах.

Биочипы, в отличие от биометрии, остались в нише лабораторных и специализированных применений из-за сложной сертификации и высокой стоимости.

Не менее поучительна история технологий, которые были недооценены на старте, но впоследствии изменили ландшафт целых индустрий. Движение открытого исходного кода долгое время воспринималось как удел энтузиастов и не воспринималось всерьез крупным бизнесом. Сегодня же Open Source является фундаментом, на котором построена значительная часть мировой ИТ-инфраструктуры.

Технология виртуализации для архитектуры x86 также поначалу казалась нишевым решением для узких задач, однако именно она стала основой для облачной революции, позволив эффективно использовать серверные мощности. А появление нереляционных баз данных типа NoSQL долгое время оставалось в тени традиционных SQL-решений, пока не стало очевидно, что именно они способны справляться с лавинообразным ростом объемов данных и нагрузок в эпоху социальных сетей и интернета вещей. Сегодня рынок NoSQL продолжает расти, появляются зрелые отечественные решения.

Как отмечают эксперты компании «Технологии Доверия», общими характеристиками технологий, успешно прошедших цикл, являются именно открытость архитектуры, большое комьюнити поддержки и, как следствие, широкое применение в различных индустриях. Неудачи же, как правило, связаны с чрезмерной абстрактностью технологии, отсутствием понятной бизнес-ценности и сильной зависимостью от внешних, неконтролируемых факторов, таких как государственное регулирование или необходимость развития смежных технологических областей.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АППЕТИТ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

2010-е

ПОТРЕБЛЕНИЕ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ
ДАТА-ЦЕНТРАМИ:

~1%

Мировой
электроэнергии

К 2027 ГОДУ

ДАТА-ЦЕНТРЫ
МОГУТ ПОТРЕБЛЯТЬ

3-4%

ВСЕЙ МИРОВОЙ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

СЕГОДНЯ ФОКУС СМЕЩАЕТСЯ В СТОРОНУ СОЗДАНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ИИ-АГЕНТОВ, СПОСОБНЫХ САМОСТОЯТЕЛЬНО ВЫПОЛНЯТЬ СЛОЖНЫЕ, МНОГОШАГОВЫЕ ЗАДАЧИ

ТРИ КИТА НОВОГО ТЕХНО-УКЛАДА: ЭНЕРГИЯ, АГЕНТЫ И КИБЕР-ИММУНИТЕТ

Сегодня, оглядываясь на уроки прошлого, эксперты и аналитики выделяют несколько ключевых направлений, которые будут определять технологическое развитие в ближайшие годы.

Наиболее зрелым и быстрорастущим направлением остается искусственный интеллект, однако акценты внутри него смещаются. Если раньше речь шла об автоматизации отдельных рутинных операций, то сегодня фокус смещается в сторону создания так называемых ИИ-агентов, способных самостоятельно выполнять сложные, многошаговые задачи. Технология перестает быть просто инструментом и становится активным участником

бизнес-процессов, что требует от компаний полной перестройки своих операционных моделей вокруг новых возможностей.

Как отмечают эксперты в области ИТ-стратегий, речь уже не об автоматизации отдельных операций, а о пересборке процессов вокруг искусственного интеллекта. Теперь успех будет определяться не просто внедрением отдельных алгоритмов, а способностью выстроить целостную экосистему, где искусственный интеллект координирует работу различных систем и людей, а компании переходят к так называемому модельному мышлению.

Этот колоссальный рост вычислительных мощностей, необходимых для работы сложных нейросетей, порождает еще одну важнейшую тенденцию — конвергенцию искусственного интеллекта и энергетики. Спрос на энергию для дата-центров растет настолько быстро, что, по прогнозам аналитиков финансовых институтов, уже в ближайшие годы ожидается, что спрос превысит предложение.

Это стимулирует активный поиск недорогих, автономных и экологичных источников энергии. Крупные игроки рынка ИИ будут стремиться получать прямой контроль над энергетическими активами, чтобы обеспечить стабильность и предсказуемость своих затрат. Таким образом, будущее искусственного

СТАТИСТИКА ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОГНОЗОВ GARTNER

ИТОГО 223

КАТЕГОРИЯ СТАТУСА	ОБЩИЙ РЕЗУЛЬТАТ	ПОДКАТЕГОРИЯ	ЗНАЧЕНИЕ (АБСОЛ.)	ДОЛЯ (%)
ПРОГНОЗ УСПЕШЕН (УСПЕХ)	129 57,9%	✓ доведен	75	33,6%
		✓ фактически успешен, но исчез из отчетов	48	21,5%
		✓ продлевался	6	2,7%
НЕИЗВЕСТНО (НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ)	75 33,6%	? рано для оценки	75	33,6%
		? откладывается	56	25,1%
		🕒 нет прогноза	16	7,2%
ПРОГНОЗ НЕ УСПЕШЕН (ПРОВАЛ)	19 8,5%	✗ не дошел до плато в данный срок	7	3,1%
		✗ не доведен до провала, исчез из прогноза	5	2,2%
		✗ продлевался, не дошел до плато	1	0,5%
		✗ технология переименована	6	2,7%

Источник: Исследование «Новый взгляд на GARTNER HYPE CYCLE», январь 2026, ТеДо

See below for the English version of the article

интеллекта неразрывно связано с решением энергетической проблемы.

Не менее перспективными выглядят и более отдаленные направления, связанные с квантовыми технологиями. Эта область является классическим примером долгоиграющей инновации, которая, согласно данным ретроспективных исследований, десятилетиями находится на ранних стадиях развития. Массового появления квантовых компьютеров в ближайшие годы ждать не стоит, однако уже сейчас можно ожидать первых пилотных проектов в узкоспециализированных областях, таких как криптография, логистика и разработка новых лекарств, полагают эксперты.

Параллельно с этим развиваются так называемые квантово-вдохновленные алгоритмы, которые позволяют решать сложные задачи на классических компьютерах, используя принципы, заимствованные из квантовой физики.

И, наконец, в условиях все более сложного и насыщенного угрозами цифрового мира на передний план выходит кибербезопасность нового поколения. Традиционный подход, основанный на реактивных мерах, когда защита выстраивается в ответ на уже случившуюся атаку, перестает работать. На смену ему приходит концепция проактивной защиты, основанной на прогнозировании поведения злоумышленников и автоматизации процессов обнаружения и нейтрализации угроз с помощью искусственного интеллекта.

В долгосрочной перспективе речь идет о создании архитектуры активного кибериммунитета для критически важных объектов инфраструктуры, способной отражать атаки в автоматическом режиме, не дожидаясь вмешательства человека.

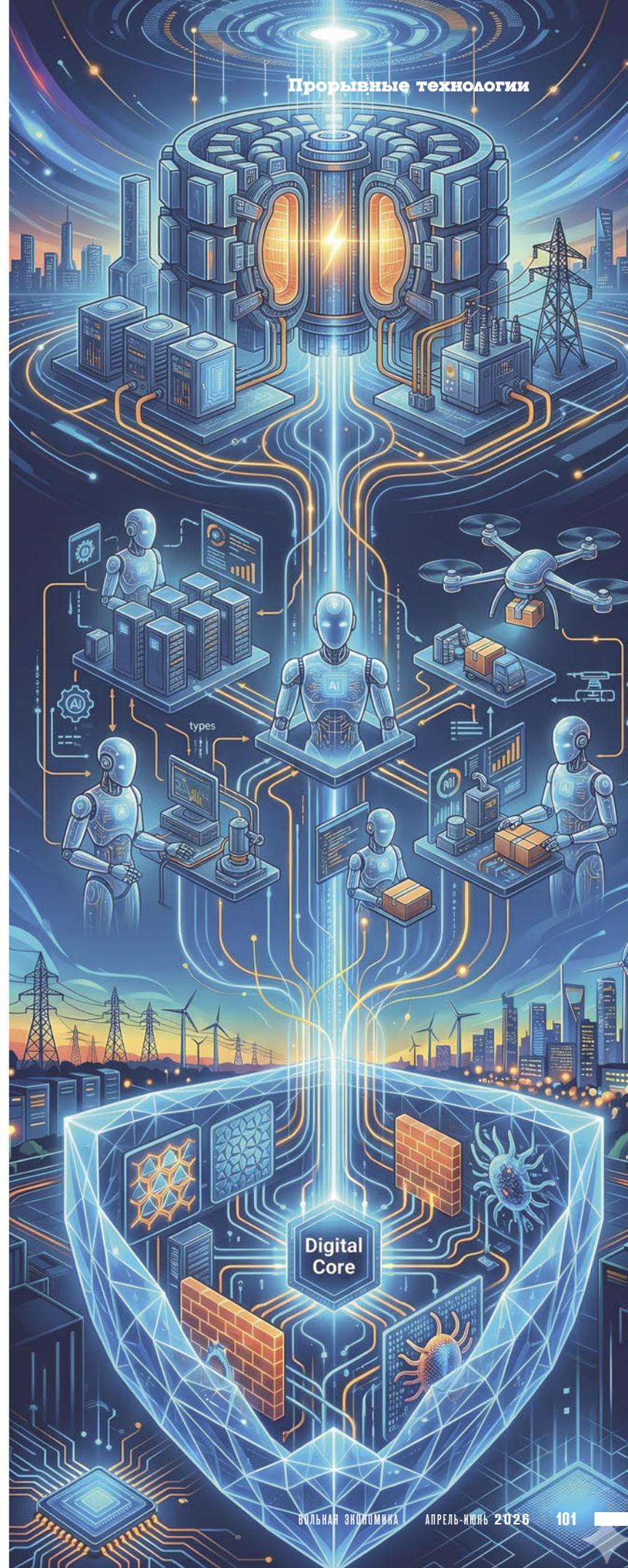
Таким образом, определение истинного потенциала новой технологии остается сложной, но выполнимой задачей. Использование проверенных аналитических моделей, таких как кривая Гартнера, в сочетании с глубоким пониманием рыночных механизмов и технологических ограничений позволяет отсеять мимолетные увлечения и сосредоточиться на разработках, которые действительно имеют шанс изменить мир.

Как показывает история, наиболее устойчивые и влиятельные технологии вырастают не из громких заголовков, а из кропотливой работы профессиональных сообществ, обладающей четкой архитектурой и решающей конкретные, осязаемые проблемы реального мира.

Сегодня ставка делается на те инновации, которые либо уже доказали свою практическую ценность, как искусственный интеллект, либо обещают дать ответы на фундаментальные вызовы ближайшего будущего — энергетические, стратегические и технологические.

Описанный выше триумфальный путь генеративного ИИ, однако, заставляет многих экономистов нервничать. Бурный рост акций NVIDIA и отсутствие прибыли у OpenAI — это классические признаки перегрева рынка. Не повторят ли создатели чат-ботов и ИИ-агентов судьбу строителей доткомов? На вопросы «ВЭ» ответил доктор экономических наук Игорь Фролов.

Маргарита Римская

«ИИ-ИНДУСТРИЯ ДЕМОНСТРИРУЕТ ПРИЗНАКИ ФИНАНСОВОГО ПУЗЫРЯ»

На вопросы «ВЭ» о прогнозах технологического развития ответил Игорь Эдуардович Фролов, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий лабораторией ИИП РАН.

Какова, на ваш взгляд, текущая расстановка сил в глобальном технологическом развитии? Сколько сейчас страны-лидеры тратят на научные исследования и разработки к 2026 году и какое место Россия занимает в этом распределении?

Анализ на основе международных данных показывает, что с 2017–2018 годов эмпирически фиксируется все усиливающаяся тенденция нарастания борьбы за новое технологическое лидерство между США и КНР, где главным центром притяжения частных инвестиций стали цифровые технологии (особенно в сфере технологий т.н. искусственного интеллекта (ИИ) — artificial intelligence — AI). Прогнозное моделирование показывает, что в 2026 году мировые затраты на сектор «исследований и разработок» (ИиР), вероятно, превысят 4 трлн долл. по паритету покупательной способности, причем доля США и КНР составит более половины от этой суммы. К сожалению,

Россия тратит на ИиР менее 1% от ВВП, находясь в 2026 году на десятом месте среди других стран, а в относительных масштабах ее затраты на ИиР будут менее 2% от всех мировых расходов на сектор «исследований и разработок».

Как вы оцениваете текущее состояние ИИ-индустрии?

Технологии ИИ, безусловно, относятся к прорывным технологиям, хотя заметим, что прямой перевод английского словосочетания artificial intelligence крайне неудачен для русского языка, так как имеет избыточную антропоморфную окраску, что регулярно порождает ложные коннотации. Сейчас ИИ — это лишь общее название множества разрозненных технологий, связанных с мечтой исследователей и инженеров об «умных машинах», и они представляют собой сложные программно-аппаратные комплексы, включенные в функционирование социальных сетей, предполагающие процессы и сервисы по обработке данных и поиска решений, что позволяет им имитировать некоторые формализуемые способности человеческого разума на основе т.н. машинного обучения с учетом предыдущих состояний и формирования правдоподобных реакций на звуковую речь, текст и изображения.

Тем не менее технологии ИИ могут быть использованы в самых различных областях человеческой деятельности в качестве необходимого «катализатора», позволяющего создать условия для появления радикальных инноваций или принципиально новых производственных систем, если их применять в четко алгоритмизуемых, конечно, номерных и поставленных экспертами задачах (экономия ресурсов на повторяющихся/рутинных процедурах, например, транспортное движение, военная сфера, поиск, моделирование и дизайн новых химических соединений и т.п.).

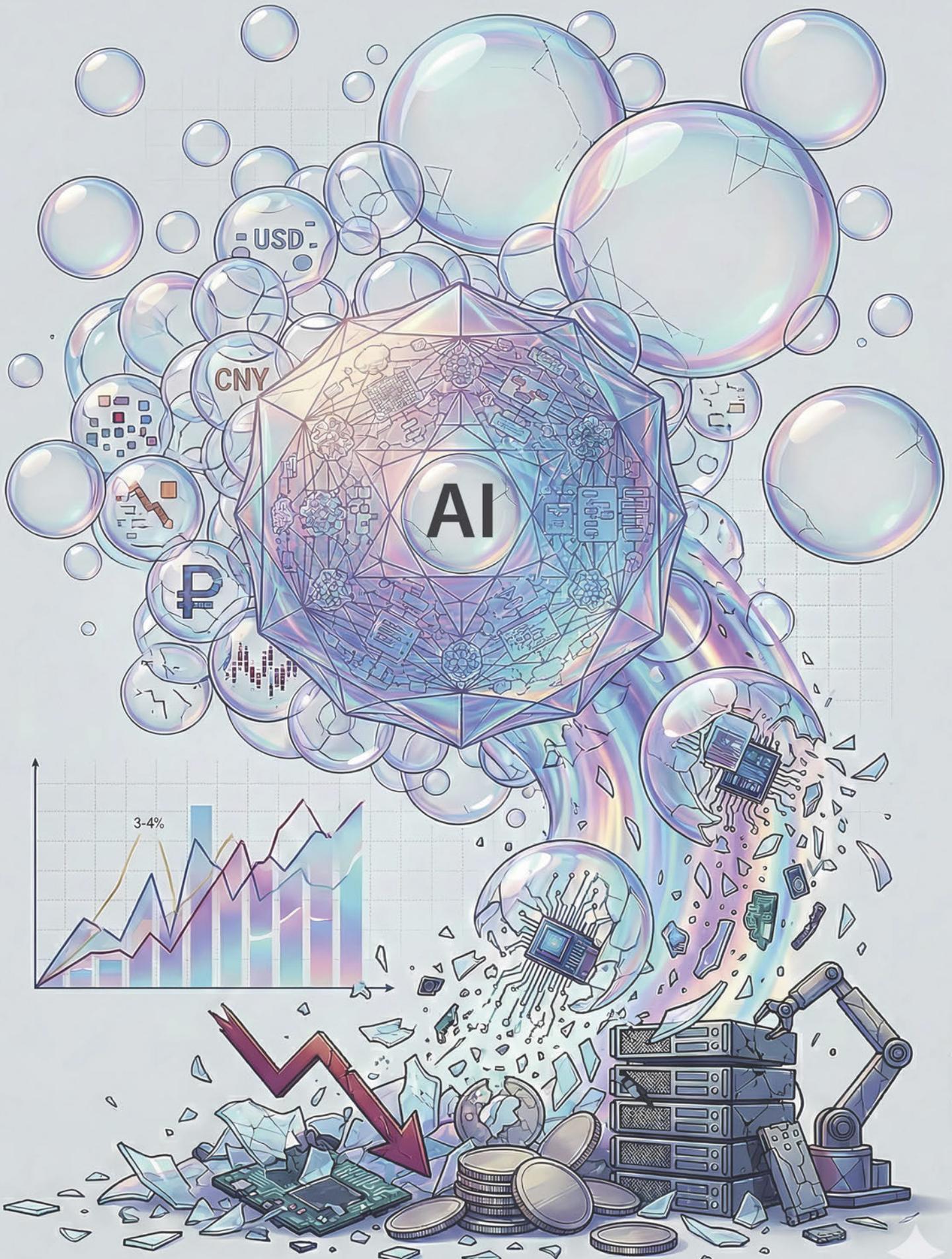
Однако ИИ-индустрия на начало 2026 года демонстрирует признаки финансового пузыря: Nvidia, OpenAI и другие ключевые компании Big Tech тратят значительно больше, чем зарабатывают, акции этих компаний переоценены в десятки раз. Похожая ситуация складывалась на фондовом рынке США в конце 1990-х и в конечном итоге вызвала т.н. кризис доткомов интернет-экономики (dot-com — «точкаком» — домен верхнего уровня). В ближайшие годы, скорее всего до 2028 года, пузырь ИИ лопнет, но часть созданных технологий сохранится и может вполне успешно применяться в своих нишах.

Какая технология или технологическое направление (помимо искусственного интеллекта) обладает, на ваш взгляд, наибольшим потенциалом стать системным драйвером нооперехода и почему?

Действительные прорывы ожидаются, вероятнее всего, в создании новых производственных систем на основе связки технологий ИИ, сенсоров, промышленных и антропоморфных/частично самопрограммируемых роботов. В долгосрочной перспективе (за горизонтом 2035 года) это может дать сильный скачок технологической производительности и создаст условия создания малолюдных производств.

See below for the English version of the article

AI PEAKING, QUANTUM IN THE SHADOWS: WHICH INNOVATIONS HOLD THE FUTURE

Every year, the information space is flooded with bold claims about technologies poised to change the world. For instance, autonomous vehicles were supposed to have already become a part of everyday life, and biochips—a mass-market tool. However, practice shows that many futuristic developments remain nothing more than flashy presentations and loud promises. Companies that rush to invest in such innovations often incur serious losses. This is one of the dangers of accelerating scientific and technological progress. A natural question arises: to what extent can technological forecasts be trusted?

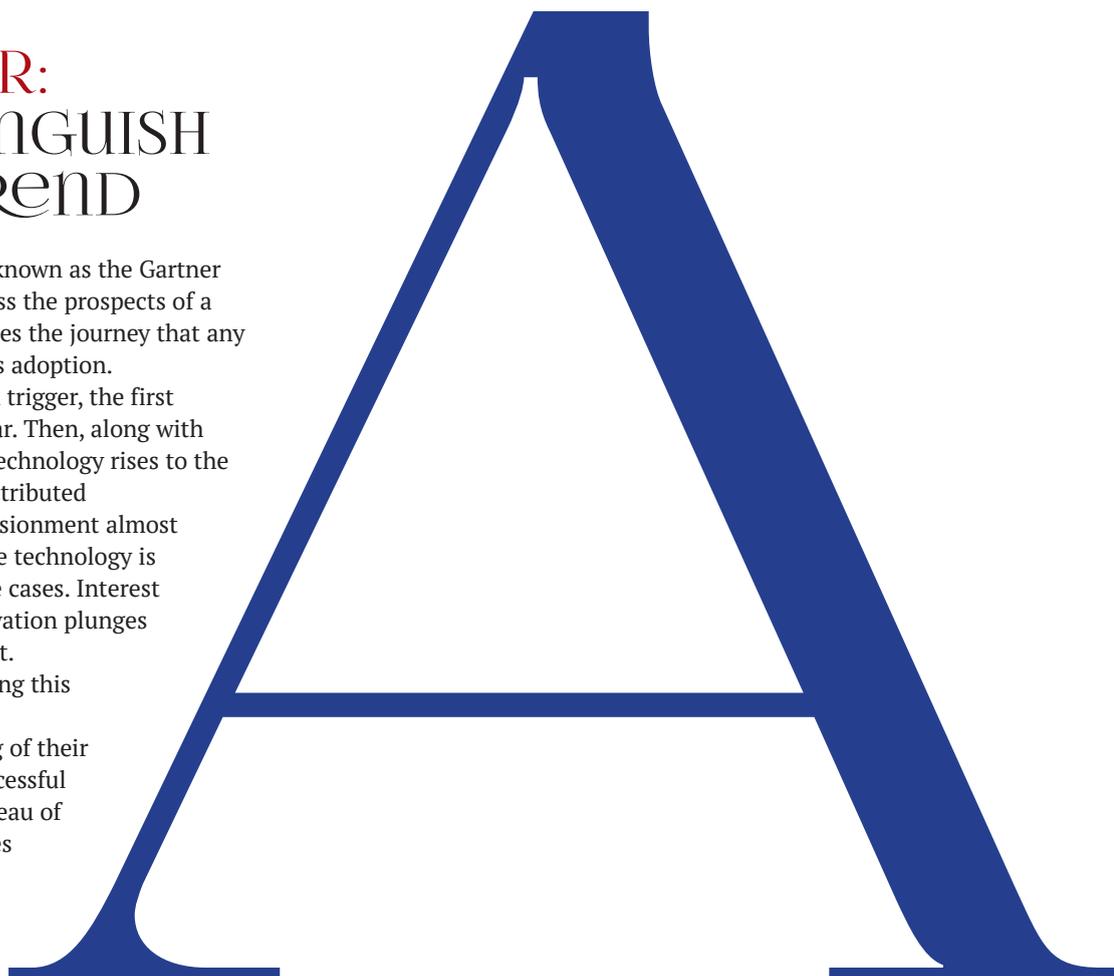
THE GARTNER HYPE CYCLE AS A NAVIGATOR: HOW TO DISTINGUISH HYPE FROM TREND

Analysts and investors have used a model known as the Gartner curve or Hype Cycle for many years to assess the prospects of a particular technology. This concept describes the journey that any innovation takes from its inception to mass adoption.

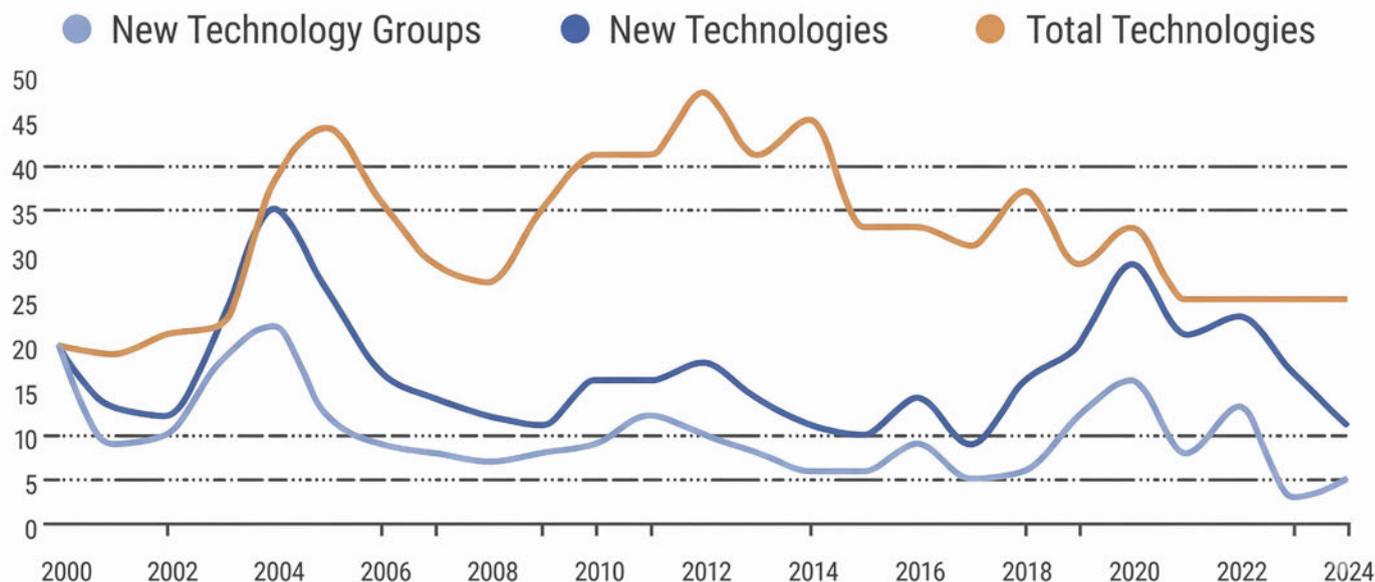
At the initial stage, called the innovation trigger, the first publications about a new technology appear. Then, along with growing popularity and expectations, the technology rises to the peak of inflated expectations, where it is attributed superpowers. However, a moment of disillusionment almost inevitably arrives when it turns out that the technology is still imperfect, expensive, or lacks clear use cases. Interest drops sharply, projects close, and the innovation plunges into the so-called trough of disillusionment.

The few developments capable of surviving this period gradually emerge onto the slope of enlightenment, where a real understanding of their value forms and the first commercially successful products appear. The final stage is the plateau of productivity, where the technology becomes mainstream and begins to yield tangible economic benefits.

The question of the accuracy of forecasts based on this model always

NUMBER OF TECHNOLOGIES BY YEAR IN GARTNER HYPE CYCLE REPORTS

Source: «A New Look at the Gartner Hype Cycle» study, January 2026, TeDo

sparks debate. However, large-scale retrospective studies covering hundreds of technologies over the past two decades demonstrate that the share of completely incorrect forecasts regarding a technology reaching maturity is relatively small.

In particular, according to an analysis of Gartner forecasts conducted by the «Technologies of Trust» (TeDo) company, covering 24 years (2000–2024) and 432 unique technologies mentioned in the Hype Cycle for Emerging Technologies reports, the share of incorrect forecasts in terms of reaching the predicted level of maturity was less than ten percent. About a third more of the technologies remained in the development stage at the time of the study, and their final fate has not yet been determined. This allows considering the Hype Cycle as a fairly reliable tool for strategic planning, although the risk of error undoubtedly remains: the ratio of successful to unsuccessful forecasts is 7 to 1.

LESSONS FROM THE PAST: TRIUMPHS AND DISAPPOINTMENTS OF TWO DECADES

An analysis of the path taken by various technologies over the last twenty years provides extensive material for analyzing success factors and causes of failure. Some innovations have completed the full cycle and achieved mass adoption, while others are stuck in the trough of disillusionment, never finding their market application. There is also a third category—technologies that remained in the shadows for a long time

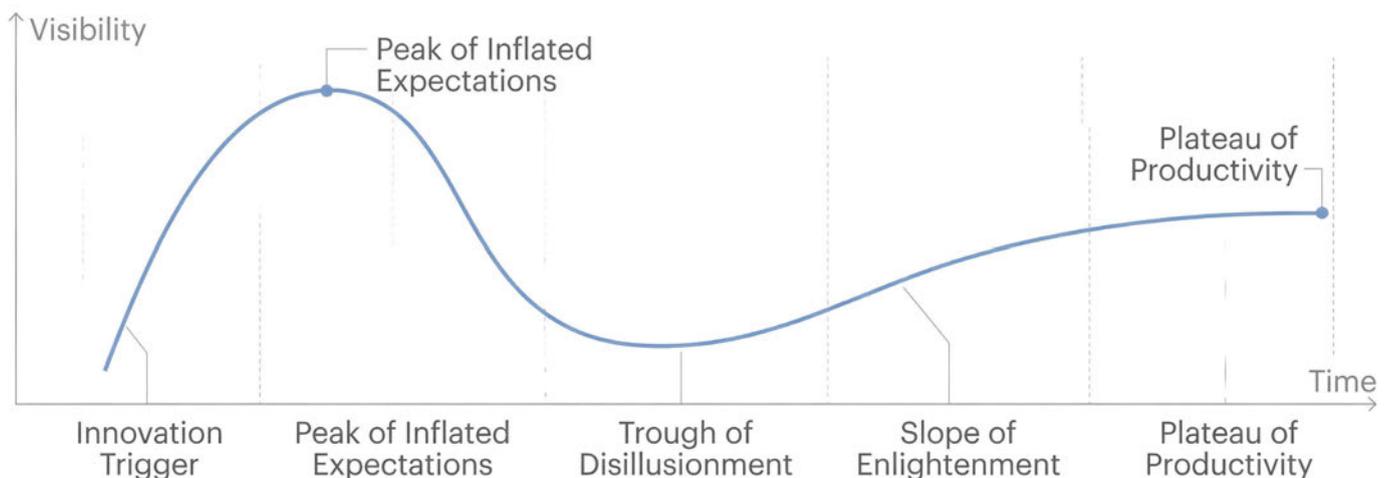
SOME INNOVATIONS HAVE COMPLETED THE FULL CYCLE AND ACHIEVED MASS ADOPTION, WHILE OTHERS ARE STUCK IN THE TROUGH OF DISILLUSIONMENT

without attracting public attention, but ultimately brought about a real revolution.

Generative artificial intelligence is a prime example of a rapid and successful journey. The «TeDo» study classifies this technology as a rare case of abnormally fast success, noting that it went from inclusion in the cycle to mass adoption in just five years, instead of the standard eight to ten. Massive investments, a rapid decline in the cost of computing power, and, most importantly, the emergence of clear and useful products, such as development automation tools or content generation tools, played a key role in this. Users quickly saw the tangible value of the technology, which ensured its explosive growth.

Another success story is biometrics, which evolved from an exotic technology into an authentication standard thanks to the proliferation of smartphones and the improved accuracy of

STAGES OF EACH TECHNOLOGY'S LIFE CYCLE

Source: «A New Look at the Gartner Hype Cycle» study, January 2026, TeDo

- **WiMAX** (WORLDWIDE INTEROPERABILITY FOR MICROWAVE ACCESS) IS A TELECOMMUNICATIONS TECHNOLOGY DEVELOPED TO PROVIDE UNIVERSAL WIRELESS COMMUNICATION OVER LONG DISTANCES FOR A WIDE RANGE OF DEVICES (FROM WORKSTATIONS AND LAPTOPS TO MOBILE PHONES).
- **UWB** (ULTRA WIDE BAND) IS AN ULTRA-WIDEBAND COMMUNICATION TECHNOLOGY— A WIRELESS DATA TRANSMISSION TECHNOLOGY OVER SHORT DISTANCES WITH HIGH SPEED AND LOW POWER CONSUMPTION.
- **MESH-NET** — ARE DISTRIBUTED, PEER-TO-PEER NETWORKS IN WHICH DEVICES (NODES) ARE CONNECTED TO EACH OTHER. UNLIKE TRADITIONAL SINGLE-ROUTER SYSTEMS, WHERE THE SIGNAL ORIGINATES FROM ONE POINT AND GRADUALLY WEAKENS AS IT MOVES AWAY FROM IT, MESH NETWORKS USE SEVERAL INTERCONNECTED DEVICES THAT TRANSMIT THE SIGNAL TO EACH OTHER ALONG A CHAIN.

recognition algorithms. 3D printing technology, despite the initial hype, has also found its niche in manufacturing, prototyping, and medicine.

However, there are far more examples where inflated expectations played a cruel joke on developers and investors. The history of virtual reality in the early 2010s is a classic case of a bubble. Analytical agencies predicted VR would reach the plateau of productivity by the mid-2010s; it was expected that the technology would enter every home, heralding the imminent decline of traditional entertainment. This did not happen due to a whole complex of problems: the high cost of quality devices, the lack of truly breakthrough applications worth buying them for, as well as insufficient ergonomics and health issues for some users.

Today, VR is experiencing a rebirth, but now in conjunction with the concepts of metaverses and augmented reality, confirming the cyclical nature of innovation development. A similar fate befell autonomous transport; predictions about the total dominance of level 5 self-driving cars, requiring no human intervention, by the early 2020s did not materialize. The industry faced insurmountable technical difficulties in non-standard road situations and strict regulatory barriers, which forced a shift in focus toward the development of advanced driver-assistance systems.

Other technologies, such as WiMAX, ultra-wideband (UWB) communications, or Mesh networks, failed to find mass application, giving way to more successful competing solutions or remaining in narrow niches.

Biochips, unlike biometrics, remained in the niche of laboratory and specialized applications due to complex certification and high cost.

No less instructive is the history of technologies that were underestimated at the start but later changed the landscape of entire industries. The open-source movement was long perceived as the domain of enthusiasts and was not taken seriously by large businesses. Today, however, Open Source is the foundation upon which a significant part of the global IT infrastructure is built.

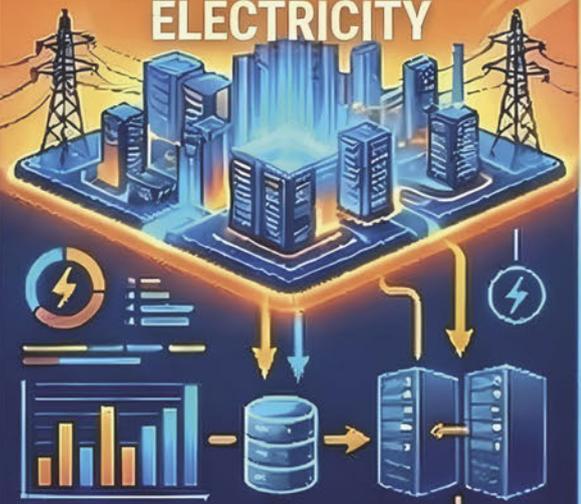
Virtualization technology for the x86 architecture also initially seemed like a niche solution for narrow tasks, but it became the basis for the cloud revolution, allowing efficient use of server capacities. And the emergence of non-relational databases like NoSQL remained in the shadow of traditional SQL solutions for a long time, until it became obvious that they were the ones capable of handling the avalanche-like growth of data volumes and workloads in the era of social networks and the Internet of Things; today, the NoSQL market continues to grow, and mature domestic solutions are appearing.

As experts from the «Technologies of Trust» company note, the common characteristics of technologies that successfully completed the cycle are precisely open architecture, a large support community, and, consequently, broad application across various industries. Failures, as a rule, are associated with the excessive abstractness of the technology, the lack of clear business value, and a strong dependence on external, uncontrollable factors, such as government regulation or the need to develop adjacent technological areas.

ENERGY APPETITE OF THE DIGITAL AGE

2010s
DATA CENTER
ELECTRICITY
CONSUMPTION:
~1%
of Global
Electricity

BY 2027,
DATA CENTERS
MAY CONSUME
3-4%
OF ALL WORLD'S
ELECTRICITY

TODAY, THE FOCUS IS SHIFTING TOWARD CREATING SO-CALLED AI AGENTS CAPABLE OF INDEPENDENTLY PERFORMING COMPLEX, MULTI-STEP TASKS

THE THREE PILLARS OF THE NEW TECHNO-ECONOMIC PARADIGM: ENERGY, AGENTS, AND CYBER IMMUNITY

Today, looking back at the lessons of the past, experts and analysts identify several key areas that will determine technological development in the coming years.

Artificial intelligence remains the most mature and fastest-growing area, but the emphases within

it are shifting. While previously the focus was on automating individual routine operations, today the focus is shifting toward creating so-called AI agents capable of independently performing complex, multi-step tasks. The technology ceases to be just a tool and becomes an active participant in business processes, which requires companies to completely rebuild their operating models around new capabilities.

As IT strategy experts note, it is no longer about automating individual operations, but about reassembling processes around artificial intelligence. Now, success will be determined not simply by the implementation of individual algorithms, but by the ability to build a holistic ecosystem where artificial intelligence coordinates the work of various systems and people, and companies transition to so-called model-based thinking.

This colossal growth in computing power required for the operation of complex neural networks gives rise to another crucial trend: the convergence of artificial intelligence and energy. The demand for energy for data centers is growing so fast that, according to forecasts by financial institution analysts, demand is expected to exceed supply in the coming years.

This stimulates an active search for inexpensive, autonomous, and eco-friendly energy sources. Major players in the AI market

GARTNER FORECAST ACCURACY STATISTICS

○ TOTAL **223** ○

STATUS CATEGORY	TOTAL RESULT	SUB-CATEGORY	VALUE (ABS.)	SHARE (%)
PREDICTION SUCCESSFUL (SUCCESS)	129 57.9%	✓ completed	75	33,6%
		✓ actually successful, but removed from reports	48	21,5%
		✓ extended	6	2,7%
UNKNOWN (UNCERTAINTY)	75 33.6%	⚠ too early to evaluate	75	33,6%
		⚠ postponed	56	25,1%
		⌚ no forecast	16	7,2%
PREDICTION UNSUCCESSFUL (FAILURE)	19 8.5%	✗ did not reach plateau within this timeframe	7	3,1%
		✗ not failed, disappeared from forecast	5	2,2%
		✗ extended, did not reach plateau	1	0,5%
		✗ technology renamed	6	2,7%

Source: «A New Look at the Gartner Hype Cycle» study, January 2026, TeDo

will seek to gain direct control over energy assets to ensure the stability and predictability of their costs. Thus, the future of artificial intelligence is inextricably linked to solving the energy problem.

More distant areas related to quantum technologies look equally promising. This field is a classic example of a long-playing innovation, which, according to retrospective studies, has been in the early stages of development for decades. While the mass appearance of quantum computers should not be expected in the coming years, experts believe we can already expect the first pilot projects in highly specialized areas such as cryptography, logistics, and the development of new drugs.

In parallel, so-called quantum-inspired algorithms are developing, allowing complex problems to be solved on classical computers using principles borrowed from quantum physics.

Finally, in the increasingly complex and threat-saturated digital world, next-generation cybersecurity is coming to the forefront. The traditional approach, based on reactive measures where defense is built in response to an attack that has already occurred, is no longer working. It is being replaced by the concept of proactive defense, based on predicting attacker behavior and automating the processes of detecting and neutralizing threats using artificial intelligence.

In the long term, we are talking about creating an architecture of active cyber immunity for critical infrastructure facilities, capable of repelling attacks automatically without waiting for human intervention.

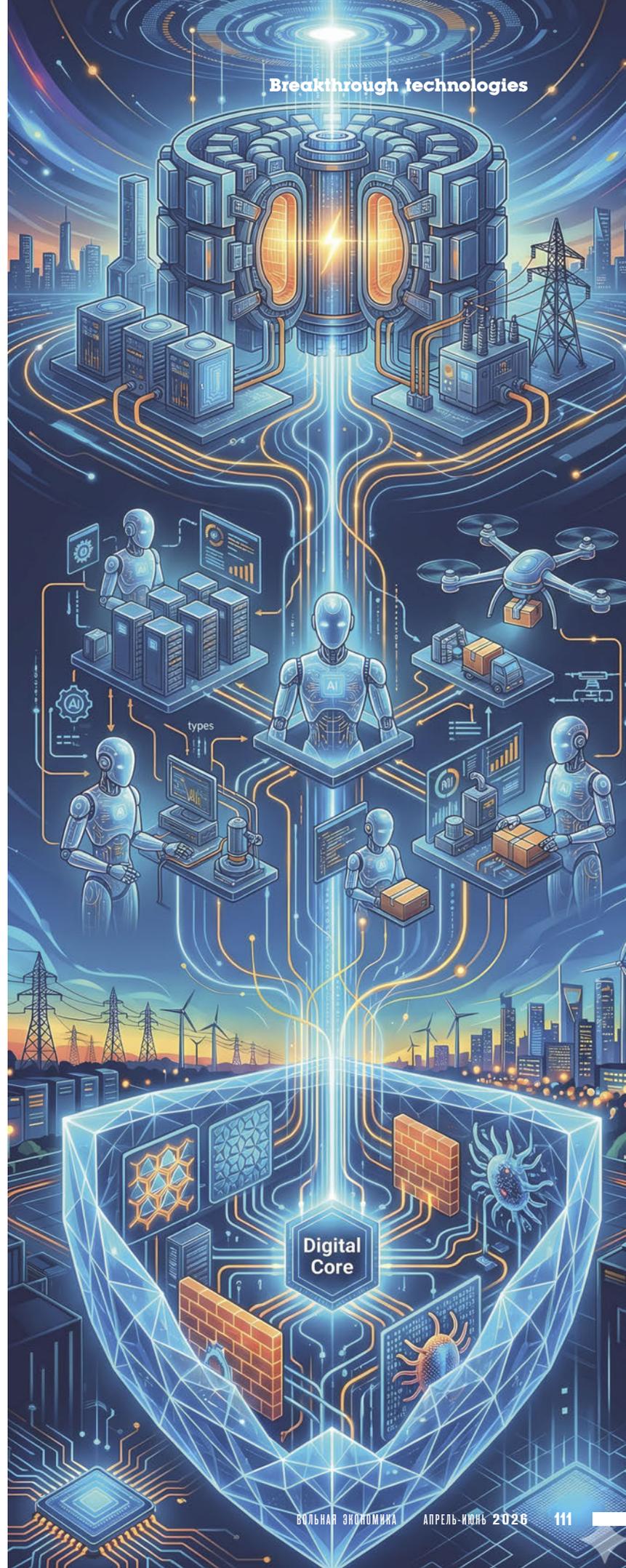
Thus, determining the true potential of a new technology remains a complex but feasible task. The use of proven analytical models, such as the Gartner curve, combined with a deep understanding of market mechanisms and technological limitations, makes it possible to filter out fleeting fads and focus on developments that truly have a chance to change the world.

As history shows, the most sustainable and influential technologies do not grow from loud headlines, but from the painstaking work of professional communities, possessing a clear architecture and solving concrete, tangible problems of the real world.

Today, bets are placed on those innovations that have either already proven their practical value, like artificial intelligence, or promise to provide answers to the fundamental challenges of the near future—energetic, strategic, and technological.

However, the triumphant path of generative AI described above makes many economists nervous. The explosive growth of NVIDIA's shares and OpenAI's lack of profit are classic signs of an overheated market. Will the creators of chatbots and AI agents repeat the fate of the dot-com builders? Doctor of Economics Igor Frolov answered the questions of «VE».

Margarita Rimskaya

«THE AI INDUSTRY IS SHOWING SIGNS OF A FINANCIAL BUBBLE»

Igor Eduardovich Frolov, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director for Scientific Work, and Head of the Laboratory at the Institute of Economic Forecasting (IEF) of the Russian Academy of Sciences (RAS), answered the questions of «VE» regarding technological development forecasts.

What, in your opinion, is the current balance of power in global technological development? How much do the leading countries currently spend on research and development towards 2026, and what place does Russia occupy in this distribution?

An analysis based on international data shows that since 2017–2018, there has been an empirically recorded, intensifying trend of a growing struggle for new technological leadership between the US and the PRC, where digital technologies (especially in the field of so-called «artificial intelligence» — AI) have become the main center of attraction for private investment. Forecast modeling shows that in 2026, global expenditures on the research and development (R&D) sector will likely exceed \$4 trillion at purchasing power parity, with the share

of the US and the PRC accounting for more than half of this amount. Unfortunately, Russia spends less than 1% of its GDP on R&D, ranking tenth among other countries in 2026, and in relative terms, its R&D expenditures will be less than 2% of total global research and development spending.

How do you assess the current state of the AI industry?

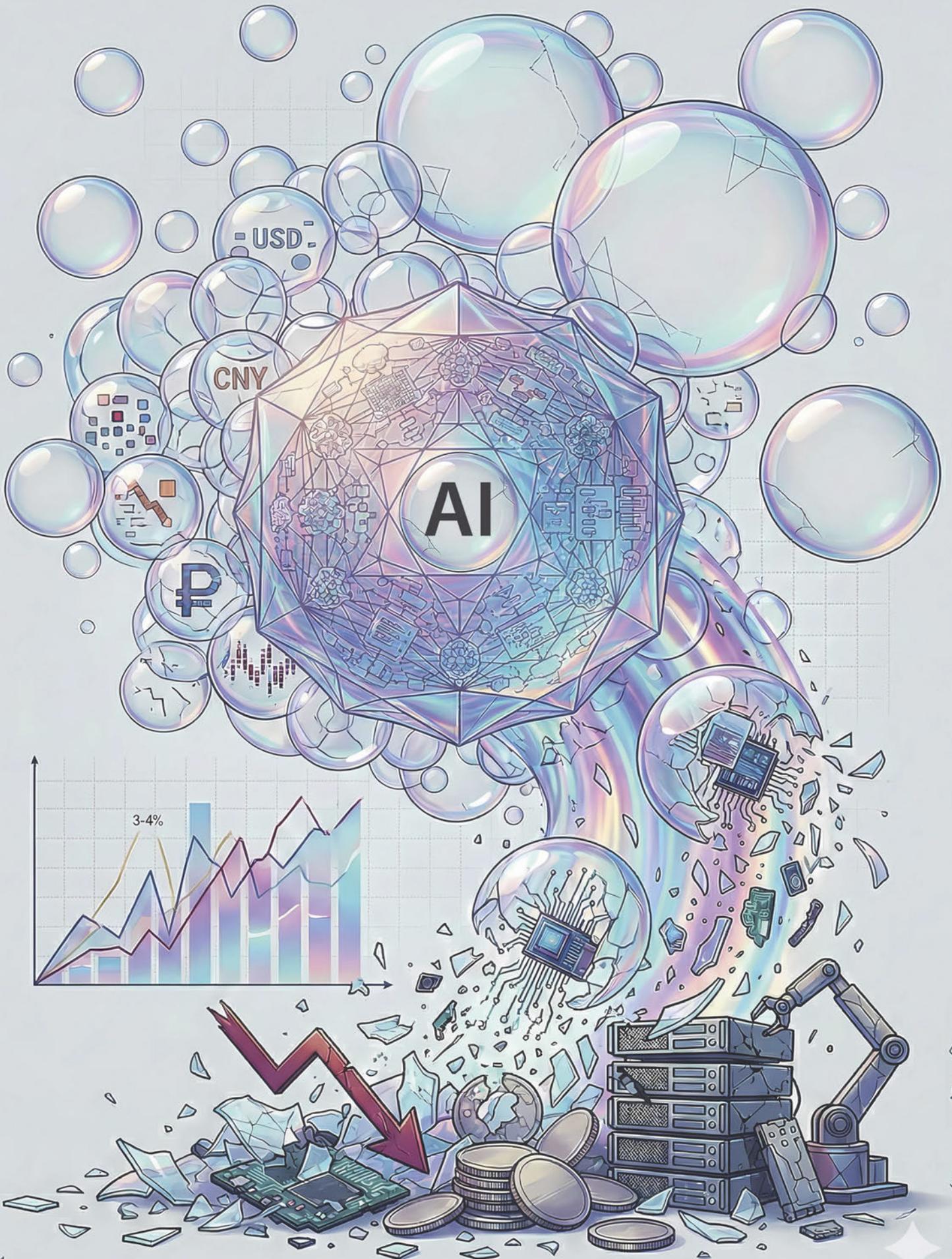
AI technologies undoubtedly belong to breakthrough technologies, although it should be noted that the direct translation of the English phrase «artificial intelligence» is highly unfortunate for the Russian language, as it has an excessive anthropomorphic overtone, which regularly generates false connotations. Currently, AI is merely a general name for a multitude of disparate technologies connected to the dream of researchers and engineers about «smart machines,» and they represent complex software and hardware systems integrated into the functioning of social networks, involving data processing and solution-finding processes and services. This allows them to imitate certain formalizable abilities of the human mind based on so-called «machine learning,» taking into account previous states and forming plausible reactions to audio speech, text, and images.

Nevertheless, AI technologies can be used in the most diverse areas of human activity as a necessary «catalyst,» creating conditions for the emergence of radical innovations or fundamentally new production systems if applied to strictly algorithmic, finite-dimensional tasks set by experts (saving resources on repetitive/routine procedures, for example, traffic flow, the military sphere, the search, modeling, and design of new chemical compounds, etc.).

However, the AI industry at the beginning of 2026 is showing signs of a financial bubble: Nvidia, OpenAI, and other key Big Tech companies are spending significantly more than they earn, and the shares of these companies are overvalued by dozens of times. A similar situation developed in the US stock market in the late 1990s and ultimately caused the so-called «dot-com crisis» of the internet economy (dot-com — a top-level domain). In the coming years, most likely by 2028, the AI bubble will burst, but some of the created technologies will survive and can be quite successfully applied in their respective niches.

Which technology or technological direction (besides artificial intelligence) has, in your opinion, the greatest potential to become a systemic driver of the noo-transition, and why?

Genuine breakthroughs are most likely expected in the creation of new production systems based on a combination of AI technologies, sensors, and industrial and anthropomorphic/partially self-programming robots. In the long term (beyond the 2035 horizon), this could yield a significant leap in technological productivity and create the conditions for the establishment of minimally staffed production facilities.

**АНТОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ: СБОРНИК КНИГ
ПОД ОБЩ. РЕД. ГОЛОВА РОМАНА СЕРГЕЕВИЧА**
М: Издательство «Дашков и К», 2025

«**А**нтология управления» — результат многолетней научно-исследовательской и прикладной работы авторского коллектива под руководством заведующего кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» МАИ, члена Президиума ВЭО России, профессора Р.С. Голова.

В состав сборника вошли учебники («Теория менеджмента», «Управление инновационной дея-

тельностью», «Экономика и управление на предприятии», «Организация производства, экономика и управление в промышленности»), монографии, посвященные управлению энергосбережением и инновационно-инвестиционной деятельностью промышленных предприятий, а также справочное издание «Бизнес-энциклопедия».

Эта серия книг является комплексным научно-практическим курсом управления в промышленности, содержит теорию, методологию и практические основы экономики и организации производства и будет интересна как руководителям промышленных предприятий, так и широкому кругу читателей.

**ВИДИМАЯ РУКА: ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ В КИТАЕ**
ЛАНЬ СЯОХУАНЬ
М: Издательство Института Гайдара, 2026

Книга профессора Пекинского университета и советника Всемирного банка Лань Сяохуань представляет собой систематическое исследование роли государства в экономическом развитии современного Китая.

На обширном эмпирическом материале (от электроники до текстильной промышленности) Лань Сяохуань демонстрирует механизмы работы «видимой руки»: целевое субсидирование, создание новых отраслей с нуля, координацию инвестиций и выстраивание цепочек добавленной стоимости. Особое

внимание уделяется способности китайского государства не только запускать проекты, но и своевременно сокращать поддержку по мере вызревания рыночных институтов.

Почему ее стоит прочесть? Во-первых, чтобы понять, почему китайская модель становится главным конкурентом западного либерализма в глазах развивающихся стран. Во-вторых, это блестящий учебник по «провалам правительства» наоборот: здесь описаны случаи, когда бюрократия оказалась эффективнее частного на этапе индустриализации.

Критики скажут, что рецепты Китая неэкспортируемы (слишком сильная дисциплина элит и отсутствие политических циклов). Но игнорировать этот труд — значит отказываться видеть, как на самом деле работает экономика № 2 в мире.

**ИСТОРИЯ БОГАТСТВА НА ЗАПАДЕ. КАК БОГИ СРЕДИ
ЛЮДЕЙ**
АЛЬФАНИ ГВИДО
М.: АСТ, 2025

Книга итальянского экономиста и историка Гвидо Альфани посвящена исследованию феномена богатства в западноевропейской цивилизации. Автор предлагает отказаться от привычных клише классовой борьбы и безличных рыночных сил, сосредоточив внимание на антропологии предпринимательства. От флорентийских банкиров эпохи Возрождения до промышленных магнатов XX века — Альфани проследживает формирование уникального западного типа «человека деятельного» (homo faber), чья воля, талант и готов-

ность к риску становятся главными двигателями экономического прогресса.

Сравнивая великих создателей с античными богами, автор утверждает, что подлинное богатство всегда рождается из служения — идее, технологическому прорыву или эстетическому идеалу. Это страстная апология творца, доказывающая, что предпринимательская инициатива является не просто способом обогащения, а фундаментальной силой, формирующей материальную ткань цивилизации. В эпоху, когда само понятие богатства часто подвергается демонизации, работа Альфани звучит как напоминание о том, что уважение к частной собственности, таланту и свободе эксперимента — это не прихоть элит, а необходимое условие существования и процветания общества.

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ЭКОНОМИКИ
АУЗАН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
 М.: АСТ, 2025

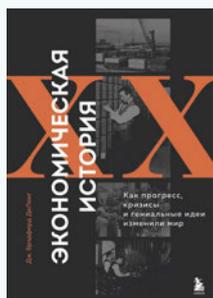

Книга декана экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Александра Аузана посвящена исследованию глубинных связей между культурой, ценностями и экономическим развитием. Автор исходит из предпосылки, что формальные институты (законы, правила, нормы) работают по-разному в зависимости от культурного контекста, в котором они укоренены. Экономический рост, предпринимательская активность, инновации и даже характер рыночных отношений оказываются производными от неформальных кодов, передающихся из поколения в поколение.

Работа построена на стыке институциональной экономики, культурной антропологии и социальной психологии. Центральный вопрос книги: почему одни общества успешно адаптируются к вызовам современности, а другие испытывают хронические трудности, несмотря на импорт «правильных» институтов?

Особое внимание уделяется российской специфике. Автор анализирует такие культурные черты, как дистанция власти, избегание неопределенности, соотношение индивидуализма и коллективизма, и показывает, как эти характеристики влияют на доверие в обществе, качество деловой среды и готовность к долгосрочным инвестициям. Важное место занимает обсуждение возможностей и границ целенаправленного изменения культурных кодов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА. КАК ПРОГРЕСС, КРИЗИСЫ И ГЕНИАЛЬНЫЕ ИДЕИ ИЗМЕНИЛИ МИР
ДЖЕЙМС БРЭДФОРД ДЕЛОНГ
 М.: Бомбора, 2026

Книга представляет собой повествование о том, как минувшее столетие сформировало современную экономическую реальность. Автор рассматривает XX век как эпоху беспрецедентных трансформаций, когда на смену классическому капитализму XIX века пришли принципиально иные модели хозяйственного устройства — от плановой экономики до социального рыночного хозяйства и неolibеральной глобализации.

Работа охватывает период от «прекрасной эпохи» и золотого стандарта до крушения биполярной системы и становления цифровой экономики. Центральное место отведено анализу ключевых событий и процессов: Великая депрессия и «Новый курс» Рузвельта, послевоенное восстановление Европы (план Маршалла), нефтяные шоки 1970-х, японское «экономическое чудо», крах социалистической системы и финансовые кризисы рубежа тысячелетий.

Особенность издания — соединение макроэкономического анализа с историями людей, чьи идеи изменили мир. Автор показывает, как абстрактные теории воплощались в конкретные реформы и как практика заставляла пересматривать казавшиеся незыблемыми догмы.

Отдельное внимание уделено технологическому прогрессу: конвейерное производство Форда, атомная энергетика, компьютерная революция — каждый технологический скачок неизбежно влек за собой перестройку экономических институтов и социальной структуры.

ЦИФРОВОЙ КАПИТАЛИЗМ И РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ
САБИНА ПФАЙФФЕР
 М: ИД «Высшей школы экономики», 2026

Книга немецкого экономиста и социолога Сабины Пфайффер предлагает оригинальный взгляд на трансформацию капиталистического производства в эпоху

цифровых технологий. Автор отходит как от технооптимистических трактовок «цифровой революции», так и от упрощенных теорий эксплуатации, сосредоточившись на анализе того, как алгоритмы, платформы и программное обеспечение меняют фундаментальные механизмы распределения ресурсов и власти в экономике.

Центральное понятие работы — «распределительные силы» — определяется Пфайффер как совокупность технологических и организационных инструментов, посредством которых осуществляется контроль над потоками товаров, информации и труда. В отличие от традиционных производительных сил, нацеленных на создание благ, распределительные силы в цифровую эпоху приобретают доминирующее значение: платформенные гиганты (Amazon, Uber, Alibaba) извлекают прибыль не столько из производства, сколько из управления доступом к рынкам и данным.

На материале логистики, облачных вычислений и автоматизированного управления персоналом автор демонстрирует, как цифровые технологии усиливают асимметрию между владельцами инфраструктур и их пользователями. Особое внимание уделяется феномену «тихой индустриализации» — превращению программных интерфейсов в инструмент дисциплины труда и перераспределения стоимости в пользу держателей платформ.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО: 80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДМИТРИЯ СОРОКИНА

В январе 2026 года исполнилось бы 80 лет со дня рождения Дмитрия Евгеньевича Сорокина — члена-корреспондента Российской академии наук, доктора экономических наук, профессора, вице-президента Вольного экономического общества России. В истории Общества он занимает особое место: более четверти века участвовал в ключевых проектах ВЭО России и на протяжении десяти лет возглавлял научный форум «Абалкинские чтения».

СЕМЬЯ

Когда знакомишься с семейной историей Дмитрия Евгеньевича Сорокина, понимаешь истоки его жизненного пути.

Его бабушка, Александра Сергеевна Кузнецова, родилась в 1894 году в селе Починки Нижегородской губернии, в крестьянской семье. Золотая медалистка Арзамасской женской гимназии, она прошла путь от учительницы в глухой деревне до профессора и заведующей кафедрой политической экономии Московского экономико-статистического института. В ее биографии — и организация первой партийной ячейки большевиков в 1918-м, и Институт красной профессуры, и два ордена «Знак Почета». «Диму любила беззаветно и безоговорочно. Была очень простым, добрым, искренним, честным человеком».

Мама, Инесса Федоровна Сорокина (Леонтьева), — тоже выпускница МЭСИ, доктор экономических наук, профессор. Тридцать лет, с 1964 по 1994 год, она возглавляла кафедру политической экономии Всесоюзного заочного финансово-экономического института (ныне — часть Финансового университета). Ее портрет был бы неполным без штрихов, оставленных близкими: любила искусство, умела дружить, была прекрасной матерью — «сын и дочь всегда знали, что с ней можно поделиться проблемами, что есть место, куда можно прийти всегда, где поймут и помогут». И при этом — «могла быть и жесткой, по справедливости». Инесса Федоровна тоже писала стихи, и в них — характер:

*Все сама, захочу — заплачу,
Захочу — все весельем закружится.
Из беды — сотворю удачу,
В океан превращаю лужицу...*

Дмитрий Евгеньевич с детства впитывал и бабушкину душевную простоту, и мамину интеллигентность, и общую для них обоим преданность делу.

СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО

Дмитрий Евгеньевич Сорокин родился 1 января 1946 года в Москве. В четырехлетнем возрасте уже читал наизусть «У Лукоморья дуб зеленый» и некрасовского «Крестьянских детей». В школьные годы увлекся туризмом, ходил в походы на байдарках по малым рекам Подмоскovie, а позже — в одиночные сплавы по сибирским рекам. Это увлечение он сохранил на всю жизнь.

В 1969 году окончил Московский экономико-статистический институт по специальности «инженер-экономист», там же поступил в аспирантуру. В 1972-м защитил кандидатскую диссертацию о влиянии специализации производства на воспроизводство рабочей силы. Преподавал в МЭСИ, затем в Академии МВД СССР, в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ.

С 1988 года работал в Институте экономики Российской академии наук: заведовал сектором, руководил отделом, был заместителем директора по научной работе, первым заместителем директора, исполняющим обязанности директора. В 1991 году защитил докторскую диссертацию по проблемам саморегулирования общественного производства. В 2008 году был избран членом-корреспондентом РАН.

Научные интересы Дмитрия Евгеньевича охватывали широкий круг проблем: варианты социально-экономической трансформации российского общества, институциональное реформирование экономической системы, отношения собственности, трудовые отношения, государственное регулирование экономики. Он уча-

ствовал в разработке альтернативного проекта перехода от плановой системы к рыночной, предполагавшего сочетание либерализации с усилением роли государства и активным участием институтов гражданского общества. Этот проект, по политическим причинам отвергнутый в свое время, сегодня оценивается как более перспективный по сравнению с реализованным на практике.

Дмитрий Евгеньевич — автор и соавтор более 100 научных работ, включая монографии «Россия перед вызовом: политическая экономия ответа», «Стратегический ответ России на вызовы нового века», «Модернизация и экономическая безопасность России», «Стратегические ориентиры экономического развития России». Удостоен Премии Правительства РФ в области образования, награжден почетным знаком и дипломом лауреата премии МЧС России за монографию «Стратегические риски России: оценка и прогноз».

Эстафета АБАЛКИНА: ПРИНЦИП ОТКРЫТОСТИ*

«Для Вольного экономического общества России особая честь и истинная гордость, что в руководстве ВЭО России более четверти столетия работал Дмитрий Евгеньевич. В 2011 году он принял эстафету от выдающегося ученого-экономиста академика Леонида Ивановича Абалкина и в течение десяти лет руководил научным форумом «Абалкинские чтения».

«Круглый стол „Экономический рост России“ был „детищем“ Леонида Ивановича Абалкина. А идеи не умирают. В девяти случаях из десяти, подводя итоги „Абалкинских чтений“, я привожу мнение Леонида Ивановича по тому или иному вопросу. И оно всегда оказывалось актуальным», — вспоминал Дмитрий Евгеньевич.

Он сумел сохранить главный принцип ВЭО — открытость. «В России есть разные школы экономической мысли. Я абсолютно убежден: в науке никто не имеет монополии на истину. Нет единственного верного учения», — считал ученый. Он приглашал к диалогу экономистов разных направлений, потому что был убежден: только совместными усилиями можно решить назревшие проблемы страны. И благодаря ему в дискуссиях звучали самые разные, порой полярные мнения, что обеспечивало объективный и всесторонний анализ.

ПРОСВЕТИТЕЛЬ И НАСТАВНИК*

Много души и энтузиазма Дмитрий Евгеньевич вложил в просветительские проекты ВЭО России. Четыре года он возглавлял Методическую комиссию Всероссийского экономического диктанта. «Миссия Экономического диктанта — донести

* Из статьи М.А. Ратниковой, вице-президента, директора ВЭО России «Бескомпромиссное служение науке, людям, Отечеству» / «Д.Е. Сорокин. Искристый путь» — М.: ИД «Экономическая газета», 2026.

до участников, что экономические навыки и знания необходимы: это одно из важнейших условий личной защищенности», — полагал он. Сотни тысяч людей по всей стране получают сегодня экономические знания — и в этом несомненная заслуга Дмитрия Евгеньевича.

Большое внимание ученый уделял работе с молодежью. Он часто повторял слова Леонида Абалкина: «Главное условие социально-экономического прогресса: чтобы каждое следующее поколение было хоть чуть-чуть, но умнее предыдущего». Дмитрий Евгеньевич был убежден: одна из основных задач общественных институтов и системы образования — «превращать креативный потенциал молодых людей в потенциал развития страны», обеспечивать равные стартовые возможности, чтобы «Михаилы Ломоносовы из сибирских деревень не были вынуждены проявлять героизм ради образования».

Всероссийский конкурс научных работ молодежи ВЭО России, которым занимался Дмитрий Евгеньевич, стал

для многих юных исследователей путевкой в жизнь. Анализируя работы победителей, ученый с удовлетворением отмечал: все не зря — с такой молодежью у страны есть будущее.

Коллеги помнят его как энциклопедически эрудированного, принципиального, неравнодушного ученого, увлеченного своим делом и способного увлечь им других. Его вклад в работу Вольного экономического общества России, в развитие «Абалкинских чтений», в подготовку научных кадров и просветительских проектов — это не просто строки в отчетах, а реальное наследие, с которым продолжают работать.

Лев Толстой писал: «Величие есть там, где простота, доброта и правда». Дмитрий Евгеньевич Сорокин остался в памяти именно таким человеком».

МИХАИЛ АБДУРАХМАНОВИЧ ЭСКИНДАРОВ,
ПРЕЗИДЕНТ, НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ВЭО РОССИИ

«Замечательный колумбийский писатель Габриэль Гарсия Маркес писал: "Вранье, что люди перестают преследовать свои мечты, потому что стареют; они потому и стареют, что перестают преследовать свои мечты". Когда я в первый раз прочитал эти слова, я в первую очередь подумал о Дмитрие Евгеньевиче. Вот человек, которого старость не догонит, подумал я, он всегда был в мечтах. Он мечтал о том, что в семье будет полный порядок, что сын добьется больших успехов, что университет и впредь будет развиваться высокими темпами. А знаете, он всегда был и остался молодым»

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ГОЛОВНИН,
ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН,
ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ВЭО РОССИИ

«Безусловно, Институту экономики РАН очень не хватает такого яркого, открытого, дружелюбного человека и одновременно глубокого научного исследователя, как Дмитрий Евгеньевич Сорокин. Благодаря его замечательным коммуникационным способностям наладилось и до сих пор продолжается тесное сотрудничество Института с Вольным экономическим обществом и Финансовым университетом. Он всегда будет в наших сердцах и в нашей памяти!»

ВОСПОМИНАНИЯ КОЛЛЕГ*

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ПОРФИРЬЕВ,
НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ИНСТИТУТА
НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАН,
ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

«Дима был одной из ключевых фигур Вольного экономического общества, выполняя функции вице-президента ВЭО России и — возможно, главное — основателем и многолетним модератором Абалкинских чтений: постоянно действующей серии семинаров и конференций, посвященных актуальным вопросам российской экономической политики. Словно умелый лоцман, он вел «корабль» этих чтений, избегая опасных лабиринтов многословья, уводящих выступающих от главной темы, и мелей пустопорожних рассуждений. Нередко, в самые непростые моменты бурных дискуссий или, напротив, внезапного штиля пауз, как настоящий капитан корабля, брал штурвал в свои руки, выступая с собственными глубокими и одновременно остроумными и поучительными комментариями»

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕТРИНОВ,
РУКОВОДИТЕЛЬ ВСЕРОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА
АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ И ИНФОРМАТИКИ
ИМЕНИ А.А. НИКОНОВА, ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ВЭО РОССИИ

«Именно Россия, ее экономическая судьба, конкурентоспособность на мировом рынке, обеспечение научно-технологического суверенитета и национальной безопасности страны были главными темами его научного творчества (особенно в последние десятилетия). При этом он был не квасным, а настоящим патриотом, смело говорил о недостатках и противоречиях нашего социально-экономического развития, всегда предлагал пути улучшения положения. Важнейшими среди них он считал развитие гражданского общества и подготовку кадров экономистов, обладающих не только высокой квалификацией, но и активной гражданской позицией: „...высокий уровень образования без просвещения не гарантирует внутреннюю гражданскую социальную ответственность... Давайте не будем забывать, что мы готовим в вузах не просто профессионалов, а должны готовить граждан. Иначе будут проблемы“»

¹ Из книги «Д.Е. Сорокин. Искристый путь» — М.: ИД «Экономическая газета», 2026.

ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ

Входит в систему Отделения общественных наук РАН

Сергей Юльевич Витте (1849-1915)

ИНСТИТУТ
НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ

Исследования в области
индустриального развития,
формирование концепций
и программ развития
промышленности, ведущих
отраслей, регионов.

Методическое
руководство
Отделения общественных
наук РАН.

Кооперация с ведущими
российскими и зарубежными
научными
и аналитическими
центрами.

Проведение научных,
научно-практических,
методических конференций
и семинаров.

Адрес: 197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, д. 16. Тел: 8 (812) 313-82-68

inir@inir.ru

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

ОРГАНИЗАТОРЫ ФОРУМА

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

27–28 мая 2026 года

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Тема МАЭФ-2026:

«Приоритеты экономического развития и технологический суверенитет России»

Московский академический экономический форум (МАЭФ) — международная постоянно действующая научно-экспертная диалоговая площадка, в рамках которой работают отраслевые и тематические форумы. МАЭФ проводится ежегодно с 2019 года.

Архитектура Форума включает ежегодные отраслевые и тематические форумы, центральные мероприятия МАЭФ — основное пленарное заседание в Российской академии наук, пленарные конференции на площадках ведущих вузов и научных центров в Москве, а также региональные и межрегиональные конференции, конгрессы, круглые столы, молодежные секции в различных субъектах Российской Федерации.

Работа региональных площадок МАЭФ: 1 апреля — 18 мая 2026 года (региональные и межрегиональные научно-практические конференции, молодежные секции в субъектах Российской Федерации).

Центральные мероприятия МАЭФ: 27 — 28 мая 2026 года

27 мая — основное пленарное заседание в Российской академии наук.

28 мая — пленарные конференции форума на площадках ведущих вузов и научных центров в г. Москве

Программа и детальная информация о мероприятиях МАЭФ публикуется:

- на официальном сайте форума — <https://maef.veorus.ru>
- на сайтах Российской академии наук, ВЭО России
- VK — <https://vk.com/moscowacademicforum>